ЗЭДИ СМИТ

СЕВЕРО ЗАПАД

Зэди Смит жестока ко всем своим героям, но особенно ... к тем, кто хватается за прошлое, вместо того чтобы взять под контроль настоящее.

Алексей Поляринов о романе «Белые зубы»

Северо-Запад
Зэди Смит

Аннотация
Зэди Смит. Северо-Запад
Посещение
Гость
Хозяйка
Перекресток
Посещение
Благодарности

Аннотация

Лондон, начало века. Среди нестабильности, бедности и упадка Ли, Натали, Феликс и Натан, родившиеся в нищем районе под названием Колдвелл, пытаются отыскать свое место в жизни. Куда приведет их борьба с самими собой и с городом, который способен перемолоть даже самых сильных?

«Северо-Запад» – сложный, стилистически безупречный роман Зэди Смит, одной из важнейших английских писательниц нашего времени.

Содержит нецензурную брань!

Зэди Смит
Северо-Запад

Посвящается Келлас
Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто дворянином был тогда?
Джон Болл

Посещение

1

Жирное солнце зависает на телефонных мачтах. Антивандальная краска на воротах школы и фонарных столбах приобретает какой-то дьявольский оттенок. В Уиллздене люди ходят босиком, улицы становятся европейскими, все подвержены мании есть на улице. Она держится в тени. Рыжеволосая. По радио: «Я единственный автор словаря, в котором дается определение меня». Хорошая строка — записать ее на заднике журнала. В гамаке, в саду подвальной квартиры. Обнесенном со всех сторон забором.

Через четыре сада мрачная девица на третьем этаже кричит по-англосаксонски на никого. Балкон Джульетты растянулся на мили. Все не так. Нет, все не так. Не начинай этого. Окурок в руке. Мясистый, красный, как омар.

Я единственный[1]

Я единственный автор

---

[1] notes: 1

В английском оригинале здесь обыгрывается омофония слова sole («единственный»), которое имеет еще значение «подошва», кроме того, по звучанию с sole совпадает и другое слово — soul («душа»).

Я единственный автор

Карандаш не оставляет следов на страницах журнала. Где-то она читала, что от глянца — рак. Все знают, не должно быть так жарко. Сморщенный бутон и маленькие горькие яблочки. Птицы поют не те мелодии на не тех деревьях слишком рано не по сезону. Не смей начинать, черт возьми! Посмотри наверх: обгоревший живот девицы лежит на перилах. Мишель любит говорить: не каждого можно пригласить на вечеринку. Не в этом веке. Жестокое мнение — она его не разделяет. Не всё делят в браке. Желтое солнце высоко в небе. Голубой крест на белой палке, ясный, отчетливый. Что делать? Мишель на работе. Он все еще на работе.

Я

единственный

Пепел падает в сад внизу, за ним следует окурок, за ним коробка. Громче птиц, поездов и трафика. Единственный знак вменяемости: крохотное устройство в ухе. Я ему сказала, чтобы он ничего энтово себе не позволял. Где мой чек? Она мне дышит в лицо своим разговором. Свобода ебаная.

Я единственный. Я единственный. Я единственный.

Она раскрывает кулак, позволяет карандашу укатиться. Позволяет себе. Слушать больше некого, кроме этой треклятой девицы. По крайней мере, с закрытыми глазами можно увидеть что-нибудь другое. Вязкие черные крапинки. Водомерки мечутся туда-сюда. Туда-сюда. Красная река? Расплавленная река в аду. Гамак цепляется. Бумаги летят на землю. Мировые события, и собственность, и кино, и музыка лежат в траве. А еще спорт и короткие описания мертвых.

2

Звонок в дверь! Она, спотыкаясь, идет босиком по траве, оглушенная солнцем, осоловелая. Задняя дверь ведет в тесную кухоньку, выложенную яркой плиткой в соответствии со вкусом прежнего обитателя. Звонок не звонит. Он закручен.

В текстурированном стекле смутно видно тело. Неправильное сочетание пикселей, которое есть Мишель. Между ее телом и дверью — половые доски коридора, золотистые в отраженных лучах солнца. Этот коридор может вести только к чему-то хорошему. Но женщина кричит ПОЖАЛУЙСТА и плачет. Женщина молотит в переднюю дверь кулаком. Отпирая замок, она обнаруживает, что тот останавливается на половине хода, цепочка

туго натягивается, и в зазор просовывается маленькая рука.

— ПОЖАЛУЙСТА… боже мой, помогите мне… пожалуйста, мисс, я здесь живу… я живу здесь, пожалуйста, боже… откройте, пожалуйста…

Грязные ногти. Размахивает счетом за газ? Счетом за телефон? Просунулась в щель, мимо цепочки, так близко, что приходится податься назад, чтобы разглядеть то, что ей показывают. *37 Ридли-авеню* — улица на углу с той, на которой живет она. Это все, что она читает. Перед ее мысленным взором мелькает Мишель, каким бы он был, находясь здесь, разглядывая прозрачное окошко конверта, проверяя достоверность. Мишель на работе. Она снимает цепочку.

Колени у незнакомки подгибаются, она падает вперед, не управляет телом. Девочка или женщина? Они одного возраста: за тридцать, под тридцать пять. Маленькое тело незнакомки сотрясают рыдания. Она рвет на себе одежду и воет. Женщина молит общество быть свидетелями. Женщина в зоне боевых действий, стоящая среди руин своего дома.

— Вы ранены?

Ее руки у нее в волосах. Ее голова бьется о дверную раму.

— Нет, не я, моя мама… мне нужна помощь. Я стучала во все эти ебаные двери… пожалуйста. Шар… меня зовут Шар. Я местная. Я живу здесь. Проверьте!

— Входите. Пожалуйста. Меня зовут Ли.

Ли предана этому району города на двух квадратных милях, как другие преданы своим семьям или своим странам. Она знает, как люди здесь говорят, знает, что «ебаный» здесь просто присловье, не имеющее смысла. Она помещает на лице выражение, обозначающее сострадание. Шар закрывает глаза, кивает. Она совершает быстрые неслышные движения ртом, разговаривает сама с собой. А Ли она говорит:

— Вы такая добрая.

Диафрагма Шар поднимается и опускается, теперь уже медленнее. Сотрясающие ее рыдания стихают.

— Спасибо, ладно? Вы такая добрая.

Маленькие ручки Шар цепляются за руки, которые ее поддерживают. Шар миниатюрная. Кожа у нее прозрачная и сухая, с пятнами псориаза на лбу и на челюсти. Знакомое лицо. Ли много раз видела это лицо на улицах. Особенность лондонских деревень — лица без имен. Глаза запоминающиеся. Вокруг темно-карей середины

— чистая белизна. Сверху и снизу. Вид алчный, готовый поглотить все, на что она смотрит. Длинные ресницы. Такой вид у детей. Ли улыбается. Ответная улыбка пуста, без признания. Улыбка обаятельно нечестная. Ли — всего лишь добрая незнакомка, которая открыла дверь и не закрыла. Она повторяет: вы такая добрая, вы такая добрая, пока нить радости, пронзающая эти слова (для Ли, конечно, радость невелика), не обрывается. Ли отрицательно качает головой. Нет, нет, нет, нет.

Ли направляет Шар на кухню. Большие руки — на узких плечах девушки. Она видит, как поднимаются ягодицы Шар, как натягиваются ее треники с закатанными штанинами, маленькая пушистая впадинка на спине, ярко выраженная, вспотевшая от жары. Крохотная талия открывает свой изгиб. Ли безбедренная, долговязая, как подросток. Возможно, Шар нужны деньги. Ее светло-серый спортивный костюм нечист. Позади правого колена в грязной ткани — большая дыра. Из разваливающихся шлепанцев торчат грязные пятки. От нее пахнет.

— Инфаркт! Я спрашивала у них, умирает ли она. Она умирает? Она умирает? Ее увозит «Скорая» — а я не получаю ответа. Никакого! У меня трое детишек одни там дома — я должна в боль-

ницу — чего это они говорят о машине? Нет у меня никакой машины! Я говорю, *помогите мне* — никто ни хера не делает, чтобы мне помочь.

Ли хватает Шар за руку, усаживает ее на стул у кухонного стола и передает сверток салфеток. Она еще раз кладет руки на плечи Шар. Их лбы чуть не соприкасаются.

— Насколько я понимаю, все в порядке? В какой больнице?

— Что-то типа… Я не записала… В Мидлсексе или… Где-то далеко. Не знаю, где толком.

Ли сжимает руки Шар.

— Слушайте, я не вожу машину… но…

Ли смотрит на часы. Без десяти пять.

— Может, подождете минут двадцать? Если я сейчас ему позвоню, он сумеет… или, может, такси…

Шар вытаскивает руки из рук Ли. Она прижимает костяшки пальцев к глазам, выдыхает полной грудью: паника прошла.

— Я должна быть там… никаких цифр… ничего… никаких денег…

Шар зубами отрывает кусочек кожи с правого большого пальца. Выступает капелька крови и сворачивается. Ли снова берет Шар за руки — теперь запястья. Вытаскивает ее пальцы изо рта.

— Может быть, Мидлсекская? Название больницы, а не места. По пути в Эктон, да?

Лицо девушки задумчивое, глуповатое. Тронутое, говорят ирландцы. Может быть, она тронутая.

— Да… может… да, нет, да, именно. Мидлсекская. Так.

Ли выпрямляется, достает телефон из заднего кармана, набирает номер.

— Я БУДУ У ВАС ЗАВТРА.

Ли кивает, а Шар продолжает, словно и не замечая, что Ли куда-то звонит.

ОТДАМ ДЕНЬГИ. ПОЛУЧУ МОЙ ЧЕК ЗАВТРА, О'КЕЙ?

Ли подносит телефон к уху, улыбается и кивает, дает свой адрес. Изображает чашку чая. Шар этого не видит. Шар смотрит на цветущую яблоню. Она отирает слезы с лица грязным рукавом. Ее пупок — плотный узел вровень с кожей живота, пуговица, вшитая в подушку дивана. Ли повторяет собственный номер.

— Порядок.

Она поворачивается к столику, берет свободной рукой чайник, чуть не роняет, потому что предполагала, что он пуст. Немного воды проливается. Она возвращает чайник на плитку и

остается там, где стоит — спиной к гостье. Здесь нет места, чтобы нормально стоять или сидеть. Перед ней на длинном подоконнике, который тянется вдоль комнаты, некоторые вещи из ее жизни: фотографии, всякие безделушки, прах отца, вазы, растения, травы. В окне отражение Шар подводит маленькие голени к сиденью стула, обхватывает руками щиколотки. Волнение было менее неловким, более естественным, чем это. Эта страна не годится для того, чтобы подавать чай незнакомому человеку. Они смотрят друг на друга в стекле. Есть добрая воля. Сказать им друг другу нечего.

— Достану чашки.

Ли называет все свои действия. Она открывает шкаф. Там полно чашек; чашки на чашках, на чашках.

— Хорошее место.

Ли слишком быстро поворачивается, делает руками неуместные движения.

— Не наше… мы снимаем… наше только это… наверху две квартиры. Общий сад. Это муниципалитет, так что…

Ли разливает чай, а Шар оглядывается. Нижняя губа выпячена, голова едва заметно кивает. Она напоминает агента по торговле недвижимостью.

Теперь она подходит к Ли. На что тут смотреть? Мятая фланелевая рубашка в клетку, шорты — бывшие джинсы с неровно отрезанными штанинами, ноги в веснушках, босые — нелепая фигура, может, бездельница, которая может себе это позволить. Ли складывает руки на животе.

— Мило для муниципального дома. Много спален, и всякое такое?

Губа по-прежнему оттопырена. От этого она глотает звуки. С лицом Шар что-то не так, замечает Ли, ее смущает то, что она это заметила, и она отворачивается.

— Две. Вторая — просто коробка. Мы типа используем ее, как…

Шар тем временем начинает копать совсем в другую сторону; она медленнее Ли, но она теперь здесь, они здесь вместе. Она тычет пальцем в лицо Ли.

— Постойте… вы ходили в Брейтонскую?

Она, возбужденная, опускается на стул. Вероятно, что-то не так.

— Клянусь, когда вы говорили по телефону, я думала: я вас знаю, вы ходили в Брейтонскую!

Ли усаживается на стол и называет ей даты. Шар переполнена хронологией. Она хочет знать, помнит ли Ли, когда было затоплено научное

крыло, помнит ли, как Джейк Фаулер сунул голову в тиски. По отношению к этим координатам, словно это даты высадки на Луну и смерти президентов, они определяют собственное время.

— На два года раньше вас, верно? Как, вы говорите, вас зовут?

Ли борется с крышкой коробки от печенья.

— Ли. Ханвэлл.

— Ли. Вы ходили в Брейтонскую. Встречаетесь еще с кем-нибудь?

Ли называет имена с их краткими биографиями. Шар ритмично постукивает пальцами по скатерти.

— Вы долго были замужем?

Настроение в глазах Шар изменилось, их заволокли тучи страдания.

— Слишком долго.

— Хотите, чтобы я кому-нибудь позвонила? Вашему мужу?

— Не… не… он там. Не видела его два года. Он злой. Буйный. Проблемный. Много проблем. В голове и вообще. Руку мне сломал, ключицу, колено, лицо мое гребаное разбил. По правде говоря…

Дальнейшее говорится слегка в сторону, со смешком, похожим на «ик», и неразборчиво.

— Насиловал меня, и все такое… это было безу-

мие. А, ладно.

Шар отодвигает стул и идет к задней двери. Смотрит на сад, на засушенный желтый газон.

— Я так виновата.

— Это не ваша вина! Забудьте вы об этом.

Ощущение абсурда. Ли засовывает руки в карманы. Крышка чайника начинает подпрыгивать.

— Откровенно говоря, я бы солгала, если бы сказала, что это легко. Это было трудно. Но. Все позади, понимаете? Я жива. Трое детей! Младшей семь. Так что какая-то польза от этого была, вы меня понимаете?

Ли кивает на чайник.

— Дети есть?

— Нет. Только собака, Олив. А она сейчас у моей подружки Нат. Натали Блейк. Вообще-то, в школе она была Кейша. А теперь Натали Де Анджелис. Моих лет. У нее была здоровенная прическа афро…

Ли изображает атомный гриб у себя за головой. Шар хмурится.

— Да. Самодовольная. Кокосовый орех[2]. Много о себе думала.

---

[2] notes: 2

Презрительное выражение, применяется к чернокожему, который ведет себя как белый.

На лице Шар появляется презрительное выражение. Ли говорит в него:

— У нее дети. Живет вон там, шикарное местечко, в парке. Теперь адвокат. Барристер. Какая между ними разница? Может, и никакой. У них двое детей. Дети любят Олив. Так собаку зовут — Олив.

Она просто произносит предложения, одно за другим, они не кончаются.

— Вообще-то, я беременна.

Шар прислоняется к стеклу двери. Закрывает один глаз, устремляет взгляд на живот Ли.

— Ой, это еще только начало. Самое. Вообще-то, я сама только сегодня утром узнала.

Вообще-то вообще-то вообще-то. Она воспринимает откровение спокойно.

— Мальчик?

— Нет, я говорю, так далеко я еще не зашла.

Ли сильно краснеет. Она говорит о деликатном, незаконченном предмете. О предмете, который она не собирается заканчивать.

— Ваш мужчина знает?

— Я делала тест сегодня утром. А потом пришли вы.

— Молитесь о девочке. Мальчики — сплошной ад.

Шар смотрит мрачным взглядом. На ее лице — сатанинская улыбка. Десна вокруг каждого зуба черна. Она подходит к Ли и прижимает ладони к ее животу.

— Дайте я потрогаю. Я разбираюсь. Как бы ни было рано. Подойдите сюда. Не бойтесь. Это как подарок. Мама у меня такая же была. Идите сюда.

Она берет Ли за руку, тащит ее вперед. Ли не противится. Шар возвращает руки на живот Ли.

— Девочка будет, точно. И еще Скорпион, бед не напасешься. Бегунья.

Ли смеется. Она чувствует, как тепло переходит с потных рук девицы на ее собственный влажный живот.

— Типа спортсменка?

— Не-а… которая убегает. Придется вам приглядывать за ней. Все время.

Руки Шар падают, скука снова заволакивает ее лицо, ребенок, уставший от игры неожиданно и окончательно. Ли видит, что мысли ее снова переворачиваются. Мозг этой девицы — настоящая лотерея. Помятые мысли вытаскиваются случайным образом. Она начинает говорить о разных вещах. Все вещи равны. Будь то Ли, или изнасилование, или скука, или инфаркт, или

школа, или кто родил ребенка.

— Эта школа… такая была дрянь, но люди-то, люди, которые туда ходили… довольно многие из них потом преуспели, правда? Как Кальвин — помните Кальвина?

Ли разливает чай, энергично кивает. Она не помнит Кальвина.

— У него спортивный зал на Финчли-роуд.

Ли размешивает чай, жидкость, которую она никогда не пьет, в особенности в такую погоду. Она слишком сильно нажала на пакетик. Листики прорывают свои границы и разлетаются.

— Он им не руководит, он им владеет. Я иногда туда заглядываю. Никогда не думала, что малютка Кальвин сможет навести порядок у себя в котелке — он всегда ошивался с Джерменом, Луи и Майклом. Всегда находили приключения… я ни с кем из них не встречаюсь. Зачем мне эта драма? Иногда вижусь с Натаном Боглом. Встречалась с Томми и Джеймсом Хэвеном, но давно уже не видела. Некоторое время.

Шар продолжает говорить. Кухня наклоняется, и Ли, чтобы не упасть, упирается рукой о буфет.

— Извините, что?

Шар хмурится. Она говорит через окурок, торчащий из ее рта.

— Я спросила, могу я выпить этот чай?

Со стороны они были похожи на двух старых подруг зимним вечером, обхвативших кружки обеими ладонями. Дверь открыта, все окна открыты. Воздух застыл, не двигается. Ли берет ткань своей рубашки, отдирает ее от тела. Открывается форточка, внутрь проникает воздух. Пот, собравшийся в лужицы под обеими грудями, оставляет на материи позорный след.

— Я прежде знала… я говорю…

Ли торопится прогнать свою обманную неуверенность и заглядывает в кружку до самого ее дна, но Шар это ничуть не волнует, она постукивает по стеклу двери, говорит свое, не дожидаясь слов Ли:

— Да, в школе вы определенно выглядели иначе. Сейчас вы лучше, да? Вы были тогда сплошной энтузиазм и поджарость. Всегда.

Ли все еще сохраняла все эти качества. Изменения, вероятно, произошли с другими людьми. Или с самим временем.

— Но вы хорошо сохранились. А вы почему не на работе? Чем вы вообще занимаетесь, я не расслышала.

Шар начинает кивать, когда Ли еще не начала говорить.

— Позвонила, сказала, что болею. Не важно себя чувствовала. Работа у меня, в принципе, что-то вроде общего администрирования. На добрые дела. Мы раздаем деньги. Доходы от благотворительной лотереи, некоммерческая организация — небольшие местные учреждения в сообществе, которому нужно…

Они не слушают собственные слова. Девушка по соседству все еще на балконе, кричит. Шар трясет головой и свистит. Она смотрит на Ли взглядом соседского сочувствия.

— Глупая жирная сука.

Ли следит, как девица делает пальцами ход конем. Два этажа вверх, одно окно в сторону.

— Я там родилась.

Оттуда — сюда, путешествие более длинное, чем кажется. На секунду эта местная подробность задерживает на себе внимание Шар. Потом Шар отворачивается, стряхивает сигаретный пепел на кухонный пол, хотя дверь открыта и трава от нее в одном футе. Может быть, она неторопливая, возможно, неловкая; либо она травмирована, либо рассеянна.

— Хорошо сохранились. Правильно живете. Наверное, по пятницам много друзей собирается, клубы и всякое такое.

— Да не совсем так.

Шар выбрасывает изо рта облачко воздуха, покаянный звук, она снова и снова кивает.

— Типичная снобская, вот эта вот улица. Вы единственная меня впустили. Остальные даже бы на дом ваш не поссали, начнись тут пожар.

— Мне нужно подняться наверх. Взять деньги на такси.

Деньги у Ли в кармане. Наверху она заходит в ближайшее помещение, туалет, закрывает дверь, садится на пол и плачет. Она вытягивает ногу, сбивает рулон туалетной бумаги с насадки. Она наклоняется к рулону, подкатывает его к себе, и тут раздается звонок в дверь.

— ДВЕРЬ! *ДВЕРЬ! ОТКРЫТЬ?*

Ли встает, пытается смыть красноту со щек в крохотной раковине. Обнаруживает Шар в коридоре; та стоит перед полкой с книгами из колледжа, проводит пальцами по корешкам.

— Вы все это прочли?

— Ну, не то чтобы прочла. Нет сейчас времени.

Ли берет ключи с того места, где они лежат — на средней полке, — и открывает входную дверь.

Все лишено какого-либо смысла. Водитель, стоящий у калитки, подает ей непонятные знаки, показывает на другую сторону улицы и начинает

идти туда. Шар идет за ним. Ли идет за ним. Ли впадает в новое смирение.

— Сколько вам нужно?

На лице Шар тень сожаления.

— Двадцатку? Тридцатки точно хватит.

Она курит без рук, выпускает дым уголком рта.

Безумная пелена цветущей вишни. В розовом коридоре появляется Мишель, он идет по улице, по другой стороне. Слишком жарко — на его лице пот. Из его сумки торчит маленькое полотенце, которое он берет с собой в такие дни. Ли поднимает палец — просьба, обращенная к нему, остановиться там, где он сейчас находится. Она показывает на Шар, хотя Шар и не видна за машиной. Мишель близорук; он прищуривается, глядя на них, останавливается, напряженно улыбается, снимает пиджак, набрасывает его на руку. Ли видит, как он пощипывает свою футболку, пытается освободиться от груза дня: множества крохотных волосков, волоски посторонних людей, светлые, каштановые.

— Это кто?

— Мой муж. Мишель.

— Женское имя.

— Французское.

— Симпатичный, правда? Чудные детишки!

Она подмигивает — карикатурно морщит пол-лица.

Она бросает сигарету и садится в машину, оставляя дверь открытой. Деньги остаются в руке Ли.

— Местный? Я его видела.

— Он работает в парикмахерской у вокзала. Он из Марселя — француз. Уже сто лет как здесь.

— Но африканец.

— По происхождению. Слушайте, может, мне поехать с вами?

Шар молчит несколько секунд. Потом выходит из машины и берет обеими руками лицо Ли.

— Вы замечательная. Мне суждено было прийти к вашей двери. Правда! Вы душевный человек. В вас есть что-то душевное.

Ли крепко сжимает маленькую руку Шар и дает себя поцеловать. Рот Шар чуть приоткрыт на щеке Ли на *спаси* потом закрывается на *бо*. Ли в ответ говорит, слова, которых никогда в жизни не произносила: благослови вас господь. Их лица разъединяются — Шар неловко пятится, поворачивается к машине. Ли с вызовом заталкивает деньги в руку Шар. Величие пережитого угрожает перерасти в банальность, в анекдот: всего тридцать фунтов, всего лишь больная мать, никакого убийства, никакого изнасилования.

Ничто не переживает рассказа о себе.

— Дурацкая погода.

Шар косынкой стирает пот с лица и не смотрит на Ли.

— Приду завтра. Верну долг. Богом клянусь, да? Спасибо, правда. Вы меня сегодня спасли.

Ли пожимает плечами:

— Не, не смотрите так, клянусь… я приду, правда.

— Надеюсь, с ней все в порядке. С вашей мамой.

— Завтра, да? Спасибо.

Дверь закрывается. Машина отъезжает.

3

Это очевидно всем, кроме Ли. Ее матери это очевидно.

— Что это ты вдруг такая добрая?

— Мне казалось, что она в отчаянии. Так оно и было.

— Я была в отчаянии на Графтон-стрит, и я была в отчаянии на Бакли-роуд, мы все были в отчаянии, но мы никого не грабили.

Статическое облако вздоха. Ли вполне могла представить: вспархивает белоснежная кромка, поднимается украшенная цветами грудь. Ее мать

превратилась в хорошо оперенную ирландскую сову. Все еще в Уиллздене. Уселась на насесте и сидит, сидит.

— Тридцать фунтов! Тридцать фунтов за такси до Мидлсекса. Это же не в Хитроу ехать. Если мы выкидываем деньги коту под хвост, то можешь выбросить еще немного.

— Может, еще придет.

— Скорее Христос вернется, чем она! Они здесь на уик-энды вдвоем. Я их видела — идут по дороге, нажимают кнопки звонков. Сразу их узнала. Крэк. Грязная привычка! Вижу их в наших краях каждый день, около станции. Дженни Фаулер на углу открыла одной дверь, говорит, что была обкуренная до одурения. Тридцать фунтов! Это в тебе говорит твой отец. Никто из тех, в ком течет моя кровь, не попался бы на такой идиотский крючок. Что говорит твой Майкл?

В конечном счете легче позволить «Майкл», чем услышать «Миииишел», которым можно прополоскать подозрительный рот, словно чтобы отделаться от вкуса чего-то отвратительного.

— Он говорит, что я идиотка.

— Вот тут он попал в самую точку. *Его* соплеменников так легко не обманешь.

Все они нигерийцы, все, даже если они фран-

цузы или алжирцы, все равно нигерийцы, для Полин вся Африка — в основном Нигерия, и коварные нигерийцы владеют в Килбурне тем, что раньше принадлежало ирландцам; по крайней мере, Полин считает их нигерийцами, и они прекрасные ребята, только за ними каждую минуту нужен глаз да глаз. Ли надевает на большой палец обручальное кольцо, нажимает на него со всей силы.

— Он хочет поехать туда.

— А почему нет? Тебя в твоем собственном доме ограбила цыганка, верно?

Все переводится на понятный язык.

— Не-а. Она с субконтинента.

— Индианка — ты имеешь в виду?

— Откуда-то из того района. Во втором поколении. А по языку — чистая англичанка.

— Понятно.

— Из школы! Плачет на моем пороге!

Еще одно статическое облако.

— Иногда мне кажется, это от того, что ты одна. Будь у нас больше детей, ты могла бы больше узнать о людях, какие они на самом деле.

С чего бы Ли ни пыталась начать, Полин возвращается к этому. История повторяется: от Дублина до Килбурна, редкая протестанка, всегда готовая

тронуться в путь, в другое место в те времена, когда большинство придерживалось иных религиозных убеждений. Однако старалась устроиться в больницу, как и остальные девочки. Заигрывала с парнями О'Рурков, строителями, но, имея такие каштановые волосы и тонкие черты и уже работая акушеркой, хотела чего-нибудь получше. Слишком долго ждала. В последний момент свила гнездышко с тихим вдовцом, непьющим англичанином. О'Рурки стали торговцами стройматериалами, и половина Килбурнского шоссе оказалась в их карманах. По какому поводу она позволяла себе рюмочку-другую. Слава богу, она получила другую квалификацию (радиограф)! Где бы она была, если бы не это? История, однажды выверенная, предлагавшаяся несколько раз в год, теперь возникала в каждом телефонном разговоре, включая и этот, хотя и не имела к Полин никакого отношения. Время для Полин сжимается, ей осталось пройти совсем короткую дистанцию. Он хочет втиснуть прошлое во что-то такое маленькое, чтобы можно было взять с собой. Задача Ли — слушать. Ей это плохо удается.

— Мы что, были слишком старые? Ты была одинока?

— Мам, пожалуйста.

— Я только хочу сказать, что тебе нужно лучше понимать человеческую природу. Ну, так есть какие-нибудь новости? На этом фронте?

— На каком фронте?

— На фронте моего превращения в бабушку. На том фронте, где часики тикают.

— Никаких новостей. Часики все тикают.

— Ну что ж. Ты уж слишком не волнуйся, детка. Это случится когда случится. Мишель там? Могу я с ним поговорить?

Между Полин и Мишелем нет ничего, кроме недоверия и непонимания, за исключением этой благословенной темы, когда-то редкой, теперь возникающей все чаще, в которой Ли выставляется идиоткой, и этот факт образует коалицию между естественными врагами. Полин возбуждена, она разрумянилась, бранится. Мишель реализует свой небольшой запас с таким трудом заученных разговорных выражений, сокровище любого мигранта: *в конечном счете, вы же меня понимаете, а если этого недостаточно, и я ему говорю, а я, типа, этот хорош, нужно запомнить*.

— Невероятно. Жаль, меня не было там, Полин, позвольте вам сказать. Жаль, меня там не было.

Чтобы не слышать этот разговор, Ли выходит в

сад. Нед, жилец сверху, лежит в ее гамаке, который находится в коллективной собственности, а потому не ей принадлежит. Нед покуривает травку под яблоней. Львиная грива, уже седеющая, схвачена презренно лентой-резинкой. На его животе лежит древний фотоаппарат «Лейка» в ожидании захода над С-З, потому что закаты в этой части мира до странности живописные. Ли подходит к яблоне и показывает знак победы.

— Купи свою.

— Нетушки.

— Это очевидно.

Нед держит косяк растопыренными пальцами. Делает затяжку сильно, резко, так что горло продирает.

— Умиротворяет. Афганская. Психотропично!

— Я большая девочка.

— Сегодня в шесть двадцать три. Все длиннее и длиннее.

— Пока не начнет укорачиваться.

— Ну уж.

Что бы ни говорила Ли Неду, каким бы фактографичным и банальным ни было ее сообщение, он находит в нем что-нибудь философическое. Он серьезный курильщик, время вокруг него свертывается. Простые вещи приобретают рас-

тяжимый смысл. Ли кажется, что с момента их знакомства десять лет назад ему всегда было двадцать восемь.

— Ну как, твоя гостья вернулась?

— Не-а.

Это идет вразрез с оптимистичным характером Неда. Ли наблюдает за его безрезультатными поисками истории, которая подошла бы для данного случая.

— Вовремя. Красотища.

Ли поднимает голову. Небо порозовело. На этом фоне белыми полосами выделяются летные трассы Хитроу. Мишель на кухне радуется.

— Вот этот классный. Этот нужно запомнить. Сам Иисус Христос!

4

Молодому сикху скучно. Его тюрбан напитался по́том. Он смотрит вниз на отцовский прилавок, у которого набитый мелочью карман, и пытается набрать денег на десяток сигарет «Ротманс». Без толку гудит дешевый вентилятор. Ли тоже скучно наблюдать, как Мишель укладывает выпечку, которая никогда не будет ему нравиться, которая никогда не будет такой вкусной, как во Франции. Это потому, что ее пекут в подсобках кондитер-

ского магазина на Уиллзден-лейн. Настоящие круассаны можно купить на рынке органической еды в воскресенье на игровой площадке старой школы Ли. Сегодня вторник. От новых соседей Ли узнала, что начальная школа в Квинтоне — подходящее место для покупки круассанов, но недостаточно хорошее, чтобы отправлять туда своих детей на учебу. Олив собирает крошки с пола кондитерской. Олив — немного француженка, как и Мишель. Ее дедушка был в Париже чемпионом. В отличие от Мишеля, она не сходит с ума по круассанам. Рыжая с белым, с шелковистыми обрезанными ушками. Смешная. Предмет поклонения.

— И нужно обратиться к хорошему доктору. В клинику. Мы не оставляем попыток. И ничего. Тебе в этом году тридцать пять.

Говорит на французский манер: нишего. Когда-то они были одногодками. Теперь Ли стареет годами собачьей жизни. Ее тридцать пять в семь раз больше, чем его, и в семь раз важнее, настолько важнее, что ему постоянно приходится напоминать ей о цифрах, чтобы она не забыла.

— Мы не можем позволить себе клинику. Какая еще клиника?

Маленькая фигура у прилавка поворачивается.

Она прежде всего улыбается Ли (из инстинкта, который венчает узнавание радостью), а потом, мгновение спустя, вспомнив, прикусывает губу, протягивает руку к двери, открывает, раздается звук маленького колокольчика.

— Это она. Это была она. Покупала сигареты.

Ли надеется, что Шар удастся скрыться. Но везение Шар закончилось. И ее везение тоже. Пожилая женщина крупных размеров входит, когда Шар пытается выйти. Они исполняют неловкий придверный танец. Мишель быстр, смел — его не остановить.

— Воришка! Ты воришка! Где наши деньги?

Ли хватает свой указующий перст, сгибает его. Каждая рыжая веснушка засверкала, и автобусно-красный цвет поднимается к голове по шее, затапливает лицо. Шар перестает танцевать. Отталкивает с пути плечом милашку-старушку. Бежит.

5

Ли верит в объективность в спальне.

Вот лежат мужчина и женщина. Мужчина красивее женщины. И по этой причине случались времена, когда женщина боялась, что любит мужчину больше, чем он любит ее. Он это всегда

отрицал. Он не может отрицать, что он красивее. Ему проще быть красивее. Кожа у него очень темная и стареет медленнее. У него хорошая западноафриканская костная структура. Вот мужчина, голый мужчина, он лежит на кровати. Брижит Бардо в «Презрении» лежит на кровати голая. Если бы мужчины были как Брижит Бардо, которая так и не родила ребенка, предпочитая животных. Правда, она стала негибкой в других отношениях. Женщина пытается говорить с мужчиной, со своим мужем, о девице, которая в отчаянии пришла к их двери. Что это значит — сказать, что девица солгала? Разве ложь — сказать, что она в отчаянии? А она была в таком отчаянии, что пришла к их двери. Мужчина не может понять, чем занимается эта женщина. Конечно, у него отсутствует какое-то жизненно важное звено информации. Он никак не может понять этой тайной женской логики. Он может только попытаться ее услышать. Я только хочу понять, правильно ли я поступила, говорит женщина, я просто не могу понять, может быть я…

Тут мужчина останавливает ее, чтобы сказать:

— пробка от этой штуки, она не с твоей стороны? Куда-то сунул. Но тут ничего не поделаешь. Наркоманка. Ворюга. Неинтересно это. Иди-ка

сюда и…

Когда они встретились, эти мужчина и женщина, физическое влечение было неодолимым и подавляющим. Таким оно до сих пор и остается. Из-за этого необычного, острого влечения их хронология такая особенная. Физическое на первом плане, всегда.

Прежде чем он заговорил с ней, он мыл ей волосы, два раза.

Они занимались сексом, еще не зная фамилий друг друга.

Они занимались анальным сексом прежде, чем вагинальным.

До того как они поженились, у них были десятки сексуальных партнеров. Знакомства на танцплощадках, перепихнуться по-легкому. Девяностые — десятилетие исступления! Они состояли в браке, хотя они никогда не состояли в браке и хотя оба клялись, что никогда не заведут семьи. Объяснить, почему они — в этой игре бессмысленных перестановок — выбрали друг друга, было затруднительно. К этому имело какое-то отношение такое качество, как доброта. На танцплощадках можно было найти много чего, вот только доброту — редко. Ее муж был добрее, чем любой мужчина, которого Ли Ханвелл когда-либо

знала, кроме своего отца. И к тому же, конечно, они удивились собственной традиционности. Этот брак порадовал Полин. Он успокоил тревоги семьи Мишеля. Их радовало то, что они радуют свои семьи. Кроме того, собственные имена «жена» и «муж» имели такую силу, о которой обе стороны даже не догадывались прежде. Если дело было в вуду, то они испытывали за это благодарность. Это позволило им перестать бесконечно искать все новых партнеров, не признавая, что они уже утомились от поисков.

Дела пошли быстро.

Она забеременела еще до замужества, через два месяца после начала отношений, которые они прервали.

Они поженились, прежде чем стали друзьями; по-другому об этом можно сказать так:

Их брак дал им возможность подружиться.

Они поженились до того, как заметили множество малых различий в бэкграунде, устремлениях, образовании, амбициях. Есть различия в амбициях, например бедняка городского и бедняка сельского.

Отмечая такие различия, Ли в некотором смысле разочаровалась в себе: они упустили шанс поконфликтовать друг с другом по-настояще-

му. Трудно было привыкнуть к факту, что то наслаждение, которое ее тело находило в его, и, наоборот, с такой легкостью пересиливает многочисленные возражения, которые у нее возникали, или должны были бы возникнуть, или она думала, что должны были возникнуть.

— Может, в этот момент ее мать уже умерла. Может быть, она искала деньги, но просто забыла. Может быть, подсунула их под дверь, а Нед принял их за мусор и выкинул. Может, она сейчас никак не может найти столько денег.

— Да, Ли.

— Не делай этого.

— Что я, по-твоему, должен сказать? Мир такой, какой он есть.

— Тогда зачем нам вообще пытаться?

Уж если говорить совсем объективно, то в том, что они никогда не обсуждали возможность иметь детей, виновата женщина. По какой-то причине ей никогда и в голову не приходило, что бесконечное и чудесное трахание ведет к определенному и совершенно очевидному пункту назначения. Она опасается этого пункта назначения. Будь объективной! Что такое страх? Это что-то, связанное со смертью, временем, возрастом. Проще говоря: я ощущаю себя восем-

надцатилетней, и если я ничего не буду делать, если буду стоять на месте, то ничего не изменится, и я всегда буду восемнадцатилетней. Вечно. Время остановится. Я никогда не умру. Этот страх — такая глупость. Всех теперь преследует этот страх. Что еще? В это мгновение она вполне себе счастлива. Она чувствует, что заслуживает именно того, что имеет, — ни больше ни меньше. Любые изменения могут нарушить равновесие. Почему это мгновение должно измениться? Иногда муж женщины разрезает красный перец пополам, вынимает семена, кладет их в пластмассовую миску, дает ей кабачок, чтобы разрезала, и говорит:

Собака.

Машина.

Квартира.

Вот так вместе готовить еду.

Семь лет назад у тебя не было работы. Я мыл волосы.

Все меняется! Мы сдвинулись с места, разве нет?

Женщина не знает, с какого места. Она не знает, что они вышли в путь, не знает, в какую сторону дует ветер. Она не хочет приходить в пункт назначения. Дело в том, что она верила: они вечно

будут лежать под этими простынями голые, и больше ничего с ними не случится, ничего, кроме удовлетворения. Зачем это любви нужно «двигаться вперед»? И куда это — вперед? Никто не может сказать, что ее не предупреждали. Никто этого не может сказать. Тридцатипятилетняя женщина, замужем за любимым мужчиной уж наверняка предупреждена, должна была слушать, слышать, не должна удивляться, когда муж говорит

— много дней, когда женщина способна к зачатию. Только я думаю — три. Так что нечего говорить: «Ну, когда случится, тогда и случится». Мы не так молоды. Так что, я думаю, нам следует быть немного более, так сказать, внимательными в этих делах, типа планировать.

Объективно говоря, он прав.

6

Мы общество сбережения прошлого. Господь, сохрани лавочки, фарфоровые чашечки и девственность! Субботнее утро. ВЕСЬ КИНКС ВЕСЬ

ДЕНЬ[3]. Девочка. Я от тебя просто торчу. Так торчу, что я уже и не знаю, что делаю. По субботним утрам Мишель помогает дамам и джентльменам с С-З приобрести вид, приличествующий субботнему вечеру, выглядеть свежо и правильно, и там, в салоне, он может сколько угодно врубать свой приторный ритм-энд-блюз, свои «ах, бэби, ах», «малютка до шести утра, пока не выглянет солнце». По утрам в субботу она свободна! Сохрани, господь, дома в стиле Тюдоров, старинные столы и бильярды! Сбережение традиций от злоупотреблений. Защита новых обычаев для меня и тебя. Что еще можем мы сделать? Бродить в пижамных штанах, фальшиво напевать. Нед в саду. Неду нравится громкая музыка белого происхождения. Он напевает. Я пытался осесть на Фулхам-Бродвей. И я пытался найти себя в Голдерс-Грин. В раскрепощенности выходных постоянно присутствует что-то маниакальное и меланхоличное: внутренний отсчет до начала

[3] notes: 3

Мы общество сбережения прошлого (*англ.* We are the village green preservation society, дословно: «Мы общество сбережения деревенской площади» — где «деревенская площадь», согласно английской традиции, — зеленая площадь в центре деревни, общественное место, где собираются в праздники, отмечают всевозможные события, в данном случае понятие используется метафорически) — название известной песни группы «Кинкс». «Господь, сохрани лавочки, фарфоровые чашечки и девственность!» — цитата из песни.

рабочей недели уже начался. В зеркале — она собственный партнер в танце нос к носу с отражением. Это физическое лицо улыбается и поет. Ах, как я тоскую по людям, которых оставил в Уиллзден-Грин![4] А тем временем что-то у тебя внутри потрясается новостями из зеркала: в вихрах вдруг белая прядь, отеки вокруг глаз, мягкий живот. Я ОТ ТЕБЯ ПРОСТО ТОРЧУ. Я ОТ ТЕБЯ ПРОСТО ТОРЧУ. Я ОТ ТЕБЯ ПРОСТО ТОРЧУ. Куда уходит время? Она понимает, что звонит звонок, когда Олив начинает лаять как сумасшедшая.

— У моей мамы случился… сердечный приступ. Пять… фунтов.

У этой девицы волосы разглажены утюжком. Она либо толстая, либо беременная. Она тупо смотрит вниз, озадаченная исступлением Олив, которая суетится у ее ног. Она поднимает глаза на Ли и смеется. Ха! Зашла слишком далеко, чтобы помнить заученные строки. Она неловко поворачивается на пятках, танцор, с большим опозданием исполняющий па. Головы на уличной тропинке раскачиваются и гогочут.

---

[4] notes: 4

Этот пассаж наполнен скрытыми цитатами из разных песен, так, слова о Фулхам-Бродвей, Голдерс-Грин — цитаты из песни группы «Кинкс» «Уиллзден-Грин».

7

Яблоня, яблоня.
Такая штуковина, на которой растут яблоки.
Яблоневый цвет.
Так символично.
Плетение веток, корней. Пробиваются внизу.
Более полное, более плодовитое.
Больше червей. Больше крыс.
Яблоня, яблоня. Яблоня. Вперед — это куда? Тик-так.
Три квартиры. Одна яблоня. Собственность, аренда. Отяжеленные семенем.
В кроне. Когда ветвь ломается, младенец будет.
Прах мертвеца. Вокруг корней, в корнях?
Столетняя яблоня.
Сидеть на луврах. Под
яблоней. У тебя *мальчик*?
Новые ветки. Новые цветки.
Новые яблоки. То же дерево?
Рожден и вырощен. Те же улицы.
Та же девушка?
Следующий шаг.
Яблоняблоко.
Ствол, кора.
Алиса, мечта.

Ева, еда.

Под которой хорошие девочки совершают ошибки.

Яблоня, яблоня.
Такая штуковина, на которой растут яблоки.
Яблоневый цвет.
Так символично.
Плетение веток, корней. Пробиваются внизу.
Более полное, более плодовитое.
Больше червей. Больше крыс.
Яблоня, яблоня. Яблоня. Вперед — это куда? Тик-так.
Три квартиры. Одна яблоня. Собственность,
аренда. Отяжеленные семенем.
В кроне. Когда ветвь ломается, младенец будет.
Прах мертвеца. Вокруг корней, в корнях?
Столетняя яблоня.
Сидеть на луврах. Под
яблоней. У тебя *мальчик*?
Новые ветки. Новые цветки.
Новые яблоки. То же дерево?
Рожден и вырощен. Те же улицы.
Та же девушка?
Следующий шаг.
Яблоняблоко.
Ствол, кора.
Алиса, мечта.
Ева, еда.
Под которой хорошие девочки совершают ошибки.

Мишель хороший человек, полный надежд. Надежда иногда изматывает.

— во что я всегда верил. Слушай, знаешь, в чем настоящая разница между этими людьми и мной? Они не хотят идти вперед, они не хотят ничего лучше, чем то, что у них есть. Но я всегда двигаюсь вперед, всегда думаю о том, что дальше. А моя родня — они меня вообще не понимают. Я для них слишком продвинутый. А потому, когда они пытаются поговорить со мной, я этого не допускаю — вот так, не впускаю драму в мою жизнь. Ни за что! Я слишком много и упорно работал. Я люблю тебя слишком сильно, эту жизнь люблю. Ты — это то, что ты делаешь. Вот как обстоят дела. Я часто думаю: вот это и есть я? Что я делаю? Неужели это я? Если я сижу и ничего не делаю, то я знаю: это превращает меня в ничто. С первого дня в этой стране я себя правильно настроил, был полон решимости: я поднимусь по это лестнице, хоть на ступеньку, а поднимусь. Во Франции ты можешь быть африканцем, алжирцем — кому какая разница? У тебя нет никаких возможностей, ты не можешь никуда продвинуться. Здесь ты можешь продвинуться. Для этого ты должен работать! Ты должен вкалывать, чтобы отделить себя от этой драмы внизу! И я вот о чем: я не хочу

впускать ее к себе. Но именно это ты и делаешь. Вот тебе идеальный пример — эта девица; ты ее впускаешь — я даже не понимаю, что творится в твоей голове, — но в свою жизнь я этой драме не позволю войти. Я знаю, в этой стране есть возможности, если ты хочешь за них ухватиться, то тебе это по силам. Не ешь его — видишь, оно червем поедено, вот здесь, видишь? Посмотри на свою мать — мы не такие уж большие друзья, но, пожалуйста, посмотри, чего она добилась: вытащила тебя из того кошмара, который там творится, в хорошее место, в хорошее жилье, ипотека… Конечно, у тебя белая кожа, у тебя все по-другому, тебе легче, у тебя есть возможности, которых не было у меня. Те, кто подкопченные, у них вкус похуже будет. Мы все пытаемся подняться на следующую, следующую, следующую ступеньку. Подняться по этой лестнице. «Жилищное партнерство Брента». Не хочу, чтобы эти слова были написаны на фасаде того места, где я живу. Я прохожу мимо и чувствую типа фу-у — это для меня унизительно. Если у нас когда-нибудь появится маленький мальчик, я хочу, чтобы он жил — жил с высоко поднятой головой — где-нибудь, где мы будем настоящими собственниками. Так вот! Эта трава — не моя трава. Это дерево — не мое дерево!

Мы развеяли прах твоего отца вокруг дерева, которое нам даже не принадлежит. Бедный мистер Ханвелл. У меня сердце кровью обливается. Это был твой отец! Вот почему я каждый вечер сижу за ноутбуком, я пытаюсь сделать это — потому что там чистый рынок, никому нет дела до твоей кожи, до твоего неидеального английского, до того, какой университет ты окончил, и всякой такой херни. Я могу торговать, как любой другой. Там можно денег заработать — ты знаешь? Рынок теперь такой сумасшедший. Вот этого тебе никто не скажет. Я все думаю о том, что Фрэнк сказал за обедом: «Умные ребята всё быстренько отыгрывают». Глупо не попытаться получить хоть немного. Я ведь не похож на этих с Ямайки — эта новенькая девица, Глория, или как там ее, у нее до сих пор занавесок нет. Двое детей, безмужняя, получает пособие. Я вот женат — и где мое пособие? Я знал, когда у меня будут дети, я себе вот что сказал: «Я останусь с этой женщиной, которую так сильно люблю, я всегда буду с ней». Иди сюда. Вот что у нас в сухом остатке: меня никогда не устраивало сидеть на луврах и получать пособие, никогда меня это не интересовало. Я африканец. У меня своя судьба. Я тебя люблю, и мне нравится, куда мы идем вместе! Я всегда иду

к моей судьбе, думаю о следующем достижении, о том, что там следующее, поднимаюсь все выше, чтобы мы, чтобы ты и я, могли подняться на эту следующую…

— Лаврах.

— Что?

— Лавры. И на них почивают, а не сидят. Сидишь ты на заднице.

— Ты даже не слушаешь.

Это верно: она думает о яблоках.

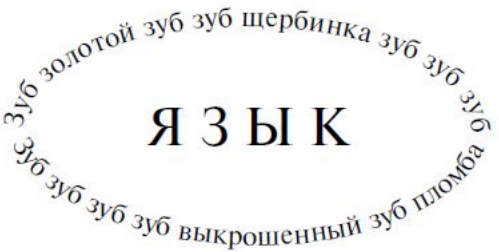
8

Повсюду в Лондоне офисы без всяких перегородок / стекло от пола до потолка / места для совместной работы / все беспроводное / все сверкает. Превалирует убеждение о важности столов для настольного тенниса. Но здесь — не там. Здесь офис — тесные викторианские коробки, тоска зеленая. В них сидят пять человек, ковер протерт до дыр, дырокола не найдешь.

— о поступающих деньгах. Вопрос: как они сумели пройти так далеко без всякого постороннего вмешательства? Вот что бы мне хотелось знать. Проверки и балансы, люди! Потому что, когда вы делаете это вот так, вы метафорически подносите им наши головы на блюде, имею в виду и мою

голову. А следующее, что вы слышите: повышение эффективности дает экономию. Нет, речь не идет о многократном использовании пакетика чая. Имеется в виду твоя работа и моя работа. Да, именно так.

Здесь пари, проигранное нацией, превращается в подобие общественного блага: занятия в группах продленного дня, услуги по переводу, уборку сада для пожилых, лоскутного шитья для заключенных. Здесь работают пять женщин, сидят спинами друг к другу. Дальше по коридору — человек-призрак, Ли никогда его не видела. Эта работа требует сочувствия, а потому привлекает женщин, потому что женщины — пол, способный сочувствовать. Это мнение Адины Джордж, начальника группы, Адины, которая говорит, которая никогда не прекратит говорить. Рот Адины открывается и закрывается.



Бывший тюремный охранник, социальный работник, член муниципалитета. Как она вообще может работать с такими когтями? Длинные, искривленные и украшенные миниатюрными изображениями ямайского флага. Процарапала себе путь наверх по системе. Коренная до мозга костей. Настороженно относится к таким, как Ли, кто достиг всего своими дипломами. Для Адины университетская степень, как трос тарзанки — летишь то вниз, то вверх со страшной скоростью. Конечно, долго вы здесь не просидите. Слушайте, я не хочу давать вам проекты, которые вы не успеете закончить…

Шесть лет уже прошло — больше таких разговоров не слышно. Сегодня, когда Адина упомянула ее как «остепененную», Ли пришло в голову, что никто — ни заведение, выпустившее ее, ни ее ровесники, ни сам рынок труда — не ценит ее степень так высоко, как Адина.

— а это вещь первостепенная для того, чтобы здесь успевать. Принятие решений — это такая вещь, она про надежность и да, сопереживание, личную вовлеченность, но еще и ничего не бросать посередине, не забывать про ценность денег, когда выполняешь рутинную бумажную работу. Бумажнаяработабумажнаяработабумаж-

наяработа. В нынешней атмосфере над каждым i должна стоять точка, при каждом t иметься перекладинка, а потому, когда люди, сидящие наверху, ставят меня на позицию начальника группы, я могу сказать: да, полная прозрачность. Здесь полная прозрачность от начала и до последней буковки. Чтобы ни одного атома не пропало, дамы, я на вас надеюсь.

Вопрос: что случилось с ее однокашниками, этими энергичными юными выпускниками, большинство из которых — мужчины. Банкиры, юристы. А тем временем Ли, непредсказуемая девица из государственной школы без латыни, без греческого, без математики, без иностранного языка, полный провал — по современным стандартам — теперь сидит на временном стуле, позаимствованном шесть лет назад в комнате отдыха, и ее переполняет сочувствие. Правая нога затекла. Компьютер завис. Айтишника днем с огнем не найдешь. Кондиционера нет. Адина все не замолкает, выкручивает язык так, как она умеет.

— Это был вопрос коммуникации? Блокировка между партиями. Кому следует иметь более ясное понимание того, как их поведение влияет на других?

И это тоже пройдет. Четыре сорок пять. Зиг-заг.

Тик-так. Иногда злость охватывает Ли. Хватает, удерживает. Какой во всем этом был смысл? Три года бесполезной учебы. На мели и не на своем месте. В первую очередь виновата философия, потому что Ли боялась умереть и думала, философия ей поможет, а еще потому, что она не умела ни складывать, ни вычитать, ни запоминать факты или говорить на каком-нибудь языке, кроме собственного. В брошюрке университета над фотографией Ферт-оф-Форт[5] было курсивом напечатано: «Философия учит умирать». Философия — это слушать щебет шикарных парней, это скучнее всего, что вообще случается в жизни, скучнее, чем можно вообразить. Это желание оказаться где угодно, только не здесь, где-нибудь в другой точке этой мультивселенной, концепцию которой ты так толком и не поймешь. В конечном счете надежно сохранилась только одна идея: время есть понятие относительное, оно различно для бегуна трусцой, любовника, истязаемого, праздного. Вот как теперь, когда минута, кажется, растягивается в час. В остальном все было без толку. Растущий неоплаченный долг. Попутное негодование: какой был смысл

[5] notes: 5

Название залива в Северном море, на побережье которого расположена столица Шотладнии Эдинбург.

в подготовке к жизни, которая никогда для нее не предназначалась? Годы, слишком разъединенные со всем остальным, чтобы ощущать их как реальность. Мрачные эдинбургские холмы и неожиданные переулки, тень Эдинбургского замка, рюмка виски за пятьдесят пенсов, камень Вальтера Скотта и продажа в кредит для студентов. И то, что у нее просто от языка отскакивает: двухсложная упаковочная компания «Сократ» и четырехсложная чистящая жидкость «Антигона». И то, что она никогда-никогда не забудет: ублюдок с первого курса с его насмешечками. Я ПЕРЕПОЛНЕНА СОЧУВСТВИЕМ, пишет Ли и исступленно рисует вокруг каракули. Огромные огненные арки, длинные заостренные тени.

— Вопросы? Проблемы?

Ручка громко трескается. Пластик разлетается, синий язык. Адина Джордж заглядывает ей через плечо и смотрит недовольно, но Ли за албанцев не отвечает. У нее полный рот обломков ручки, но за албанцев она не отвечает. Как не отвечает и за растрату средств, предназначенных для женского приюта в Хэкни. Это было в смену Клер Морган. Хотя у Ли синий язык, и пафосная степень, и горячий муж, и ничего личного, но для женщин в нашем сообществе, в афрокарибском сообществе,

ничего личного, но когда мы видим кого-нибудь из наших с кем-либо вроде вас, вот это настоящая проблема. Это настоящая проблема, в которой вы должны дать себе отчет. Ничего личного (уик-энд в Брейтоне, упражнения по выработке командного духа, бар отеля, 2004). Какого рода эта проблема, так никогда и не было объяснено. «Нежную любовь» пела Анита Бейкер, и Адина упала, перелезая через стул, когда пыталась попасть на танцплощадку. Блокировка.

Ли выплевывает пластмассовые осколки в руки. Нет вопросов или проблем. Адина вздыхает, уходит. Закрывание папок и упаковка сумки начинаются с таким же рвением, какое они проявляли, когда им всем было по шесть и звонил звонок. Может быть, тогда и была настоящая жизнь? Ли упирается ногами в пол и отъезжает назад на стуле. Поднимает и укладывает папки в шкаф, и это самое радостное событие за весь день. Бух.

— Ой! Ли, что за херня?! Осторожнее!

Простор необъятный. Ли упирается носом в пупок Тори, соображая, как эта сокровенная вещь теперь явлена на всеобщее обозрение, обозначая предел возможного. Если продолжать в таком же духе, это уже будет за пределами рода чело-

веческого.

— Осторожнее. Ты идешь или что? Выпить в судный день. Получила мейл?

Запрятанное в самом дальнем уголке компьютера вместе с банковскими счетами, напоминаниями о погашении студенческого долга, записками от администрации, эпическими письмами от матери, в том уголке, где если что не открывается, то его и в природе нет. Она прекрасно знала, что там лежит электронное письмо, и знала, о чем оно, но она бежит от людей, которые находятся в том же состоянии, что и Тори. Она бежит от себя.

— Я, Клер, Келли, Беверли, Швета. Ты — следующая.

Тори отсчитывает имена на своих распухших пальцах. Она на сносях. Ее лицо имеет львиные черты, щеки пухлые, выдающиеся. Улыбка большой кошки. Хищная. Ли смотрит на выставленный большой палец, который должен обозначать ее.

— Пытаюсь. Это не так-то легко.

— Попытка — это лишь половина удовольствия.

Комната полна смеющихся женщин. У них какое-то общее знание их пола, неведомое Ли.

Она упирает руки в бока и улыбается, полагая, что нормальные женщины именно так себя и ведут, женщины, для которых попытка — одно удовольствие, и «ты следующая» не звучит как крик стражника в темном месте. Наконец они отправляются по традиционному кругу, где ни один голос не отделяется от другого, и Ли кладет голову на стол, закрывает глаза и позволяет им подтрунивать над собой:

В особенности, когда он похож на твоего. А он так хорош.

Он такой красавчик, твой Миишель. И повадки красавчика.

Бев, ты помнишь, когда мы в тот раз ходили к Ли, а у меня в машине окошко не работало и Мишель встал на колени с проволочной вешалкой? После я целый МЕСЯЦ рассказывала об этом Леону.

Он реально чувственный. Реально семейно ориентированный человек.

Каждый раз, когда я думаю: куда все добрые братья испарились, я думаю: дыши, по крайней мере, в мире есть Миишель.

Да, но они все уже разобраны!

ХАХАХАХАХАХАХАХАХА

Белыми девчонками!

Не, не будь ты такой. Ли, она просто прикалывается над тобой.

Не прикалывайся над Ли! Не ее вина, что твой Леон бесполезный — ублюдок.

Леон в порядке.

(Ни на что не способен. «Леон, ты что сегодня делаешь?» — «Кайфую с дружками». Сукин сын, вечно он «кайфует».)

Леон в порядке.

Но если серьезно, то тебе повезло.

И ты получаешь в придачу прическу с сушкой!

Мужчина, который может сделать тебе прическу. Это просто настоящий рай. Он может делать афрокосички, может делать наращивание…

Келли, зачем ей афрокосички?

Она не Бо Дерек.

ХА! (Не, Ли, ничего личного — извини, но забавно.)

Я просто говорю, что он профессионал. Какую хочешь прическу тебе сделает.

И он натурал. Точняк!

Точняк!

Хахаха

Точняк.

Да. (Попробовал бы он по-другому!)

Вот что меня убивает! Лучший из обоих миров.

Но у тебя есть. Ты не знаешь, что родилась.

Она не знает, не знает, что родилась.

Ты не знаешь, что родилась.

Не знаешь.

Ты не знаешь, что родилась.

Наконец пять часов. Ли поднимает взгляд. Келли ударяет по ее столу.

— Конец, можно уходить!

Одна и та же шутка каждый день. Шутка, которая позволяется, если ты не Ли, если ты не единственная белая в Группе распределения фондов. В коридоре изо всех дверей высыпают женщины, высыпают на улицу в жару, с шоколадной кожей, готовые к теплой ночи на Эджвер-роуд. С Сент-Китса, Тринидада, Барбадоса, Гренады, Ямайки, Индии, Пакистана. Женщины, которым за сорок, за пятьдесят, за шестьдесят, но их бюсты, ягодицы, глянцевые ноги и руки, еще открытые для секса раннего лета, готовы тем манером, которым никогда не смогут быть открыты женщины из племени Ли. Для них солнце — роковая вещь. Такие красные, такие бледные. Все, что надето на Ли всегда, — длинное и из белого хлопка. Она похожа на святую третьего ряда. Она шагает в ногу с остальными. Минует место преступления, мусорную корзину, наполненную

блевотиной и засунутую за цветочный горшок в комнате отдыха, потому что до туалета было слишком далеко.

9

От А до Б.

А. Йейтс-лейн, Лондон С-З 8, Соединенное Королевство

Б. Барлетт-авеню, Лондон С-З 6, Соединенное Королевство

Направления прогулок на Барлетт-авеню, Лондон, С-З 6, СК

Предлагаемые маршруты

A5	47 мин.
2,4 мили	
A5 и Сэлсбери-роуд	50 мин.
2,5 мили	
A404/Хэрроу-роуд	58 мин.
2,8 мили	

1. Повернуть налево на Йейтс-лейн	40 футов
2. Направление на юго-восток к Эджвар-роуд	315 футов
3. Повернуть направо на A5/Эджвер-роуд	1,6 мили
Продолжать движение по A5	
4. Повернуть налево на A4003/Уиллзден-лейн	0,7 мили
5. Повернуть налево на Барлетт-авеню	0,1 мили

Пункт назначения будет слева
Барлетт-авеню, Лондон С-36, СК

Эти направления приведены исключительно в информационных целях. Возможно, стройки, трафик, погода или другие события могут вызвать условия, отличающиеся от результатов на карте, и вам придется планировать ваши маршруты соответственно. Вы должны следовать всем знакам или объявлениям, относящимся к вашему маршруту.

10

И вновь от А до Б:

Сладковатый запах кальяна, кускуса, кебаба, выхлопных паров на автобусном кольце. 98-е, 17-е, 32-е места только стоячие — быстрее дойти! Беженцы из Сент-Мэриз, Паддингтон: будущий отец, курящий, старушка катит на инвалидной коляске, курящая, живучий тип, с мочеприемником в руке, мешок с костями, курящий. Все не прочь дунуть. Все. Польская бумага, турецкая бумага, арабская, ирландская, французская, русская, испанская, «Новости мира». Разлочить твой (украденный) телефон, купить аккумулятор, упаковку с зажигалками, упаковку с одеколоном, темные очки, три штуки за пятерку, фарфорового тигра в натуральную величину, золотые фиксы. Казино! Все верят в судьбу. Все. Так на роду написано. Именно так на роду не написано. «Кто хочет стать миллионером»? Телевизионные экраны в телевизионном магазине. Телевизионный кабель, компьютерный кабель, аудиовидеокабели, я даю вам хорошую цену, хорошую цену, брошюрки, звоните за границу в четыре раза дешевле, изучайте английский, восковая депиляция, фалуньгун, вы приняли Иисуса как персональный

тарифный план? Все любят жареную курицу. Все. Иракский банк, Египетский банк, Ливийский банк. Пустые такси в связи с солнечным излучением. Бумбоксы потому что. Одинокий итальянец, удобные туфли, потерянный, ищу Мэйфер. Сто один способ найти укрытие: совершенно черный тент, маска для лица, затылок, тиснение Луи Виттон, тиснение Гуччи, желтые кружева, прикрепленные к солнцезащитным очкам, совсем не держатся, в полоску, леденцово-розовый в паре со спортивным костюмом, джинсы в обтяжку, летние платья, блузы, жилеты, цыганские юбки, брюки клеш. Без всякой связи с дебатами в газетах, в парламенте. Все любят сандалии. Все. Птичий щебет! От вульгарной, грязной торговой галереи до квартир-особняков, до дома англичанина в замке. Складной верх машины, откидной верх машины, проезд без остановки, хип-хоп. Смотри, как копятся деньги. О-па! Охранное освещение, охранная сигнализация, охранные стены, охранные деревья, Тюдор, модернист, послевоенный, довоенный, каменные ананасы, каменные львы, каменные орлы. Повернись на восток и мечтай о Реджентс-парке, о Сент-Джонс-Вуд. Арабы, израильтяне, русские, американцы: соединенные здесь меблирован-

ным пентхаусом, частной клиникой. Если мы платим достаточно, если мы прищуримся, то Килбурну и существовать нечего. Бесплатная еда. Английский — второй язык. Вот в этой школе зарезали директора. Вот здесь, напротив «Куинс Армс», — Исламский центр Англии. Пройдите посередине, вы рефери, вы! Все любят «Гранд Нэшнл». Все. Неужели сейчас и правда только апрель? И они устарели!

11

Так близко к дому, совсем рядом на Уиллз-ден-лейн. Странное схождение. Она входит в сломанную телефонную кабинку, посасывая палочку фруктового мороженого. Вокруг — толстое разбитое стекло, кубики осколков. В нескольких ярдах от массажного салона «Клеопатры». Ли широко открывает глаза, чтобы запомнить для Мишеля подробности — это одна из тех вещей, которая требуется в браке. Привлекать внимание не к тем подробностям. Серые мешковатые брюки, грязно-белый спортивный лифчик. И больше ничего, никакого топа. Никакой обуви. Груди маленькие, плотно прижаты к телу. Трудно поверить, что она рожала. Может, это тоже ложь. Тонкая талия, за которую хочется подержаться.

Она — нечто прекрасное на солнечном свете, нечто между мальчиком и девочкой, напоминающее Ли о том времени, когда от нее еще не требовалось принять окончательное решение относительно всего этого. Желание никогда не бывает окончательным, желание нечетко и непрактично: ты идешь к ней, ты идешь к ней на большой скорости, а что потом? А что потом? Ли уже совсем близко, когда ее обнаруживают. Прошло три недели. Шар бросает трубку и пытается перейти на другую сторону. Трафик такой, каким ему и полагается быть в час пик. Поначалу Ли рада, что Мишеля с ней нет. Потом ее лицо превращается в его лицо, а его голос звучит из ее глотки, или же это замещающее оправдание, и из глотки звучит ее собственный голос.

— Гордишься собой? Ворюга. Мне нужны мои деньги.

Шар сконфужена, она бежит через дорогу. Бежит к двоим мужчинам, высоким, со спрятанными в капюшонах лицами, они стоят в дверях. Шар обнимает высокого. Ли спешит домой. За спиной она слышит ответ из неразборчивых оскорблений в свой адрес, трескотню, как из пулемета.

37

С девицей, которую она любила, много лет назад они, лежа в кровати, обсуждали цифру 37. Пение Дилана. У девицы — теория, что в числе 37 есть какая-то магия, нас влечет к ней. Этому явлению посвящено немало сайтов. Воображаемые дома, которые бывают в кино, книгах, живописи и поэзии, — почти всегда под номером 37. Попроси назвать число наобум — обычно это будет 37. Ищи 37, сказала девица, в наших лотереях, наших игровых шоу, наших мечтах и шутках, и Ли стала делать это, до сих пор делает. Напомни обо мне кое-кому, кто живет там. Она была когда-то моей настоящей любовью. Теперь эта девица тоже замужем.

Номер 37 на Ридли-авеню захватан. Захвачен? Входная дверь заколочена досками. Окно разбито. Человеческие голоса из-за сорванной серой сетки. Ли переходит из тени живой изгороди в передний двор. Никто ее не видит. Ничего не происходит. Она стоит, подняв одну ногу над землей. Что бы она стала делать, будь у нее тридцать семь жизней! У нее одна жизнь, она идет к матери, они вместе пойдут покупать диван. Если она и дальше будет стоять здесь, то опоздает. В

переднем эркерном окне: Микки, Дональд, Барт, безымянный мишка, слон с оторванным хоботом. Матерчатые лица против грязного стекла.

12

— Ты не спешила. Нормально себя чувствуешь? Ты вроде немного похудела. Что, поедем по Юбилейной линии, да?

Полин отступает от входной двери, катит пластиковую сумку для покупок на колесиках. Всегда чуть старше ожидаемого. И меньше. С улицы это должно выглядеть как стремление человечества к совершенству: каждое новое поколение по сравнению с предыдущим становится лучше. Обретает лучшую форму, становится здоровее, продуктивнее. Сова становится птицей Феникс. Или это временное — потом произойдет обратное превращение? Выше и выше, пока не ниже.

— Беспокоилась о тебе. У тебя, кажется, нездоровый вид.

— Я в порядке.

— А если бы и не в порядке, все рано не сказала бы.

А что говорить? Все еще внимательно к ней приглядывается, хотя почти месяц прошел. Ждет, когда она выйдет из этого магазина, из-за угла,

пройдет мимо телефонной будки. Девица для Ли в ее отсутствие не реальнее, чем волдырь, едва появившийся под свитером, но в то же время все время с ней.

— Да на мне одна блузка, а я уже потею, как свинья. Это неестественно.

Индуистский храм имеет цвет кирпичика неаполитанского мороженого и в основном такую же форму. Кирпичик неаполитанского мороженого с двумя перевернутыми конусами по бокам. Поток старых индусок по ступенькам, не убежденных очарованием тепла. Они в сари с джемперами и кардиганами и в толстых шерстяных носках. У них такой вид, словно они пришли в Уиллзден из Дели, добавляя слои одежды по мере продвижения. Теперь они, как одна, направляются к ближайшей остановке, толпа, которая вбирает в себя Ли и ее мать, несет их с собой.

— Повезло. Мы сядем. Сэкономим время.

— Каждый, кто в тридцать лет едет на автобусе, может считать себя неудачником. Детка, я забыла мой проездной! Что ж такое, дорогая?

— Тэтчер. Как прежде.

— Один до Килбурна, пожалуйста. Два фунта! Она была ужасная корова. Ты-то не помнишь, а я помню. Сегодня Брент. А завтра может быть

Британия.

— Мама, ты сядь там, а я сяду здесь. Тут нет места.

— Первая страница «Мейл». Сегодня Брент. А завтра может быть Британия! Некоторые люди такие наглые. Ну экое нахальство.

Ли сидит напротив и смотрит на красную точку на лбу индуски, пока точка не начинает расплываться в ее глазах; она становится огромной, занимает все поле зрения, в конце концов Ли начинает казаться, что она вошла в эту точку, миновала ее и оказалась в более мягкой вселенной, параллельной нашей, где люди полностью и близко знакомы друг с другом и нет времени, нет смерти, нет страха, нет диванов, нет

— И, может, и были у нас какие-то разногласия, но он тебя любит. А ты любишь его. Тебе с этим жить. Совет тебя очень неплохо устроил, у тебя маленькая машинка, у вас обоих работа. Теперь уже следующее.

Следующая — ты. Вот что такое следующее. Следующая остановка — Килбурн. Двери открываются внутрь, городские насекомые складывают крылья. Девица в хиджабе с мобильником пробирается вперед вместе с ними и нарушает

повествование, смеясь, проглатывая «х»[6], лицо скрыто под слоем косметики, но Полин все равно вынуждена говорить то, что она всегда говорит, с изящными вариациями, зависящими от новостных циклов.

— Всего лишь парочка целуется, это Дубай — каждому грозит по двенадцать лет. Это запрещается, понимаешь? Это так печально.

Но эта печаль быстро перекрывается другой, более местной, печалью. Грязная цыганка и высокий парень приплясывают у автомата по продаже билетов. Полин дышит в ухо Ли.

— Я благодарна, что ни один мой ребенок никогда такого не делал.

В голове Ли быстро проносится парад прежних удовольствий, воспоминания о которых для нее почти невыносимое удовольствие: белое и коричневое, естественное и химическое, таблетки и порошки.

— Не вижу в этом ничего забавного. Нет, не могу поверить, что забыла его дома. У меня он всегда в кармане.

— Я не над этим смеялась.

Проезднойбилетпроезднойбилетпроездной-

---

[6] notes: 6
То есть произнося слова без звука, обозначаемого буквой h.

билет.

— Что она говорит, бедняжка?

— Продают билеты, думаю.

Очень печально, но еще и возможность сэкономить. Полин протягивает руку, чтобы похлопать парня по плечу.

— Сколько зон? Сколько вы за него хотите?

Проездной на один день. Шесть зон. Два фунта.

— Два фунта! Откуда я знаю, что это не подделка?

— Ма, на нем дата стоит, господи боже!

— Я дам фунт — не больше.

— Хорошо, миссис Ханвелл.

Взгляд снизу вверх. Дерганая форма путешествия во времени, движение в двух направлениях: накладываешь ребенка на этого человека, этого человека на ребенка. Один знакомый, другой нет. Во всклокоченную шевелюру-афро воткнуто маленькое серое перышко. Одежда рваная. Один большой палец торчит через крошащуюся резину старых «Найк эйр» с красной полоской. Лицо гораздо старше положенного, даже с учетом того, что время так ужасно обращается с человеческим материалом. У него странное белое пятно на шее. Но красота еще не сломлена полностью.

– *Натан*?

— Хорошо, миссис Ханвелл.

Приятно видеть Полин смущенной, потные волосы обрамляют ее лицо.

— Ну как ты, Натан?

— Выживаю.

Рукопожатия. Недавно кто-то здорово порезал ему щеку. Это все еще открытое, откровенное лицо. Никакого притворства. Отчего все становится еще более затруднительным.

— Как твоя мать, твои сестры? Помнишь Ли? Она теперь замужем.

— Да. Это хорошо, хорошо.

Он робко улыбается Ли. В десять лет у него была настоящая улыбка! Натан Богл: сама суть желания для девчонок, которые прежде чувствовали что-то подобное только к пахучим ластикам. Улыбка, которая может уничтожить решимость даже самых строгих учителей, родителей других школьников. В десять лет она бы сделала для него что угодно, что угодно! Теперь она смотрит на десятилеток и не может поверить, что внутри их может быть то, что было в ней в их нынешнем возрасте.

— Давненько.

— Да.

Для него дольше. Приблизительно раз в год она

видит его на шоссе. Она ныряет в магазин, либо перебегает на другую сторону, либо садится в автобус. Он теперь без зубов — там, и здесь, и здесь щербины. Безутешные глаза. То, что должно быть белым, — желто. По всей поверхности красные прожилки.

— Вот фунт. Береги себя. Передавай привет матери.

Быстро через турникет, наталкиваясь в спешке друг на друга, потом быстро вверх по лестнице.

— Это было ужасно.

— Его несчастная мать! Нужно заглянуть к ней как-нибудь. Так печально. Слышать про нее я слышала, а вот не видела бог знает сколько.

Подходит поезд, и Ли наблюдает за Полин, которая смотрит на поезд спокойным взглядом, делает шаг вперед к желтой линии. Это царство Полин — царство печали — непреложно и неизбежно, как ураганы и цунами. Ему не сопутствует никакое особенное беспокойство. Обычно эта печаль приемлема, сегодня бесстыдна. Такая печаль — это слишком далеко от существования Полин, что лишь разочаровывает. Она делает разочарование похожим на благословение. Вот почему новости на эту тему всегда встречаются с такой радостью, они всегда такие приемлемые.

— Я помню, ты по нему вздыхала. Потом он на несколько лет куда-то делся, кажется. Он никого не убивал, нет, теперь ясно, что это сделал кто-то другой. Посадили в психушку, да? В какой-то момент? Избил отца, превратил его в отбивную, в этом я не сомневаюсь. Хотя он сам напрашивался на что-то подобное.

Когда поезд подходит, Ли берет из стопки две бесплатные газеты, потому что за чтением можно молчать.

Она пытается читать статью. Статья посвящена актрисе, которая выгуливала собаку в парке. Но Полин хочет прочесть статью о мужчине, который на самом деле был совсем не тем, за кого себя выдавал, и она хочет поговорить и об этом.

— Ну, если ты говоришь, что непогрешима! Что хочешь говори про наших, но мы хотя бы не заявляем о нашей непогрешимости. Праведники, да? Эти несчастные дети. Загубленные жизни. И они называют это религией! Что ж, будем надеяться, что это раз и навсегда конец всему этому делу.

Понимая, что они разговаривают со всем вагоном, Ли воздвигает скромную оборону, думая о запахе кадильницы, пухленьких малышах-амурчиках, золотистом взрыве солнечных лучей, холодном мраморном поле, темном дереве, рез-

ном и раскрашенном, о женщинах, стоящих на коленях, шепчущих, зажигающих свечи, путешествии по Европе в тысяча девятьсот девяносто третьем.

— Жаль, что у нас нет исповедания. Жаль, что я не могу исповедоваться.

— Да вырасти уже, Ли, ты собираешься вырасти?

Полин яростно переворачивает страницу. В окне — небесная линия Килбурна. Необлагороженная, необлагораживаемая. Бумы и спады никогда сюда не доходят. Здесь вечный спад. Пустой кинотеатр «Стейт Эмпайр», пустой «Одеон», сайдинг, исписанный граффити, скачущими вверх и падающими, как хлипкие вагончики русских горок. Хаотичные крыши и трубы, одни высокие, другие низкие, тесно стоящие одна подле другой, помятые сигареты в пачке. В противоположном окне остается позади Уиллзден. Номер 37. Приблизительно в 1880-е этот район стал расти — дома, церкви, школы, кладбища, — оптимистическое видение лондонских окраин со станциями метро. Маленькие стандартные домики, ложнотюдоровские груды. Дома со всеми удобствами! Туалет в доме, горячая вода. Благоустроенное сельское жилье для тех, кто устал

жить в городе. Галопом вперед. Полугородское жилье для тех, кто устал от сельской местности.

— Появ-ле-ние вул-ка-ни-ческого пепла в воздухе?

Полин произносит каждый слог аккуратно, сомневаясь в его реальности, и подносит фотографию слишком близком к носу дочери. Ли различает только большой серый смерч. Может, там и нет ничего другого. Это обсуждают и хипстеры, сидящие напротив. «Месть Геи, — говорит девица парню. — Не буди лихо, пока оно тихо». Полин, всегда радующаяся возможности групповой беседы, наклоняется вперед:

— Говорят, в магазинах ни фруктов, ни овощей. Если подумать, в этом есть смысл. Конечно, мы ведь здесь живем на острове. Я это всегда забываю, а вы?

13

— Закончил с компьютером?

— Нужно дождаться, когда они закроются.

— Уже почти семь. Мне нужен компьютер.

— Онлайн еще не семь. Почему бы тебе не заняться своими делами?

— Вот для этого он мне и нужен.

— Ли, я тебя позову, когда закончу.

Обмен валюты. Использование волатильности. Она понимает только слова, но не цифры. Слова зловещи. Добавить их к теперешнему выражению лица Мишеля, выражению повышенного внимания. Внутреннее время тянулось и замирало, не обращая внимания на минуты и часы, находящиеся вовне. Пять минут! Он произносит это раздраженно, словно прошло тридцать, или сто, или две. Порнография оказывает на человека такое же действие. Говорят, искусство тоже.

Ли стоит позади Мишеля в темноте кладовки. Голубое мерцание экрана. Он — в двух футах от нее. Он — по другую сторону мира. Почему бы тебе не заняться своими делами?

У нее возникает мысль, что существует масса дел, которыми она собиралась заняться уже не одну неделю, и теперь она займется ими с резвой быстротой монтажа в середине фильма. В общей комнате работает телевизор. И от него в коридоре тоже голубой свет. В кладовке компьютер теперь играет сердитую поп-музыку, знак того, что дела пошли плохо. Иногда она говорит ему: ты проиграл? Он стервенеет, он говорит, что это так не бывает. Сегодня проиграл, завтра выиграл. Как он может проигрывать или выигрывать снова и снова те же самые восемь тысяч

фунтов? Единственное наследие Ли от Ханвеллов — их накопления. Деньги сами по себе стали философской категорией, категорией, которую материалист Ханвелл (который держал настоящие бумажные деньги в картонной коробке и комоде черного дерева) никогда бы не смог понять. Да и Ли не особо это понимает. Она сидит на стуле в открытой двери между кухней и садом. Пальцы ног в траве. Небеса пустые и безмолвные. Яростные звуки доносятся из радиоприемника соседей: мне, чтобы вернуться из Сингапура, потребовалось пятьдесят два часа! Новый старый урок о времени. Брокколи поставляют из Кении. Кровь необходимо транспортировать. Солдатам нужны припасы. Значительная часть С-З на Пасху отправилась отдохнуть, взяв с собой своих малюток. Может, они никогда не вернутся. Мысль, на которой можно куда-нибудь уплыть.

Нед спускается по кованым ступенькам, глядя в небо.

— Вот уж странно.

— А мне нравится. Я люблю, когда тихо.

— А меня пугает до смерти. Как «Кокон»[7].

— Ну не взаправду же.

---

[7] notes: 7

«Кокон» (1985) — фантастический фильм режиссера Рона Ховарда.

— Город был абсолютно пуст. Арбус[8] у Портретной галереи без всякой толпы. Обалдеть. Вот это настоящее.

Ли уступает долгому возбужденному описанию Неда. Она завидует его эмигрантскому энтузиазму в отношении города. Он не бессмысленно проводит время с бывшими соотечественниками в пригородных анклавах за пивом и смотрением регби: он делает все, чтобы их избегать. Восхитительно. Ходит по городу один, выискивает всякие странности, разговоры, кинопоказы, выставки, отдаленные парки, таинственные бассейны. Ли, родившаяся и выросшая здесь, никогда никуда не ходит.

— на самом деле о целостности это типа, типа, типа идеи? Вынос мозга. Умираю с голоду. Пойду приготовлю себе макароны с соусом песто. Слушай, я тебе оставлю парочку, чтобы не скучала.

Он кладет на подоконник три штуки, уже скрученные. Она смотрит на них, лежащих на плоскости ее ладони. Первую выкуривает быстро до оранжевого картонного фильтра. Олив гоняется, шурша среди теней. Потом вторую. Окна наверху открыты: Глория кричит на своих детей.

---

[8] notes: 8

Имеется в виду Диана Арбус (1923–1971) — американский фотограф, один из столпов документальной фотографии.

Вы моя не слушай! Моя нет время вам весь день повторять одно самое сто рас! Ли зовет Олив, и та возвращается вприпрыжку, Ли сгребает ее обеими руками. Замшевая кожа. Хрупкая маленькая грудная клетка с промежутками под каждый палец. Негоже так сильно любить собаку, говорит Мишель, который сворачивал шеи курицам, перерезал горло козлу. Горлышко Олив между руками Ли — неужели ребенка держат с большей нежностью? После Олив легко поверить, что у животных есть разум. Даже испускающие пузырьки крабы у торговцев рыбой приобрели трагический вид. Да, она все еще продолжает есть их. Ну и чудовище же она. Ох, щас спущусь к вам ухи драть. Она курит третью.

Темнеет понемногу, а потом резко. Китайские фонарики, свернутые, как в годы студенчества, на яблоне. Контактные линзы такие сухие, что больно смотреть. За яблоней — ограда, железнодорожная ветка, Уиллзден. Номер 37. Оттуда к ней приходит отец. Он подходит не ближе, чем погибший розовый куст Неда. На нем шляпа.

Как твоя собачка, спрашивает он.

Ли обнаруживает, что может ответить отцу, не открывая рта. Она рассказывает ему обо всех мелочах, которые делала Олив после его смер-

ти в прошлом ноябре, обо всем-всем, о самом маленьком! Его занимают даже мельчайшие подробности собачьего дня. Он говорит, ах, зайка, какая зайка, и стряхивает крошки со своего жалкого синего кардигана. Одет он точно так, они одели его в гроб, вот только такой трилби она прежде не видела, а это единственное название, которое знает Ли для старинных шляп. У него белое пятно на бедре, словно сперма, засохшая на рубчике выцветших коричневых брюк — никто не озаботился их почистить. Эти хорошенькие медсестры-украинки, которые никогда надолго не задерживаются.

Там дальше нет уже ничего, кроме чертовых лис, печально говорит Ханвелл.

Это и вправду настоящая эпидемия. То есть они всегда здесь были и в такой же численности, как теперь, но теперь это называют эпидемией. Недавний заголовок в «Стандард»: ЛИСЬЯ ЭПИДЕМИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ. И фотография мужчины, стоящего на коленях в саду, а вокруг — тела застреленных им лис. Десятки, десятки и десятки лис. Десятки и десятки! — говорит Ли, и вот как мы теперь живем, защищая наш маленький пятачок, но прежде было не так, а теперь все изменилось, ведь изменилось, так люди го-

ворят, все изменилось. Колин Ханвелл пытается слушать. Лисы, вообще-то, его не интересуют, не интересует его и то, что они могут собой символизировать.

Да, я понимаю, откуда взялось такое впечатление, говорит Ханвелл.

Что?

Я говорю, понимаю, откуда возникло это впечатление, то, как ты поживаешь.

Что?

Если ты скажешь мне, что счастлива, говорит Ханвелл, значит, ты счастлива, и говорить тут не о чем.

Разговор как-то беспорядочно переходит на другие предметы. Ты никогда не забираешь свои наволочки из прачечной. По-настоящему важно то, что шеф Морин[9] позволяет тебе есть замороженные лазаньи без пшеничной составляющей, тогда как другие игнорируют рекомендованную им диету и как следствие имеют кровь в говне, конвульсии и непрекращающуюся икоту. Да, снисходит Ли, да, папа, наверное. Наверное, срать кровью похуже символов, печали и глобальной

---

[9] notes: 9

Морин Хоменик — знаменитый американский повар, которая предлагает множество рецептов своим зрителям и пользуется популярностью не только в Америке.

ситуации. Ты не можешь так говорить с докторами, шепчет Ханвелл, тебя могут услышать, никогда не знаешь, когда они подкрадываются.

Ли начинает чувствовать, что она контролирует ситуацию и может обратить то, что осталось от этой встречи, себе на пользу. Она начинает провоцировать отца на всякие высказывания, направляет его, двигает его руками и манипулирует выражениями сначала нечаянно, а потом намеренно, и он говорит, я тебя люблю, ты это знаешь. А потом: детка, ты знаешь, я тебя всегда любил. И: я тебя люблю, не волнуйся, здесь хорошо. И даже: я вижу свет. Спустя какое-то время вид у него становится странный, и Ли, устыдившись, прекращает. Но он все же еще остается и таким образом препятствует прелестной вероятности безумия, такая милая забота. Если бы у нее не было этой рутины с делами, арендой, мужем и работой, то она сошла бы с ума! Почему не сойти с ума?!

И не забудь запирать калитку давлением воды, когда газ горячий в духовке крана, чтобы выключить, когда ты оставляешь его только с красным луком и щепоткой корицы, а потом возвращаешься, прежде чем тебе надобится микротакси — не пьяная, советует Ханвелл.

Она не может заставить его подойти поближе. Но кажется, будто его рука в ее руке, а его щека прикасается к ее, и Ли целует его руку, чувствует его слезы на своем ухе, потому что он всегда такой сентиментальный старый дурак. Она сжимает его руки в своих. Они сухи, как осень. Она чувствует тестообразную плоть незаживающей раны в центре его руки, она не излечивается, потому что в определенном возрасте такие вещи не излечиваются. Рана синюшная и теперь наполняется кровью, а поцарапал всего ничего, незаметно совсем, много-много месяцев назад о край игрового стола в клубе. Кожа отошла, они закатали ее назад и приклеили на место. И, несмотря ни на что, в прошлом году она оставалась синюшной и наполненной кровью.

Па! Не уходи! говорит Ли.

А я должен куда-то идти? говорит Ханвелл.

Компьютер свободен, говорит Мишель.

14

Огромный холм оседлывает С-З; он возвышается в Хэмпстеде, Западном Хэмпстеде, Килбурне, Уиллздене, Брондсбери, Криклвуде. Он не чужой в мире литературы. Женщина в белом поднимается по одному склону, чтобы встретить на другом

Джека Шеппарда[10]. Иногда так далеко на запад и север заглядывает даже Диккенс, чтобы выпить пинту или похоронить кого-нибудь. Послушайте, там, на библиотечном ковре между научной фантастикой и местной историей, — презерватив, наполненный спермой и завязанный узлом. Раньше здесь были только фермы и поля, загородные виллы, кивающие друг другу с хребта этого холма. Их сменили железнодорожные станции, стоят на расстоянии полумили друг от друга.

Уже прошло больше месяца с того дня, когда к дверям пришла та девица, — в конце мая. Конские каштаны отлично выглядят в своей кустистой полноте, хотя все знают, что деревья болеют. Ли находится по одну сторону хребта Брондесбери, она поднимается в сиянии, не зная, кто поднимается ей навстречу. Она так удивлена, что обращается к рефлекторной эмоции: презрению. Искоса смотрит на девицу, как смотрят дети в школе. Столько времени прошло и так близко к лицу Шар — этот жест оказывается более агрессивным, чем предполагалось. Эх, если бы здесь

[10] notes: 10

Действие романа Уилки Коллинза «Женщина в белом» начинается в лондонском предместье — Хэмпстеде. Джек Шеппард (1702–1724) — английский разбойник, грабитель и вор начала XVIII века, живший и действовавший в Лондоне.

был Мишель! Но Мишеля здесь нет. Ли в последнюю секунду пытается в последний раз отступить в сторону, надеясь пройти мимо. Маленькая рука хватает ее запястье.

— ОЙ. ТЫ.

Голова у нее не покрыта. Густые черные волосы ниспадают повсюду. Между маскировочными прядями Ли видит катастрофический фиолетовый желтый черный глаз. Из него струится вода, слезы или что-то еще непроизвольное. Ли пытается что-то сказать, но только заикается.

— Чего тебе от меня надо? Что я должна тебе сказать? Я тебя ограбила? Я наркоманка. Я украла твои деньги. Довольна? ДОВОЛЬНА?

— Дай я тебе помогу, может, получится… есть места… где помогают.

Ли воротит от собственного голоса. Какой он слабый! Словно мольба ребенка.

— Нет у меня твоих денег, поняла? У меня проблема. Ты понимаешь, что я говорю? НЕТ У МЕНЯ ДЛЯ ТЕБЯ НИ ХЕРА. Ты мне в жопу не нужна, и твой этот хер мне мозги ебать каждый ебаный день тоже не нужен. Указывает, орет. Если честно, мне это уже просто остоебенело. Чего тебе от меня надо? Чтобы я на колени встала?

— Нет, я… Я могу тебе помочь как-нибудь? Сде-

лать для тебя что-нибудь?

Шар стихает, пожимает плечами, поворачивается, идет, пошатывается, чуть не падает. На ее хорошеньком лице закатываются глаза. Ли протягивает руку, чтобы поддержать ее. Шар грубо отталкивает.

— Возьми номер моего телефона. Пожалуйста. Я тебе запишу. Я работаю кое с кем, связи, много пожертвований, ну, через работу, ты понимаешь, это может быть…

Ли засовывает смятый конверт в карман Шар. Шар хватает пальцами лицо Ли.

— Не могу я больше. Не могу это взять.

Ли провожает Шар взглядом — та на нетвердых ногах переваливает через вершину и исчезает.

15

В автобусе маршрута 98 напротив сидит женщина с маленькой девочкой на коленях. Она показывает ребенку пачку развивающих открыток. Слон. Мышка. Чашка чая. Солнышко. Лужок с мумуками. Ребенку особенно нравится открытка с лицом человека. Это единственная открытка, к которой она тянется, хихикая. Умница Лусия! Ее толстые пальчики хватают открытку. Потом она с таким же остервенением хватает лицо

матери. Нет, Лусия! Ребенок грозит расплакаться. Некоторые вещи — это люди, объясняет ей мать, а некоторые вещи — картинки, некоторые вещи твердые, а некоторые мягкие. Ли смотрит в окно. Дождь безжалостный. Самолеты вернулись в небо. Работа есть работа. Время перестало быть необъяснимым. Оно снова стало просто временем. Она взяла кое-какие книги с работы, из шкафа с литературой. Профессиональные организации предлагают профессиональную помощь. Это «все, что в твоих силах». Теперь наркоманам пришло время «самим принимать решения». Все говорят одно и то же. Все говорят одно и то же на один манер. Ли выходит на Уиллзден-лейн и сразу же идет быстрым шагом, но автобус подъезжает к ней и останавливается. Весь нижний этаж становится зрителями, когда она перевешивается через ограду у церкви. Рвет ее в основном водой, неотличимой от дождя. Эту церковь ее детства, где она была субботней брауни[11], переделали в апартаменты класса люкс, каждый имеет свою частичку изысканного витража. Собрание маленьких спортивных машин стоит перед церковью там, где раньше было

[11] notes: 11
Брауни — детская организация для девочек от 7 до 10 лет.

кладбище. Автобус плетется в сторону шоссе. Она выпрямляется, отирает шарфом рот. Быстро идет, сжимая в одной руке идиотский зонтик, и дождь капает ей в рукав. Номер 37. У почтового ящика она быстро просматривает брошюрки, как послушная девочка, и прежде чем засунуть письма в щель, еще раз их проверяет.

37

Она надеялась найти другой метод. Бабушкино средство, которое можно потихоньку применить дома, состряпав его из доступных веществ в ванной. Все остальное обойдется слишком дорого. Все остальное отразится на их общем банковском счете. В Интернете она находит только моралистов и никаких практических советов, кроме старых страшилок из донравственного прошлого: ванна с джином и шляпные булавки. У кого сейчас есть шляпные булавки? Вместо этого она здесь, со старой кредиткой времен учебы в колледже. Странное место. Никакое. Мог быть дантист, мануальный терапевт. Частная медицина! Роскошные диваны, кофейные столики со стеклянной столешницей, приватность. Никаких записей в журнал. Никто не спросит:

А. Решение пойти на эту процедуру ваше собственное?

Б. Есть кто-нибудь, кто бы отвез вас домой после процедуры?

Тут есть девица, которая спрашивает у нее, не хочет ли она стакан воды, как собирается платить. Это всё. Деньги позволяют избежать отношений, обязательств. Тут все по-другому. Когда ей было девятнадцать, университетская медсестра все ей устроила. Она сидела на краешке больничной кровати с милосердной бывшей любовницей, обе в летних юбках, болтали ногами, как маленькие девочки, которых отругали родители, и больше всего их интересовало, как действуют анестетики.

— Мне казалось, он будто держит меня за руки и говорит десять, девять, восемь — и в следующую секунду — *в следующую секунду* — это уже сейчас, ты целуешь меня в лоб.

— Два с половиной часа прошло!

В своем роде откровение бóльшее, чем путаные лекции о сознании, Декарте, Беркли.

Десять, девять, восемь…

Прошло два с половиной часа!

Ни одна книга не смогла бы ее убедить так,

как ее убедил тот день. Десять, девять, восемь… небытие. Милосердная девица! Она сделала больше, чем от нее требовалось. Вот одно из преимуществ женской любви, того, что тебя любят женщины: они всегда делают гораздо больше того, что требует от них долг. Десять, девять, восемь. Возвращение к жизни. Поцелуй в лоб. И еще полустертая детская переводная картинка на стене перед ее глазами. Тигра, Кристофер Робин и Пух, все без голов. Свободная кровать в детской палате? Она помнит только десять, девять, восемь — безболезненная репетиция смерти. Полезно вспоминать в мгновения смертельного страха. (В маленьких самолетах, на больших глубинах.) В тот раз у нее была двухмесячная беременность. В этот раз — два месяца и три недели.

Секретарша, прихрамывая, шагает по комнате. Вывих лодыжки, трепыхается грубый белый бинт. Ли краснеет. Она стыдится перед воображаемым «некто», которого не существует в реальности, но который наблюдает за нашими мыслями. Она укоряет себя. Конечно, речь не шла о ее несуществовании, а о несуществовании другого. Конечно. Да, вот что я, конечно, имела в виду, о чем я хотела думать. О таких вещах думают нормальные женщины.

— Миссис Ханвелл? Не спешите, пожалуйста.

16

— Не имеет отношения? Ты это о чем? Как ты могла рассказать мне эту историю и не упомянуть головной платок?

Натали смеется. Фрэнк смеется. Мишель смеется громче всех. Он немного пьян. Не только от просекко в бокале. От величия этого викторианского дома, от размеров сада, от того, что он знаком с барристером и банкиром, от того, что он должен находить забавным то, что они находят забавным. Дети как сумасшедшие носятся по саду, смеются, потому что смеются все остальные. Ли смотрит на Олив, гладит ее со страстью, пока собака не одуревает от ласк и не соскальзывает с рук. Она смотрит на свою лучшую подругу Натали Блейк и ненавидит ее.

— Ли… вечно пытается спасать кого-нибудь.

— Разве это не твоя работа?

— Защищать кого-то вовсе не то, что спасать. И вообще, я в последнее время в основном занимаюсь рекламой.

Натали вскидывает одну голую ногу на другую. Длинные, черные, как ночь, скульптурные ноги. Наклоняет голову прямо к солнцу. Фрэнк делает

то же самое. Они в профиль похожи на короля и королеву с древней монеты. Ли должна держаться тени чего-то, что Фрэнк называет садовой беседкой. Две женщины прищуриваются, глядя друг на дружку над простором хорошо ухоженного газона. Они раздражают друг друга. Они весь день раздражали друг друга.

— Я все время наталкиваюсь на нее.

— Наоми, прекрати.

— Она училась с нами в школе. В это трудно поверить.

— Правда? Почему? Наоми, прекрати это. Отойди от барбекю. Это огонь. Иди сюда.

— Не бери в голову.

— Извини, повтори, пожалуйста. Я слушаю. «Шар». Я совсем не помню такого имени. Может, это было во время нашего разрыва? Ты тогда встречалась со множеством людей, которых я никогда не знала.

— Нет, в школе я ее не знала.

— Наоми! Я не шучу. Так подожди: в чем вообще проблема?

— Нет проблемы. Никакой.

— Просто, по большому счету, это не очень…

— Сказала она и осеклась.

— Что? Наоми, иди сюда!

— Ничего.

Приходит с бутылкой Фрэнк, он в такой же степени искренен с Ли, в какой его жена бесцеремонна. Его лицо совсем рядом. От него пахнет дорогим парфюмом. Ли откидывается назад, чтобы ему было удобнее налить.

— Почему так получается, что все, кто учился в твоей школе, — криминальные наркоманы?

— Почему все, кто учился в твоей, — министры от тори?

Фрэнк улыбается. Он красив, его рубашка идеальна, его брюки идеальны, его дети идеальны, его жена идеальна, в руке у него — идеально охлажденный бокал просекко. Он говорит:

— Наверное, хорошо, когда можешь у себя в голове вот так вот разделять мир на две части.

— Фрэнк, прекрати дразниться.

— Ли не обиделась. Ты ведь не обиделась, Ли? Конечно, я уже разделен на две части, так что, представь себе, мне трудно думать таким образом. Когда у вас, ребята, появятся дети, они поймут, о чем я.

Теперь Ли пытается посмотреть на Фрэнка так, как, кажется, хочет он: как на проекцию некоего будущего для нее и для Мишеля. Цвет кофе, веснушки. Но если не говорить о капризах генетики,

Фрэнк ничуть не похож ни на Ли, ни на Мишеля. Один раз она видела его мать. Елену. Она жаловалась на провинциализм Милана и советовала Ли покрасить волосы. Фрэнк принадлежит другому срезу мультивселенной.

— Моя теща в мудрости своей говорит, если хочешь узнать истинное различие между людьми, проведи тест патронажной сестры. Позвони в дверь, и, если люди внутри лежат на полу при выключенном свете, ничего хорошего от них не жди!

Мишель говорит:

— Не понимаю. Что это значит?

Натали объясняет:

— Люди иногда не хотят открывать дверь Марсии, они опасаются, что это связано с социальной работой или с органами социального обеспечения. Они преимущественно хотят исчезнуть с глаз. Если моя мать когда-нибудь позвонит в ваш звонок, бога ради, не валяйтесь на полу.

Мишель серьезно кивает, принимает этот совет близко к сердцу. Он не может воспринимать это так, как воспринимает Ли. То, как Натали постукивает пальцами по садовому столику и, говоря, смотрит на небо. Он не видит, что мы досаждаем им, и они хотят освободиться от нас,

от этого старого обязательства.

Он никак не затыкается, он говорит:

— Эти люди, они лежат на полу. Они живут на Ридли-авеню. И как мы понимаем, все они вместе живут в незаконно захваченном доме на Ридли-авеню, возможно, четверо или пятеро девиц, которые работают на улице, подходят к дверям, звонят, и еще мы думаем, что несколько парней тоже. Может быть, сутенеры. Ты с этим каждый день сталкиваешься. Чего я говорю, ты и сам все знаешь. Каждый, каждый день таких людей видишь, да? В суде.

— Мишель, дорогой… Это все равно что на вечеринке спрашивать у доктора о родимом пятне у тебя на спине.

Мишель всегда говорит искренне, и странно, что именно это его свойство (которое Ли очень ценит, когда они вдвоем) так смущает ее на людях. Нат следит за движениями Спайка, который топчется на клумбе. Теперь ее внимание возвращается к Ли, и Ли принимает меры: безмятежная, чуть величественная. Неискренняя.

— Нет, мне интересно, продолжай, Мишель, извини.

— Этот другой, этот парень, он тоже из вашей школы. Он несколько недель назад попросил у

нее денег на улице.

— Нет, все было не так! Он говорит о Натане Богле. Он продавал проездные. Вы знаете, как он это делает, вы видели, как он это делает в Килбурне, иногда Уиллздене?

— М-м-м.

Ли краснеет. Унизительно вызывать такое количество безнадежной скуки у старой подруги. Она вынуждена называть старые имена и лица в попытке разбудить ее интерес.

Фрэнк говорит:

— Богл? Это тот, который получил срок за импорт героина?

— Нет, это был Робби Дженнер. Он на год младше. Богл этим не занимался. Он ушел из школы, чтобы стать футболистом. Спайк, пожалуйста, не делай этого, детка.

— И что? Стал футболистом?

— Что ты спросил? О нет. Нет.

Вероятно, и Брейтон для нее больше не существует. Все прошло, осталось позади. Она, вероятно, так же удивляется тому, что училась в Брейтонской школе, как Брейтонская школа удивляется тому, что Нат вышла из ее стен. Нат — та девочка, одна из немногих из их дурдома в тысячу детей, кто преуспел, может, слишком,

если вспомнить, откуда она. Чтобы жить вот так, ты должна забыть все, что было раньше. Иначе как вообще с этим справиться?

— Он был милым мальчиком. Его мать была сент-лушка. Или сент-лушианка?[12] Все наши матери знали друг друга. Такой хорошенький и такой озорник. Играл на барабане? Довольно неплохо. Он сидел рядом с Кейшей. Когда она была Кейшей. Я тогда очень ревновала, когда мне было восемь. Правда, Кейша?

Натали кусает ноготь, она ненавидит, когда ее дразнят. Она не любит, когда напоминают о ее собственной непоследовательности. Ли позволяет себе надавить чуть посильнее: лицемерие. Ли проходит мимо того места каждый день по пути в магазин на углу. Она видит его со своего заднего двора. Нат живет достаточно далеко, чтобы там не появляться. В любом случае все встречи происходят здесь, в доме Нат, потому что — а почему нет? Вы посмотрите на этот прекрасный дом! Ли краснеет, когда нехорошие слова лезут ей в голову, слова, произнесенные Шар: кокосовый орех. А потом говорит Мишель и находит идеальные слова:

---

[12] notes: 12
Имеется в виду Сент-Лу-стрит в Северо-Западном Лондоне.

— Ты изменила имя. Я забываю, что ты это сделала. Это типа: «Одевайся для той работы, которую ты хочешь, а не для той, которую имеешь». То же и с именами, насколько я понимаю.

Но для Ли это теряет всякий смысл, в особенности из-за удручающего «насколько я понимаю», он эти слова говорит только здесь, в этом доме, и это неловко. Натали широко открывает глаза. Она пытается изменить тему, в чем, кажется, ей всегда помогают дети.

— Мишель, ты мне тут можешь помочь: что мне с этим делать?

Нат хватает две жмени волос Наоми и демонстрирует колтуны, пытаясь пропустить пальцы через это гнездо, а девочка корчится под ее руками.

— Она не дает мне к ним прикоснуться, значит, мне следует отдать эту красоту тебе, чтобы ты сбрил наголо, ладно? Она сможет прийти в салон завтра, найти тебя и вернуться уже без своих колтунов.

Наоми вскрикивает. Мишель отвечает на вопрос добрым голосом, осторожно, искренне. Не советуя прибегать к радикальным действиям, рекомендует питательный лосьон для волос и кокосовое масло. Хотя он и провел в стране столь-

ко лет, английская склонность к ироническому детомучительству так и осталась ему чуждой. Яркая улыбка остается приколотой к лицу Нат.

— Ну-ну, ну-ну, Наоми. НАОМИ. Мама только шутит… Никто не собирается… заплести косичку вечером — это должно пойти на пользу, спасибо, Мишель…

Фрэнк говорит:

— В моей школе не было ничего похожего на «школьные каникулы». Моя мать никогда меня не видела раньше, чем на Рождество.

Его жена печально улыбается и целует его в щеку.

— Да наверняка были у вас каникулы. Я знаю твою мамочку — она просто никогда за тобой не приезжала.

Ни капли не смешно, говорит Фрэнк. Очень смешно, говорит Натали. Ли кусает губу и смотрит, как Нат принимает гирлянду из маргариток, начатую Наоми. Она разрезает стебель ногтем большого пальца, вплетает следующую маргаритку.

— В любом случае я никогда не пошлю моих детей в школу-интернат. Чтобы они там были совсем одни в классе из тридцати белых детей. Нужно быть совсем сумасшедшей.

— Наших детей. Из двадцати. Мне это никак не повредило.

— Ты носишь мокасины, Фрэнк.

Ничего смешного, говорит Фрэнк. Очень даже смешно, говорит Натали. Ли часто хочется поставить диагноз этой парочке — что-то дурное, опасное, — но пациенты настаивают на своем праве выпрыгивать из кроватей и отпускать шутки. Целовать друг друга в щечку.

— Ты ее ломаешь!

Ли смотрит на гирлянду из маргариток. Наоми права: Нат гирлянду сломала. А теперь Спайк доканчивает то, что она начала, — выхватывает гирлянду и разбрасывает обрывки по лужайке. Поднимается ор. Ли напускает на лицо улыбку, обозначающую, что она восторгается детьми. Фрэнк встает и двумя руками загребает себе под мышки лягающихся детей.

— Они отправятся в церковную школу за наши грехи.

По умолчанию в присутствии Ли Фрэнк становится пародией на самого себя. Ли дает ему отпор, изображая невинность, вынуждает его расшифровывать все, что он пытается сказать завуалированно.

— В церковную школу? Уже?

Натали говорит:

— Это все смешно — школа бесплатная, но нам явно нужно начать ходить в церковь. Приложить усилия сейчас. Иначе они нас не примут. Только туда, где не нужно слишком напрягаться. Полин у тебя куда ходит?

— Мама? Ну, она ходит, наверное, раз в месяц. Какого-то святого, не знаю. Спрошу, если хочешь.

Фрэнк отпускает своих детей и вздыхает.

— А ваша очередь разве уже не скоро?

На это отвечает Мишель. Это его тема, его царство. Теперь начинается разговор о содержимом тела Ли и о том, что (если бы к Мишелю прислушивались) у него — тела — было бы гораздо больше дел в последние несколько лет. Ли сосредоточивается на Натали. Она здесь своим телом, но где ее мысли? На работе? Заняты какой-то пленительной внебрачной связью? Или ждет не дождется, когда уйдут эти люди, чтобы она могла вернуться к настоящей жизни, семейной жизни?

— Черт! Банановый хлеб. Забыла совсем. Наоми, ну-ка помоги мне его подать.

Ли смотрит на Натали, которая шагает на свою замечательную кухню со своим замечательным ребенком. Все за этими стеклянными дверями полной чашей и значимо. Жесты, взгляды, раз-

говор, который невозможно подслушать. Как это ты умеешь наполнять чашу? И наполнять только значимыми вещами? От всего остального Нат каким-то образом умеет избавляться. Она взрослый человек.

Как тебе это удается?

— Ну… Мишель. Так как у тебя идут дела? Давай-ка устроим небольшой апдейт. Как твой парикмахерский бизнес? Что, люди все еще в тисках… плохой экономики?

На лице Фрэнка легкая паника, оттого что жена оставила его одного с этими странными гостями.

— Вообще-то, Фрэнк, я перемещаюсь в твою область. В некотором роде.

— В мою область?

— Внутридневная торговля. По Интернету. После нашего с тобой последнего разговора, ты помнишь, я купил книгу и…

— Ты купил книгу?

— Руководство… и я уже пробовал сам понемногу. Так, для начала.

Судя по лицу Фрэнка, ему требуются дальнейшие пояснения, он чувствует какой-то подвох. Это очень легкая форма унижения, но она все же будет передана от Мишеля Ли в какой-нибудь преобразованной форме, типа превращения жид-

кости в газ. Сегодня вечером или завтра, во время спора, в постели.

— Ну, отец Ли оставил ей, нам, немного.

— О, здорово! Немного — это хорошее место, откуда можно начать. Но только послушай, Мишель, я не хочу нести ответственность, если ты потеряешь последнюю рубашку… Я работаю на серьезного человека, и у нас есть что-то вроде сети безопасности, но что касается индивидуальных продавцов, то, знаешь, стоит помнить, что…

Ли громко вздыхает. Она знает, это ребячество, но ничего не может поделать. Фрэнк поворачивается к Ли с умиротворяющей усталой улыбкой. Он прикасается исправляющим пальцем к ее плечу, тук-тук.

— Мишель, я только собирался сказать, что стоит подписаться на один из сайтов, какой-нибудь «Тудей Трейдер» или что-то в этом роде, поначалу играть фальшивыми деньгами, чтобы почувствовать, что к чему…

— Извините меня, но, кажется, Олив хочет посрать, а я не хочу, чтобы она это делала на вашем идеальном газоне.

— Ли.

— Нет-нет-нет, все в порядке. Мишель, мы знаем друг друга сто лет, Ли и я. Я привычен к ее

приколам. Спайк, почему бы нам не выгулять Олив, прежде чем она доберется до дома? Давайка пойди найди мешочек.

Ли и Мишель остаются сидеть на траве, скрестив ноги, как дети. В этом доме она чувствует себя ребенком. Рецепты тортов и пышные ковры, декоративные подушки и обитые специально подобранной тканью стулья. Здесь ни одного дивана-кровати. Все вдруг выросли. Пока она только собиралась, все выросли и стали тем, кем хотели.

— Почему ты все время обходишься со мной, как с идиотом?

— Что?

— Я задаю тебе вопрос, Ли.

— Я не хотела. Просто я не выношу, когда он говорит с тобой свысока.

— Он не говорил свысока. Ты говорила.

— Кто она такая? Кто эта личность? С этим ее буржуазным существованием!

— Буржуазным, буржуазным, буржуазным. Думаю, это единственное французское слово, которое ты знаешь. Ты превратилась в одну из англичанок… которые ненавидят всех своих друзей.

Из стеклянной двери вновь появляется Фрэнк.

Будь он наблюдательнее, он мог бы почувствовать, что гости пребывают в настроении кукольных персонажей Панча и Джуди, которых обуяли отвращение и ярость по отношению друг к другу. Но Фрэнк не очень наблюдательный, и когда он поднимает глаза, они снова то же, кем кажутся и всегда, — счастливая влюбленная пара.

— Ты не знаешь, где поводок?

Из-за его спины появляется Нат, вид у нее безмятежный, непроницаемый. Наоми держится у ее ноги как младенец, которым она давно уже перестала быть. Непокорные кудри торчат во все стороны. Ли смотрит на Мишеля, который наблюдает за ребенком. На его лице написана глубочайшая грусть.

17

— Тетя Ли! Тетя Ли! Мама говорит ПОТИШЕ.

Ли останавливается, оглядывается. Не видит никого, потом из-за угла появляется Нат, театрально дышит. Коляска пуста, Спайк у нее на руках, Наоми держится за ее футболку. Гулливер, которого лилипуты вот-вот пригвоздят к земле.

— Ли, ты уверена, что мы туда пришли? Мне так не кажется.

— В конце этой дороги. По карте она типа за-

ворачивает и соединяется сама с собой. Полин сказала, ее трудно найти.

— Я вижу мировой суд и… поворот? Дети, держитесь рядом, не отставайте. Это все равно как жесткая обочина на шоссе. Кошмар. «Жареная курочка Кеннеди»[13]. Польский бар с бассейном. Эйфорический массаж. Хорошо, что мы выбрали живописный маршрут. Это уже наверняка не Уиллзден. Похоже, мы уже в Низдене.

— Церковь — вот почему это все еще Уиллзден. Она определяет рамки прихода Уиллзден.

— Да, но где она? И как Полин вообще сюда добирается?

— Автобусом, наверное. Не знаю.

— Кошмар.

Дорога петляет. Они оказываются на узкой асфальтированной дорожке с бетонным ограждением в конце, подхватывают детей, когда мимо в разные стороны проносятся машины. Справа закрытый молл и бизнес-центр, изначально плохо спланированный, и там, и там пусто, окна через одно разбиты. Слева поросший травой островок, примыкающий к дороге с двусторон-

---

[13] notes: 13

Заведения быстрого питания в США и Великобритании, специализируются на блюдах из курицы, часто принадлежат выходцам из Афганистана.

ним движением. Его планировали как зеленый оазис, а образовалась стихийная свалка. Матрас, напитавшийся водой. Перевернутый диван с раскромсанными подушками, в грязных пятнах. Предметы более эксцентричные, наводящие на мысль о спешно оставленной жизни: половинка скутера, обезглавленная настольная лампа, дверь машины, вешалка для шляп, свернутый в рулон линолеум, которого вполне хватило бы для покрытия пола ванной.

Выбрав момент, они, словно одно животное, бросаются в промежуток между машинами на другую сторону широкой дороги, потом отпускают друг друга, тяжело дышат, стоят, уперев руки в колени. Получив совет «не напрягаться» в следующие сорок восемь часов, Ли чувствует головокружение, медленно поднимает голову и первым делом замечает ее: древние бойницы и башня, они видны над ветвями высокого ясеня. Еще двадцать ярдов — и пейзаж открывается перед ними во всей своей невозможности. Маленькая деревенская церковь, средневековая деревенская церковь, словно на вечной стоянке на полуакре земли в центре кругового разъезда. Не в свое время, не на своем месте. У восточного окна — вишня. Низкая кирпичная стена обозна-

чает древнюю границу — защищает не больше, чем кольцо маргариток. Двери семейных склепов сорваны с петель. Множество надгробий с яркими надписями. Ли, Нат и дети проходят в кладбищенские ворота, останавливаются под колокольней. Голубой циферблат часов сверкает на солнце. Утро, половина двенадцатого в другом веке, в другой Англии. Нат полоской муслина отирает лоб от пота. Дети, до этого шумевшие и жаловавшиеся на жару, затихают. Тропинка петляет по тенистому кладбищу, викторианские камни — это всего лишь последний слой мертвецов. Натали маневрирует с коляской по неровной земле.

— С ума сойти. Никогда прежде этого не видела. А мимо проезжала раз сто, наверное. Ли, у тебя есть эта штука с водой? Вероятно, Полин это потому так и нравится. Потому как оно такое старое. Потому что в старом можно быть уверенным.

Ли складывает руки под животом и превращается в свою мать, на ее лице появляется материнское выражение: губы оттянуты, веки хлопают, протестуют против пылинок мира и их намерения залететь в глаза Полин. Посреди глотка Натали начинает дико смеяться, отчего проливает воду на грудь.

— Я бы не стала любить более новые церкви, ни за что. Я бы не помирала при их виде. Если ты можешь быть увереннее в старых, значит, можешь.

— Прекрати, я умру со смеху. Я здесь всю жизнь прожила, а даже не знала, что тут есть такое место. Все эти годы ходила с Марсией в эту консервную банку пятидесятников, а ведь мы могли бы ходить сюда. Кейша, теперь послушай меня. Я хочу, чтобы святой дух Господень снизошел на всех нас.

Они могут высмеивать своих матерей, но они не могут разрушить мрачное очарование этого места. Дети осторожно ступают между могил, они хотят знать, правда ли у них под ногами лежат мертвецы. Ли ускоряет шаг, сходит с тропы в высокую траву, оставляя Нат уворачиваться от вопросов своего выводка о разнице между недавно умершими и давно умершими. Ли разводит руки в сторону. Ее пальцы касаются верхушек более высоких памятников, разбитой каменной урны, крошащегося креста. Вскоре она уже за церковью. Вокруг немыслимые прошлые толпы, едва различимые на горестно наклонившихся стертых камнях. Смерть детей и роковые тюремные сроки. Война и болезни. Массивные таблички, заросшие плющом, покрытые лишайником, пятна

желтой плесени и мха.

Эмили У… этого прихода была взята из мира сего
на ее тридцать… год жизни в год господа бога нашего в тысяча восемьсот… седьмой,
оставив шестерых детей и мужа Альберта,
который вскоре присоединился к ней в этой…

Марион… из этого прих…
Умерла 17 декабря 1878 года в возрасте 2… лет
А также Дора младенец доч… вышеназванной
умерла 11 декабря 1878

Не напрягайтесь в следующие сорок восемь часов.
На этом безжалостном солнце
Не напрягайтесь, Ли Ханвелл этого прихода,
Единственная дочь Колина Ханвелла, также из этого прихода.
Не напрягайтесь до конца своих дней.

Ли прислоняется к камню ее роста. Здесь три фигуры в горьельефе, почти полностью стертом. Она вставляет пальцы в канавки, поросшие мхом. Дама в подобранной юбке прижимает что-то к телу, какой-то безликий комок, что-то, что, возможно, ей вручили; два мальчика во фраках

тянутся к ней с обеих сторон. Она никто. Время стерло все подробности: ни лица, ни даты, ни имени, ни коленей, ни объяснения таинственного дара…

— Ли, все нормально?

— Жарко. Слишком жарко.

Они проходят внутрь сквозь тяжелые деревянные двери. Служба уже заканчивается. Странный аромат благовоний высокой церкви висит в воздухе. Они идут по периметру, избегая встречаться глазами с верующими. Здесь великолепная прохлада, лучше, чем от кондиционера. Натали берет листовку. Прирожденная самоучка, всегда тянется к знаниям. Все, наверное, определено их разрывом. Разрыв многое решил. Она стала Натали Блейк в той короткой паузе за долгую историю их отношений между шестнадцатью и восемнадцатью годами. Она занималась самообразованием в библиотеке Кенсала Райза, а Ли тем временем курила по три косяка в день, длинный, как жизнь. Натали всегда берет листовки, листовки и все остальное.

— Приход основан в 938 году… от первоначальной церкви ничего не осталось… нынешняя церковь построена около 1315 года… Отверстия от кромвелевских пуль в двери, оригинальное…

Наоми бежит вперед и забирается на купель (ок. 1150, пурбекский мрамор). Ли пытается удалиться туда, где не слышно лекции Натали. Служба заканчивается: прихожане тянутся к выходу. В дверях молодой викарий пытается заговорить с ними. Он, как нервная старуха, подносит руку к своей рыхлой талии, на его висок ниспадает прядь каштановых волос. У него лицо, которое надеется угодить, но из-за слабоволия не может. Он такой, каким был бы в 1920-м, или в 1880-м, или в 1660-м. Он все тот же, а вот его прихожане изменились. Поляки, индийцы, африканцы, жители Карибов. Взрослые в ярких одеждах — костюмы с блеском, обтягивающие платья с рынка. На мальчиках — полосатые костюмчики, девочки вцепились в крохотные испанские шали. Их волосы тщательно уложены, на висках завитушки. Прихожане сочувствуют викарию, полному мягких предложений. Посмотрим, получится ли у нас начать вовремя на следующей неделе. Все, что можете пожертвовать. Что угодно. Они улыбаются и кивают, они не принимают его всерьез. Викарий тоже себя не слушает. Он сосредоточен на Ли, разглядывает ее над головами уходящей паствы. С востока — лучи света. Ли инстинктивно двигается в ту сторону, к монументу

черного и белого мрамора, висящему на стене, из надписи на котором она узнает, что ОНА БЫЛА СЧАСТЛИВА СДЕЛАТЬ ЕГО БЛАГОДАРНЫМ ОТЦОМ 10 СЫНОВЕЙ И 7 ДОЧЕРЕЙ И ЕЕ ДОЛГ ПОСВЯТИТЬ ЭТОТ ПАМЯТНИК СОХРАНЕНИЮ ЕГО ПАМЯТИ. ОН УМЕР В 48 ЛЕТ. МАРТА 24, 1647. О Ней ничего более не сказано. Ли тянет приложить пальцы к буквам, измерить их холодок. Но Натали отговаривает ее, она говорит Спайку, чтобы он не разбрызгал святую воду УХ ТЫ этот скульптор ваял надгробье ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕРВОЙ нет дорогой не той она была королевой дорогой ДАВНЫМ-ДАВНО нет дорогой даже еще раньше но ты знал что когда-то это называлось УИЛЛЗДОН и значило добро значило весну у подножья холма там откуда эта вода Я СКАЗАЛА ПРЕКРАТИ ПЛЕСКАТЬ. Ли вдруг стала одолевать жажда, она сама сплошная жажда, она только жажда. Она становится на колени, чтобы осмотреть кран, читает табличку. НЕ ПИТЬЕВАЯ. Святая, но не питьевая.

— Мамочка!

— Нет, не мамочка. Это кто-то другой. «Считалась более сильной, чем традиционная мадонна, она наделена чудесной силой, включая дар наития, возвращения утраченных воспоминаний, воскрешения умерших младенцев…» Марсии это

понравилось бы… иногда людям на церковном кладбище является ее образ. У Марсии всегда видения. Но обычно — видения белых мадонн со светлыми волосами в хорошеньких блузочках от «Мэндс»…

Как она прошла мимо? У нее за спиной — Мадонна из дерева, черной липы. Мадонна держит огромного ребенка в пеленках. «Младенец Иисус» написано на табличке, его руки вытянуты в обе стороны, «его руки несут благословение» написано на табличке, но Ли не видит в них никакого благословения. Скорее уж она видит обвинение. Младенец принял форму распятого, он имеет форму того предмета, который уничтожит его. Он тянется к Ли. Он тянется так, чтобы предотвратить любое бегство — направо или налево.

— «становится знаменитой святыней нашей церкви Уиллзденской Богоматери, «Черная Мадонна», уничтоженная во время Реформации и сожженная вместе с дамами из Уолсингема, Ипсуича и Вустера — лордом хранителем малой печати». Тоже Кромвель. Другой Кромвель. Не сказано. Вот где был бы полезен приличный уровень преподавания истории для госэкзамена… «с тех пор был святыней…» — так это, значит, оригинал? 1200-е? Не может быть. Очень хреново

написано, неясно какой… НАОМИ ОТОЙДИ ОТ

37

— Как же вы прожили всю жизнь на этих улицах и никогда меня не видели? Как долго, вы думаете, вам удастся меня избегать? Почему вы решили, что вы исключение? Неужели вы не знаете, что я здесь с тех самых пор, как люди начали взывать о помощи? Услышьте меня: я не похожа на льстивых бледнолицых мадонн, этих жеманных девственниц! Я старше этого места. Даже старше, чем вера, которая тщетно приняла мое имя! Дух этих буковых лесов и телефонных будок, живых оград и фонарных столбов, родников и станций метро, древних тисов и универсамов, пастбищ и 3D-кинотеатров. Непослушная Англия реальной жизни, животной жизни! Старой церкви, новой, времени до церквей. Тебе жарко? Уже слишком? Вы надеялись на что-то другое? Вас неправильно информировали? Неужели за этим было что-то большее? Или меньшее? Если мы назовем его иначе, исчезнет ли это невесомое ощущение? Ваши коленки подкашиваются? Кто вы? Хотите стакан воды? Падает ли небо? Можно ли было устроить мир по-иному, в другом порядке, в другом месте?

18

— Ой, я часто падала в обморок. Часто! Это было признаком хрупкой конституции, чувствительной, слегка артистичной. Но все тогда пошли в медсестры или секретарши, понимаешь? Просто так вышло. Мы не имели возможностей.

— Просто жарко было.

— Потому что у тебя немалый потенциал, нет, слушай, правда: рояль, магнитофон, танцы, эта штука с… с… как это называется, ну, ты знаешь — ваяние, тебе некоторое время нравились ваяние и скрипка — со скрипкой ты была просто чудо, и еще много всяких мелочей.

— Я принесла домой из школы один глиняный горшок. А на скрипке я играла месяц.

— Мы позаботились, чтобы ты получала все уроки, пятьдесят пенсов туда, пятьдесят сюда — а набирается ого-го! А у нас денежки не всегда были! Это папочка все, упокой, господи, его душу, не хотел, чтобы ты росла, чувствуя себя бедной, хотя мы-то были бедными. Но ты по-настоящему никогда не останавливалась на чем-то одном, вот я о чем говорю. Газон надо полить.

Полин неожиданно наклоняется, потом распрямляется с пучком травы в земле.

— Лондонская глина. Очень сухая. Вы, девчонки, конечно, все делаете иначе. Вы ждете, и ждете, и ждете. Хотя чего вы ждете — я не знаю.

Полин почти посинела от усилия, грива седых волос, прямых и влажных, обрамляла ее лицо. Матери волнуются, пытаются сказать что-то своим дочерям, но именно эта взволнованность и отталкивает дочерей, вынуждая их отдаляться. Матери остаются ни с чем, держат, как безумные, в руке комок лондонской глины, немного травы, клубни, одуванчик, жирного червя, пропускающего через себя мир.

— Фу. Слушай, ма, может, ты положишь этот комок?

Они сидят вместе на парковой скамье, которую Мишель нашел несколько лет назад. Кто-то оставил посреди дороги на Криклвуд-Бродвей. Невозмутимо, как тебе нравится! Стоит там посреди трафика! Она словно выросла из асфальта. Все машины ее объезжали. Мишель остановил свой «мини-метро», опустил спинки сидений, открыл багажник и засунул ее внутрь, а Полин помогала ему. Или мешала. И делалось все это под раздраженные гудки машин, проезжавших мимо. Когда они привезли скамью домой, на ней обнаружилась бирка Королевского парка.

Полин называет ее троном. Давай чуток посидим на троне.

— Просто жарко было. Олив, иди сюда, девочка.

— Только ко мне пусть не приближается. Не хочу, чтобы у меня слезы из глаз текли! Она моя внучка. Единственная, что у меня будет, если дела и дальше будут идти так, как шли до сего дня. У меня аллергия на единственную внучку.

— Мама, хватит!

Они молча сидят на троне, смотрят в разные стороны. Проблема, видимо, состоит в двух разных представлениях о времени. Она знает, что в этот момент ее животная природа, вероятно, принимает решение. Может быть, она слишком долго пробыла городской лисой. Каждое новое появление — сообщения приходят, кажется, ежедневно — представляется ужасным предательством. Почему все не хотят сохранять хладнокровие? Она сама себя заставила сохранять хладнокровие, но земля от этого не перестала вращаться. И потом то, что происходит, направлено только на то, чтобы ужасным образом пресечь все возможности других вариантов, которые не происходят, а потому и тридцать семь, а потому и дверь открывается в тот момент, когда она там стоит, в руках

у нее полно листовок, и Шар говорит: положи это, возьми меня за руку. Побежим? Ты готова? Побежим? Оставь все это! Станем бродягами. Будем спать под живыми изгородями. Пойдем вдоль железнодорожных путей, пока не выйдем к морю. Будем просыпаться с этими длинными черными волосами в глазах, во рту. Звонить домой из телефонных будок, которые по-прежнему берут два старых добрых пенса. Мы в порядке, не беспокойся. Я хочу сохранять хладнокровие и двигаться. Я хочу этой жизни и другой жизни. Не смотри на меня!

— и просто пытаюсь помочь, но я за это не получу никаких благодарностей. Не могу даже понять, ты меня слушаешь или нет. Как знаешь. Это твоя жизнь.

— А для чего тебе вообще эта святыня?

— А что ты вообще имеешь под этим в виду — святыня? Богородица? Ну, меня-то она ничуть не волнует. Она совершенно безопасна. На двери написано «англиканская», и англиканской она и была тысячу лет. Мне этого достаточно. Люди из колоний и все эти россияки, они суеверны, и их можно понять. Они пережили жуткие времена. Кто я такая, чтобы лишать людей утешения?

Полин устремляет взгляд в сторону их старого

дома, где теперь обитают люди из колоний и все эти россияки. Сегодня, как и почти во все дни с тех времен, когда засветило солнце, громкоголосая девица вышла из дома, она препирается с тем, кто на другом конце ее беспроводного устройства. Ты меня не уважаешь? Не смей меня не уважать! Если про нее и можно еще что-то сказать, так это про ее безошибочно угадываемое ирландское происхождение. Узкий криминальный лоб, широко расставленные глаза. Для падших членов собственного племени у Полин припасено презрение особого рода.

— Таким, как она, даже Богородица не поможет. Ой, Эдвард[14], дорогой, привет.

— Рад вас видеть, миссис Х.

— И я рада. Как поживаешь, дорогой? Выглядишь неплохо с учетом всех обстоятельств. Травку уже перестал курить, надеюсь?

— Боюсь, что нет, боюсь, что нет. Нравится мне аромат.

— Он лишает тебя всех твоих честолюбивых стремлений.

— А у меня все равно только одно стремление.

— И какое же?

---

[14] notes: 14

Имя Эдвард имеет несколько укороченных вариантов, один из которых — Нед.

— Жениться на вас, конечно. Этого уж меня травка не может лишить, верно?

— Да ладно тебе.

Счастлива, правда, просто счастлива, солнце палит уже не так нещадно, синеет, устраивается полосками за аквамарином минарета, а неторопливый ветерок полощет на верхушке старого дома флаг святого Георга[15], закрепленный на спутниковой тарелке в преддверии футбольного матча. Может быть, не имеет никакого значения то, что жизнь никогда не расцветает во что-нибудь большее, чем она есть. Заякорена у берега, от которого отплыла, как когда-то были заякорены почти все женщины.

— Ли, детка, это твой телефон.

Нет, вы посмотрите: ограда справа почти полностью повалилась. Плющ оттуда проникает в зазоры и душит все, что пытается вырастить Мишель, кроме самой яблони, которая растет без посторонней помощи, несмотря ни на что. Она пишет в совет, но там ее не слушают, Нед никогда не пишет, Глория тоже, они живут совместно, но совместным мышлением обладает только она, господи боже, этот несчастный бездомный

---

[15] notes: 15
Имеется в виду британский национальный флаг.

червячок, побагровевший на солнце. Как крайняя плоть двигается туда-сюда, туда-сюда сам на себе. Никто меня не любит, все меня ненавидят, потому что я ползучий червь. Но это кто

этот голос

такой тихий

и такой яростный, прямо у нее в ухе, и она думает, что, вероятно, ослышалась, она думает, что, может, сходит с ума, она думает

— Простите?

— Ты меня слышишь? Не смей туда ходить.

— Простите. Откуда у вас этот номер?

— Эта девчонка — мое дело. А ты перестань туда ходить и засирать ей мозги. Ты меня поняла? Остерегайся меня. Я тебя знаю. Появишься еще раз — не поздоровится.

— Кто говорит?

— Лесбуха ебаная.

За неимением других занятий червяк складывается пополам. Плитка справа, плитка слева.

— и потом в «Паундленде»[16] та же самая шкатулка — обрати внимание, тот же бренд — стоит всего два сорок девять! Но если ты покупаешь в таких местах, ты просто сама себя обманываешь,

---

[16] notes: 16

Название сети магазинов, в которых все товары прежде стоили один фунт, теперь цены выросли.

и больше тут говорить не о чем. Ли, детка? Ли? Ли? Кто это был? Кто звонил? Ты не заболела?

19

Честь жены нужно защитить. Это главное, объясняет он, ссылаясь на крупных обезьян, увиденных в каком-то документальном фильме. Самка обезьяны защищает обезьяньего младенца, а самец защищает самку. Мишель ужасно счастлив в своей ярости, их тянет друг к другу под ее — ярости — пологом. За много месяцев это лучшее время, какое они провели вместе. Она, зажавшись, сидит за кухонным столом, а он ходит туда-сюда, размахивает руками, как крупная обезьяна. Она тоже хорошая обезьяна, она хочет сделать свой взнос в великое счастье своей обезьяньей семьи. И именно это абсолютно достойное желание заставляет ее сказать:

— Пожалуй. Я думаю, это был он. По голосу трудно сказать. Слушай, с тех пор, когда я его знала, прошло почти двадцать лет. Но я бы сказала: да. Если ты спросишь меня, уверена ли я на сто процентов, то я не смогу сказать «да», но первая моя мысль была: да, это он, Натан.

В этом уголке С-З так мало событий. Когда случается драма, вполне естественно, что человек

хочет вписаться в эту картину, прямо в самую ее середину. Это на него похоже. Очень похоже. Она говорит Мишелю. Она говорит Мишелю все, кроме одного слова.

20

На пути из сетевого супермаркета (где они закупаются, хотя его появление привело к закрытию местного продуктового магазина, и платят там мизерное жалованье) с новыми пакетами, хотя им следовало взять старые, с брокколи из Кении, томатами из Чили, отвратительным помойным кофе, какой-то сладкой дрянью и не той газетой.

Они низкопробные люди. В них даже нет той целостности, которая позволяет некоторым вообще не заморачиваться тем, что они низкопробные. Они все время заморачиваются. Они снова застряли где-то в середине. Они всегда покупают пино-гриджио или шардоне, потому что других слов применительно к вину они не знают. Они приглашены на обед, а если ты идешь на обед, то должен принести бутылку вина. Это они уже выучили. Они не покупают никакие дорогие вещи, потому что не могут себе этого позволить. Так заявляет Мишель, а Ли говорит: нет, не покупают они дорогие вещи, потому что не следует

заморачиваться. Про себя она думает: ты хочешь быть богатым, как они, но не можешь заморачиваться их моральными ценностями, а меня больше интересуют их моральные ценности, чем их деньги, и от этой мысли — от этой оппозиции — ей становится хорошо. Брак — это искусство оскорбительного сравнения. И, черт побери, вот он, в телефонной будке, и если бы она подумала хоть секунду, она никогда бы не сказала:

— Черт, вот он, в телефонной будке.

— Он?

— Да, но… нет, я не знаю. Нет. Я подумала. Не имеет значения. Забудь.

— Ли, ты только что сказала, что это он. Так он или не он?

Мишель очень быстро оказывается вне пределов слышимости и уже там напрашивается на другое оскорбительное сравнение: его компактная, с хорошими пропорциями фигура танцора против высокой, мускулистой угрозы, которая поворачивается и оказывается не Натаном, но точно другим парнем, которого она видела с Шар, а может, и не видела. Шапочка, куртка с капюшоном, заниженные джинсы, это униформа — так многие одеваются. С того места, где стоит Ли, это все равно немая сцена, жестикуляция и

первобытные гримасы и, конечно, потенциально ужасная новость, которая объясняет все, кроме страданий и частностей: о том, что один юнец ударил ножом другого юнца на Килбурн-Хайроуд. У них есть имена и возраст и, что ужасно печально, обвинение в том или ином деянии, что вовсе не повышает цены на недвижимость в районе. У Ли дыхание перехватило от страха. Она бросается бегом, чтобы вмешаться, Олив семенит рядом, а она, пока бежит, замечает кое-что, что не должно иметь значения: она выглядит старше, чем тот и другой. Хотя парнишка — всего лишь парнишка, а Мишель — мужчина, оба они кажутся ровесниками.

— Не знаю, о чем это ты, братишка, но не СОВЕТУЮ ТЕБЕ ГНАТЬ ВОЛНУ.

— Мишель, пожалуйста. Брось, пожалуйста.

— Скажи своему мужику, пусть отойдет от меня.

— Не смей больше мне звонить, понял? Оставь в покое мою жену! Ты меня понял?

— Ты что за хуйню несешь? Напрашиваешься, да?

Они, как петухи, наступают друг на друга, Мишель унизительным финтом вытолкнут на дорожку, он приземляется рядом со своей нелепой

собачонкой, которая лижет ему ухо. И вот уже противник возвышается над ним, театрально заводит ногу, готовясь к пинку. Ли втискивается между ними, расставляет руки, чтобы разделить их, умоляющая женщина в древней истории.

— Мишель! Прекрати! Это не он… Прошу вас… это мой муж, он перепутал, пожалуйста, не бейте его, пожалуйста, оставьте нас, пожалуйста.

Безразличная нога заносится еще выше для более сильного удара. Ли начинает кричать. Краем глаза она видит, как молодая белая пара в костюмах переходит на другую сторону дороги, чтобы не сталкиваться с ними. Никто им не поможет. Она молитвенно складывает руки.

— Пожалуйста, оставьте его, пожалуйста. Я беременна, пожалуйста, оставьте нас.

Нога опускается. Над Мишелем, который пытается встать на ноги, появляется рука, сложенная пистолетом, и направленная на его голову.

— Погонишь на меня волну еще раз — *ба-бах* — и ты покойник.

— Пошел в жопу. Понял? Я тебя не боюсь!

В мгновение ока нога опять заводится назад и бьет Олив в живот. Собачонка отлетает на несколько ярдов в дверь кондитерского магазина. Она визжит так, как Ли еще не слышала.

— Олив!

— Тебе повезло, что твоя подружка за тебя заступилась, братишка. А то…

Он уже наполовину пересек улицу, откликается через плечо.

— Что «а то»? Трус долбаный! Пнул мою собаку! Я вызываю полицию!

— МИШЕЛЬ. Не ухудшай то, что и без того плохо.

Она прижимает руку к его груди. Любой прохожий сочтет, что она пытается его удержать. Только она знает, что на самом деле он не пытается оттолкнуть ее. Так двое мужчин расходятся, грубо ругая друг друга на ходу, лелея мысль, что это не конец, что в любой момент они могут развернуться и броситься друг на друга. Это всего лишь еще большее притворство: присутствие женщины освободило их от обязанностей.

21

Ли верит в объективность. Она немного успокоилась, они уже почти дома. Кто была эта женщина в момент кризиса, она вопила и рыдала, умоляла, стоя на коленях на улице? Глупо признавать, но она считала себя «храброй». Бойцом. Теперь она перешла в категорию переговорщиков, просите-

лей, тактических лжецов, подателей прошений, ходатаев. Пожалуйста, не уничтожь то, что я люблю! И ее прошение было услышано, и в жертву пришлось принести меньшее, и в тот момент она была просто трогательно благодарна за уступку.

Да, потом она не сразу смогла взять себя в руки. Теперь Мишель нес Олив. Он уперся в их дверь, а Ли принялась искать ключ во всех пакетах и никак не могла найти.

— Как она?

— В порядке, если внутри ничего не повреждено. Мне так кажется, с ней все в порядке. Она в шоке.

— А как ты?

Ответ — на его лице. Унижение. Ярость. Конечно, мужчине труднее быть объективным. У них гордыня — как с ней справиться?

— Нед!

— Привет, ребята, все в порядке?

— Помоги Ли с пакетами.

Они идут на кухню и укладывают любимую собачонку в ее лежанку. Вид у нее нормальный. Покормить ее? Она ест. Кинуть мячик? Она бежит. Может, с ней все в порядке, но у людей в крови все еще адреналин, в душах — травмы, они пока не могут продолжать. Ли рассказывает

Неду, что случилось, очищая историю от всякой ярости и унижения. Мишель — храбрец! Мишель — защитник. Она прикасается к руке мужа. Он сбрасывает ее пальцы.

— Ей пришлось притвориться, что она беременна. И он нас пожалел! Я лежал на земле как идиот.

— Ты не дал ситуации развиться в худшую сторону.

Она снова притрагивается к его руке. И на сей раз он ей позволяет.

— Ты думаешь, нам вечером не следует брать ее с собой? Я не знаю. Нед, мог бы ты приглядеть? Позвони, если будут какие проблемы? Или нам, может быть, стоит остаться. Отменить.

Обед, говорит Мишель, не думаю, что мы можем его отменить. С ней все в порядке. С тобой все в порядке, детка, правда? Все в порядке? Два человека заглядывают в собачьи глаза, ища в них подтверждения. Ли старается быть активной. Разве кто-нибудь из этих людей не сказал бы уже слово «ветеринар», если бы они не боялись расходов, которые повлечет за собой слово «ветеринар»?

22

Ханвелл никогда никого не приглашал на обед. И сам не ходил. Это неправда: в особых случаях он вел свою маленькую семью к «Виджею» на Уиллзден-лейн, где они садились за столик у дверей, быстро ели и осторожно разговаривали. Ничто в детстве Ли не приготовило ее к постоянным посещениям обедов, чаще всего в доме Натали, где они с Мишелем создают что-то вроде местного колорита. Никто из них не знает, что нужно говорить адвокатам и банкирам, время от времени — судье. Натали не может поверить, насколько они застенчивы. Каждый раз она винит место, куда их посадили, но каждый раз остается неловкость. Они застенчивы, верит в это Натали или нет. Они не понимают концепции анекдота. Они смотрят в свои тарелки, аккуратно нарезают еду, позволяя Натали рассказывать за них их истории, кивают в подтверждение фактов, имен, времени, места. Предложенные к столу на всеобщее препарирование, эти анекдоты начинают жить собственной жизнью, отдельной и впечатляющей.

— Или просто убежать. Я бы понеслась, как какой-нибудь долбаный ветер, и гори оно все

огнем. Без обид, Мишель. Ты очень храбрый.

— А потом вы просто разошлись в разные стороны? «Спасибо. Я сегодня был вашим потенциальным убийцей, а теперь мне пора…»

— Ха!

— «У меня на весь день запланированы ограбления, на которые я должен явиться с муляжом пистолета».

— Ха!

— Передай-ка мне сальсу. Думаешь, если сложить пальцы пистолетом, то это значит, что у тебя и в самом деле есть пистолет? Думаю, рецессия на всех сказывается… почему гангстеры должны не быть к ней невосприимчивыми? Вот, смотри, у меня тоже есть. *Ба-бах*!

— Ха! Ха!

— Постой. Только извини, ты что, беременна?

Двенадцать человек за длинным дубовым столом Нат говорят, смеются и смотрят, как Ли борется с утиной грудкой.

— Нет.

— Нет, понимаете, просто то, что она сказала, его остановило.

— Очень храбрая. Быстро соображает.

Версия истории, случившейся с Ли и Мишелем, в изложении Натали закончилась. Эстафетная

палочка в разговоре передается другим, которые рассказывают анекдоты с бóльшим щегольством, привязывают их к широкому культурному контексту, к газетной полемике. Ли пытается объяснить, чем она зарабатывает на жизнь кому-то, кого это ничуть не интересует. Шпинат доставили на стол прямо с фермы. Все на мгновение соглашаются в том, что технологии — зло, настоящая катастрофа, в особенности для тинейджеров, но у большинства рядом с тарелками лежат телефоны. Передайте морковку с маслом. Родители тем временем постарели, обзавелись болезнями — именно в тот момент, когда дети собираются обзавестись собственными детьми. Многие родители — иммигранты, с Ямайки, из Ирландии, из Индии, из Китая, и они не могут понять, почему дети еще не пригласили их к себе жить, как это принято в родных странах. Вместо выполнения этой невозможной просьбы им предлагают технологии. Лестничный подъемник для инвалидов. Кардиостимуляторы. Протезы тазобедренных суставов. Аппараты для диализа. Но родители ничему не рады. Они много работали, чтобы их дети могли жить так, как живут. Они «буквально» не будут счастливы, пока не переедут в наши дома. Передайте салат из помидоров. Вот что важно в

исламе. Давайте я вам расскажу про ислам. О том, что именно неправильно в исламе. Все вдруг стали специалистами по исламу. Но, как вы думаете, Самхита, да, что вы думаете, Самхита, что вы об этом скажете? Самхита, адвокат по авторскому праву. Передайте тунца. По столу передаются технологии, стратегии. Частные больницы. Частные кинотеатры. Рождество на борту. Ресторан всего с пятью столиками. Ограды. Полноприводная тачка, которая позволяет тебе доминировать на дороге. Где-то есть идеальная изоляция, и вы можете ее добиться, хотя стоить это будет немало. Но, Ли, говорит кто-то, но, Ли, в конечном счете, в конце дня, разве вы не хотите обеспечить своему индивидуальному ребенку наилучшие возможности, которые можно дать им индивидуально? Передайте горошек с чищеным миндалем. Дайте определение слову «наилучшие»? Передайте лимонный пирог. То, что дает ребенку самые высокие шансы на успех. Передайте ягоды. Дайте определение слову «успех». Передайте crème fraîche[17]. Вы полагаете, что разница между вами и мной в том, что вы хотите дать своему ребенку наилучшие возможности. Передайте десертную

[17] notes: 17
Сметана (*фр.*).

ложку. В этом и состоит задача хозяйки, чтобы сглаживать противоречия. Зачем спорить о том, кто еще не родился? Я знаю одно: мне не нравится, когда что-то размером с арбуз протискивается через что-то размером с лимон. Медсестра, принесите лекарства! А вы не думали рожать в воде? Все говорят одно, и то же и все одинаково. Разговоры, приправленные ужасом. Плененные животные, размышляющие, не вернуться ли им на природу. Натали безмятежна, она уже побывала на другой стороне. Передайте ноутбук. Вы должны это увидеть, всего две минуты — это что-то.

Нехватка воды. Пищевые войны. Штамм $A(H_5N_1)$. Манхэттен съезжает в море. Англия замерзает. Иран нажимает кнопку. Торнадо проходит по Кенсал-Райз[18]. Вероятно, есть что-то привлекательное в концепции апокалипсиса. Городские районы превратились в зоны поиска еды в мусорных кучах. Организация школ в заброшенных супермаркетах и церквях. Новые группировки, новые связи, множество половых партнеров, дети, свободные от этой идиотской родительской опеки. На каждом перекрестке слышится музыка, доносящаяся из гигантских,

[18] notes: 18
Кенсал-Райз, или Кенсал-Грин — район в Северо-Западном Лондоне.

сооруженных наспех звуковых систем. Люди идут в огромных безликих толпах, без вождей, они двигаются как волны, накатывающие на берег, в масках, ищут еду, оружие. «Взбунтовавшийся» Колдвелл в воскресенье, когда бегают по всем улицам стаями, звонят в каждый звонок.

Вот были деньки. Правда, Ли? Да, было времечко. Передайте виски. Потому что это поверхностное сравнение: нельзя нести ответственность за сложные экономические явления в той же степени, в какой несет ответственность человек, выходящий на улицу с целью грабежа. Передайте кофе. Это не какой-нибудь кофе, это чрезвычайно хороший кофе.

— Это такое разочарование.

— Это так разочаровывает.

— Особенно если ты приложил в ущерб себе некоторые усилия, чтобы кому-то помочь, а тебе это предъявляют как обвинение. Вот что невыносимо. Как то, что случилось с Ли — Ли, расскажи им про девушку.

— Про кого?

— Девушка в косынке. Которая пришла к твоей двери. Это и вправду печальная история. Хорошо: я расскажу…

И только когда все расцеловались в обе щеки,

когда тяжелая входная дверь закрывается, когда их снова выпустили в ночь, Ли и Мишель оживают. Но даже это дружество презрения может быстро рассыпаться на части. Когда они добираются до входа в метро, Ли уже успевает чересчур много наговорить, чересчур наплакаться, и их хрупкий эфемерный контакт, их «мы против них» нарушается, и возникают разногласия.

— Ты не думаешь, что их одолевает такая же скука, что и тебя? Ты думаешь, что ты какой-то особенный? Думаешь, я просыпаюсь каждый день и радуюсь, что увижу тебя? Ты сноб, только вверх тормашками. Ты думаешь, что ты единственный, кто хочет чего-то другого? Другой жизни?

Они едут домой в яростном молчании. Молча идут по Уиллздену. Молча подходят к двери, одновременно достают свои ключи. Начинают комическую схватку за замочную скважину, и проигрывает Ли. Войдя в коридор, оба уже смеются, а еще немного времени спустя целуются. Если бы только они все время могли оставаться вдвоем. Если бы мир был справедливым, говорит Ли, мы бы всегда были счастливы. Ты рассуждаешь, как они, говорит Мишель, и засовывает язык в ухо жены.

На следующее утро они приходят на кухню

расслабленные, в футболках и трусах, и погружаются в бескрайнее пространство субботнего утра. Ли идет проверить почту. Она первая замечает ее. Невинный, любимый зверек, холодный, еще не окоченевший, лежит на боку далеко от своей лежанки, под столом в кладовке. Вокруг рта — кровавая пена. Мишель! Мишель! У нее не получается достаточно громко. Или же он вышел в сад, восхищается деревом. Раздается звонок. Это Полин. Олив умерла! Она умерла! Боже мой! Умерла. Где? Говорит Полин. Покажи мне. В ней говорит медсестра. А когда приходит Мишель и с ним тоже начинается истерика, почти такая же, как у Ли, она удивлена, насколько благодарна практическому подходу матери к жизни. Ли хочет плакать, только плакать. Мишель хочет снова и снова перебирать события. Он хочет найти точку невозврата, словно это может что-нибудь изменить. Полин хочет убедиться, что пространство под столом обработано антисептиком и коробка из-под обуви зарыта в землю не меньше, чем на фут. Спрашивать остальных не имеет смысла, говорит Полин, имея в виду остальных съемщиков, они могут ответить только одно: нет. Теперь поторопитесь, говорит она, постарайтесь собраться. Нам нужно покончить с этим. Выпейте чаю.

Успокойтесь. Она спрашивает: вам не пришло в голову, почему она не лаяла, когда вы пришли?

23

Можно сказать, что одна мечта Мишеля сбылась: они поднялись на одну ступеньку, по крайней мере, в смысле качества и утонченности их страха. Ли, естественно, обвиняет в этом Мишеля — не свойственная им прежде осторожность, новый замок от «Чабб»[19], то, что он теперь забирает ее со станции, то, как они переходят на другую сторону улицу, чтобы не сталкиваться с «определенными элементами», и постоянно разговаривают о переезде. Мишель дольше засиживается за компьютером, мечтая о неожиданном везении, которое перенесет их в другой пригород, больше отвечающий его вкусу, то есть в большей степени африканский и в меньшей — карибский. Ли это никак не комментирует. Она погружена в себя. Июль — потерянный месяц. Она позволяет случиться маленьким изменениям, там, на поверхности, тогда как сама идет по дну океана. Она в ужасном трауре. Она незнакома

[19] notes: 19

Международная страховая корпорация, имеет подразделения в 54 странах.

с правилами оплакивания животных. Для кота — одна неделя. Для собаки — две приемлемы, три уже будет выглядеть нелепо, в особенности в офисе, где — в карибском духе — все животные меньше осла считаются паразитами. Она оплакивает свою собаку. По правде говоря, она думает, что печаль может убить ее. При виде одной из множества близняшек Олив, плетущейся по Эджвер-роуд и страдающей от жары, она чувствует себя совершенно сломленной. На работе Адина приглядывается к ее опухшему заплаканному лицу. Неужели все еще собака? Все еще? И если даже на самом деле это ложное сознание, если Ли оплакивает кого-то другого, не собаку, для самой Ли нет никакой разницы: она знала Олив, и тоскует она по Олив. Ли превратилась в сумасшедшую, которая останавливает владельцев других собак на улице и рассказывает им свою горькую историю.

Возвращаясь после учебы в Харлсдене, она ловит себя на том, что потерялась в проулках. Наугад делает несколько левых поворотов, чтобы только не останавливаться, оторваться от определенно не представляющего никакой опасности человека в капюшоне, и наконец опять появляется та маленькая церквушка, часы которой

отбивают шесть. Она входит. Полчаса спустя выходит. Она не говорит об этом Мишелю, вообще никому. Она начинает заходить сюда чуть не каждый день. В конце июля Мишель настаивает: они должны двигаться дальше. Ли соглашается. Они в листе ожидания национальной службы здравоохранения. Но каждое утро она запирается в ванной и принимает таблетку. Украденные из ванной Натали коробочки спрятаны в ящике. Она не хочет «двигаться дальше». Потому что, на ее взгляд, это никакое не дальше. Она хочет, чтобы он и она оставались навечно.

Наступает август.

Наступает август.

Карнавал! Девочки с работы, мальчики из салона, старые школьные друзья, родственники Мишеля из Южного Лондона — все идут по улице с миллионом других. Ищут хорошие аудиосистемы, чуть не сплетаются телами друг с другом и с совершенно незнакомыми людьми, едят вяленое мясо и в конце концов падают, обкуренные, на траву в «Минвайл-Гарденс». Обычно. Но не в этом году. В этом году они все же приняли ежегодное приглашение Фрэнка к другу, из комнаты которого «прекрасный вид на карнавальное шествие». Он итальянец. Они появляются рано воскрес-

ным утром, как и приглашали, чтобы приехать, пока не перекроют улицы. Они чувствуют себя глуповато, бродя по пустой квартире людей, которых они не знают. Никаких следов Фрэнка или Нат. Мишель отправляется на кухню помочь. Ли принимает ром и колу и садится в углу на стул. Смотрит в окно, видит, как полиция выстраивается вдоль ограждений. В углу бормочет телевизор. Он говорит уже давно, но Ли замечает это лишь потому, что там называют местную улицу в одном квартале от их дома.

— на Альберт-роуд, в Килбурне, где надежды вчерашнего вечера на мирный карнавальный уик-энд были испорчены сообщениями о поножовщине со смертельным исходом, здесь, на границе карнавального маршрута по Северо-Западному Лондону, когда люди готовились к сегодняшнему празднику…

— Альберт-роуд! — кричит Мишель с кухни. Ли кричит в ответ:

ДА, НО ЭТО НЕ ИМЕЕТ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ К КАРНАВАЛУ — ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ. ЭТО ПРОСТО…

Мишель входит в дверь.

— это типичный бульварный репортаж. Они хотят, чтобы там…

— Ли, ты мне дашь послушать?

Телевизор говорит:

— Молодому человеку, которого местные называют Феликс Купер, было тридцать два года. Он вырос в печально известном районе, созданном в рамках проекта Гарви-Хаус в Холловее, но вместе с семьей переехал в относительно тихий уголок Килбурна в поисках лучшей жизни. Но именно здесь, в Килбурне, у самых дверей его дома, ранним субботним вечером к нему подошли два юнца. Неизвестно, знала ли жертва…

— Его убили! Какое имеет значение, где он вырос?

Теперь я поставлю музыку, говорит итальянец и выключает телевизор. Нам нужно съезжать оттуда, говорит Мишель. Я не хочу никуда съезжать, это мой дом, говорит Ли. Она принимает поцелуй в шею. Давай не будем спорить, говорит Мишель. Ладно? Попробуем хорошо провести время. Я не спорю, говорит Ли. О'кей, но ты наивна.

Когда они в дурном настроении, они разделяются. Ли поднимается на следующий этаж, выходит на террасу. Мишель возвращается на кухню. Теперь дом очень быстро заполняется. Дверной звонок не умолкает. Проще было бы оставить дверь открытой, но хозяева хотят ви-

деть каждого гостя на видеофоне, прежде чем те появятся живьем. Люди текут на вечеринку, как раненые солдаты на осмотр. Там настоящий ад. Я думала, мы не выберемся. Все по очереди выходят на оштукатуренные балконы, танцуют, дуют в свистки, раскрашенные в растафарианские цвета, приветствуя карнавальную толпу далеко внизу. Вскоре Ли напивается. Она начала слишком рано. Она не может найти Мишеля. Она замечает Фрэнка — увидеть его в толпе нетрудно. Они стоят в коридоре. Музыка такая громкая — и в доме, и снаружи, — что обмениваться словами можно лишь отрывочно. Позднее появляется Нат. Она была с детьми на одной из церковных праздничных платформ. Сосиску в тесте?

— Так что за секрет?

— Чего?

— ТВОЕГО СЧАСТЬЯ. ФРАНЧЕСКО.

— Я ТЕБЯ НЕ СЛЫШУ. ТЫ ПЬЯНА?

Они переходят на кухню, где басы их не достают. Она повторяет свой вопрос. У нас нет тайн друг от друга, говорит он. Пунш?

В кухне — битком народу. Ей нужна вода. Она пытается пробиться к крану. Чистая чашка, или стакан, или кружка? В сливном отверстии — окурки и еда. Пока она занималась поиска-

ми, время не стояло на месте. Фрэнк потерялся. Мишель потерялся. Кто все эти люди? Почему они не устают убеждать себя, что прекрасно проводят время? Нет нужды стоять в очередь в туалет, уличная грязь не скапливается между пальцами ног, не нужно платить шесть фунтов за банку «Ред страйп». Смотри! Я тебе сколько лет говорил! Идеальное место. Отсюда все видно. И вдруг — Нат, стоит на балконе одна, смотрит. Она поворачивается. Фрэнк — в дверях. Ли — посредине между ними, незаметная в толпе. Она видит, как муж смотрит на жену, а жена смотрит на мужа. Она не видит ни улыбок, ни кивков, ни волны, ни узнавания, ни обмена словами, вообще ничего. Раздают чаши с весело раскрашенными одноразовыми камерами. Хозяева просят гостей зафиксировать событие. Все по очереди примеряют растафарианский парик с дредами. Ли удивляется самой себе: она прекрасно проводит время.

37

— Как это — их здесь нет? Я завезла камеру два часа назад. Это услуга на час.

— Извините, мадам, на это имя я ничего не могу найти.

— Ханвелл, Ли. Пожалуйста, проверьте еще раз.

Ли барабанит пальцами по аптечному прилавку.

— Вы уверены, что это было сегодня?

— Не понимаю. Вы хотите сказать, что потеряли их? Я приезжала два часа назад. Сегодня. В понедельник. Меня обслуживал мужчина.

— У меня не записано имя, которое вы называете. Я только что пришла, мадам. Вы знаете, кто вас обслуживал? Молодой человек или пожилой джентльмен?

— Я не помню, кто меня обслуживал. Я знаю, что приходила сюда.

— Мадам, на станции есть другая аптека[20], вы уверены, что приходили сюда?

— Да, уверена. Ханвелл, Ли. Можете посмотреть еще раз?

За ней образуется очередь. Они пытаются понять, не чокнутая ли она. Увоз на «Скорой» в психушку — на С-З вещь нередкая. Иногда таких людей, на которых и не подумаешь. Индийская женщина в белом халате за прилавком снова просматривает свою коробку с желтыми

---

[20] notes: 20

В Англии аптеки нередко занимаются проявкой фотопленок.

конвертами.

— Ага, Ханвелл. Конверт лежал не в «Х». Положили не в то место, видите? Извините, мадам.

Она не сумасшедшая. Фотографии. Легко забыть о реальных фотографиях, об их блеске и радости. Но первая абсолютно черная, как и вторая. На третьей — только красная аура, как факел, который держат под простыней.

— Слушайте, это не мои, они мне не нужны…

На четвертой — Шар. Ошибиться невозможно. Шар смеется над всеми, кто делает фотографии, прижимается к двери, держит маленькую бутылочку с чем-то — с водкой? Под щитом с мишенью для дартса. В грязной комнате нет другой мебели. Пятая — Шар, все еще смеющаяся, теперь сидит на полу, вид уничтоженный. Шестая — уродливая рыжеволосая девка, кожа да кости и следы уколов на венах, изо рта торчит хабарик, а если прищуриться…

— Извините, мадам. Дайте мне эти, у нас почему-то все запуталось.

Подходит Мишель, который искал крем для бритья. Он не удивлен. Выводит из себя — этот отвратительный отказ изумляться или удивляться.

С-З — маленькое место.

С двумя аптеками.

Фотографии перепутались.

Вполне разумно, но отнестись к этому разумно она не может. Ее бесит сама возможность того, что он может ей не верить. Та самая девка! Ты мне не веришь? Это безумное совпадение! Ее фотографии в моем конверте! Ты что, не веришь мне? Но с какой стати он должен ей верить, когда она все время врет? Очередь нетерпеливо перетаптывается. Она кричит, и люди смотрят на нее, как на сумасшедшую. Мишель тащит ее к выходу. Над дверью звякает маленький колокольчик, все заканчивается так быстро. Неужели краткость происходящего так все запутывает — эти несколько секунд, за которые она посмотрела и увидела, что там есть? Девица. Ее фотографии. Мой конверт. Вот что случилось. Словно загадка во сне. Нет ответа. Не может она взять назад и то, что так громко провозглашала перед вмести этими достойными местными жителями. Или просить еще раз показать ей фотографии, которые явно ей не принадлежат. Что подумают люди?

Гость

С-З 6

Мужчина был гол, женщина одета. В этом чувствовалось что-то неправильное, но женщина спешила уходить. Он лежал, кривляясь, в постели, удерживал ее запястье. Она попыталась надеть туфлю. Они услышали, как открываются под окном двери грузовичка, ящики с продуктами выгружают на асфальт. Феликс встал и посмотрел на парковку внизу. Увидел, как человек в оранжевой куртке — в его руках один на другом три ящика с яблоками — борется с электрической дверью. Грейс постучала в окно длинным накладным ногтем: «Мальчик, они тебя видят». Феликс потянулся. Он не делал ничего, чтобы прикрыться. «У некоторых людей нет стыда», — заметила Грейс и потянулась через кровать, чтобы поправить фигурки на подоконнике. Место для них было самое неподходящее — мужчина сбил несколько принцесс за ночь, и женщина теперь хотела знать, куда делась Ариэль. Мужчина повернулся к окну. «Феликс, я с тобой говорю: что ты с ней сделал?» — «Я к ней и не прикоснулся. Которая из

них? Оранжевая?» — «Лучше помолчи про оранжевый — она рыжая. Она застряла там, за этой штукой, — там грязища!» Ему представлялась возможность продемонстрировать мужественность. Феликс сунул тощую руку за радиатор и вытащил оттуда бывшую русалку. Он поднес ее к свету, держа за ногу, до которой дотянулся с таким трудом: «Бесстыдство. Оранжевая». Грейс вернула куколку на ее место между шатенкой и блондинкой. «Можешь смеяться и дальше, — сказала она. — Только тебе будет не смешно, когда я выкину тебя на улицу». Верно. Простыни были белыми и чистыми, если не считать мокрого пятна, которое он сам и оставил, а ковер изношен от пылесоса. На единственном стуле с предыдущего вечера была сложена в стопку его одежда. Сверкал розовый телефон на стеклянном столике, и стеклянный столик тоже сверкал. Он знал многих женщин, но ни одна из них не была такой женственной. «Задницу поднял!» Он приподнялся, чтобы она могла вытащить носок. Даже пузырек с духами в ее руке имел какую-то женственную форму, дешевая подделка с рынка. Ему бы хотелось покупать ей вещи, какие ей нравятся! «И будешь проходить мимо Уилсонов на шоссе… Фи, да слушай ты меня. Если будешь

проходить мимо Рики — знаешь, о ком я говорю? Светлокожий маленький парнишка с кудряшками. Спроси его, может ли он прийти и посмотреть раковину. Который час? Черт, я опаздываю». Он смотрел, как она украдкой (словно чтобы он не узнал, что у нее может быть другой запах, кроме запаха роз и сандалового дерева) сбрызнула себе духами ямку на шее и внутреннюю сторону запястья. «Проездной?» Он обхватил руками затылок — мужской эквивалент пожатия плечами. Женщина втянула воздух через зубы и пошла обыскивать крохотную гостиную. В одиночестве трудно было оставаться мужественным. Он проделал все подъемы туловища в сед. Все подъемы туловища в сед! Живот у него оставался впалым, занавеска, вогнутая ветерком через открытое окно. Он поднял с пола вчерашнюю газету. Может быть, главное — предпринимать минимум усилий. Разве она не была наиболее безразлична мужчинам, которых любила сильнее всего? «Фи, ты сегодня работаешь?» — «Не-а, на этой неделе я им понадоблюсь только в пятницу». — «Они должны гарантировать тебе субботы. Больше всего работы по субботам. Это оскорбительно. У тебя образование. Ты получил сертификат. Ты должен пресекать такое неуважительное отношение к

себе». — «Это верно», — сказал Феликс и открыл газету на третьей странице. Женщина подошла вплотную к мужчине и произнесла цепочку слов, перемежая их поцелуями. «Никогда. Невежда. Не. Достигает. Цели». Она с отсутствующим видом нахмурилась, посмотрев на соски белой женщины в его газете; Феликсу (хотя и гораздо лучше, чем Грейс, знакомому с такими сосками) они тоже казались занятными: такие розовые и крохотные, словно кошачьи. «Ты еще даже не сделал эту штуку, да? Фи? Не сделал?» — «Какую штуку?» — «Список. Не сделал, да?» Феликс издал какой-то неопределенный звук, но и правда, он не составил список вещей, которые ему требовались от вселенной, и про себя сомневался, что это может что-нибудь изменить на его работе. Работы не хватало, чтобы оправдать занятость пяти человек пять дней в неделю. Он был самым неопытным, самым последним. «Феликс!» Любимое лицо появилось у дверного косяка. «Ой, только что принесли! Я должна идти — оно на диване. Отнеси своему отцу, ладно?» Он собирался возразить — у него и своих дел хватало, но то были тайные дела, а потому ничего не сказал. «Ну же, Фи. Ему понравится. Не ввязывайся ни в какие неприятности. И слушай, да? Я сегодня

останусь у Анжелины, на карнавал пойду от нее. Так что позвони и дай мне знать, когда появишься». Феликс сделал протестующее лицо. «Не, Феликс, я обещала ей, что мы встретимся. Это традиция. Она сейчас одна, ты же знаешь. Мы с тобой можем пойти на карнавал в любое время. Не будь эгоистом. Можем сходить в понедельник. Не забывай: у нас есть мы — у Анжелины нет никого. Брось, не надо таким быть». Она поцеловала два пальца и показала ими на его сердце. Он ухмыльнулся ей в ответ. «Вот это уже лучше. Держим связь». Как можно скрывать счастье? Он услышал, как щелкнула входная дверь, стук каблучков по четырем пролетам подгнивших досок, преодоленным одним махом.

— Феликс! Феликс Купер. Как дела, братишка?

Огромный парень с идиотской щербатой улыбкой, сросшимися бровями и густыми черными волосами, спадающими на воротник футболки. Феликс сунул тяжелый конверт себе под мышку и отдался трудоемкому, сложному рукопожатию. Он стоял всего в двух футах от собственной входной двери. «Давненько… Не помнишь меня, что ли?» Феликс обнаружил, что ему не нравятся такие тычки, да еще в плечо, слишком сильные, но он слегка улыбнулся и соврал: «Помню, конечно,

братишка. Давненько». Эти слова удовлетворили парня. Он снова ткнул Феликса в плечо. «Рад тебя видеть, старик! Ты куда направляешься?» Феликс потер глаза. «Семейные дела. Повидать моего старика. Нужно поспешить». Парень рассмеялся: «Ллойд! Бывало, заглядывал за «ризлой»[21]. Давно его что-то не видел». Да, старик Ллойд. Да, старик Ллойд был в порядке, по-прежнему жил в старом доме в Колдвелле, да, никуда не уезжал. Да, все еще раста. Все еще владеет киоском в Камдене. Продает всякие безделушки. Все еще занимается своими делами. Феликс рассмеялся, что, по его представлениям, и должен был сделать в этот момент. Они одновременно посмотрели на башни Колдвелла, до которых было рукой подать — меньше пятисот ярдов. «Яблочко от яблони недалеко падает, братишка, точно говорю». Эта поговорочка напомнила ему фамилию: Хан. Из минимаркета Хана в Уиллздене. Вся семья на одно лицо, много братьев, работают в магазине на отца. Этот, видимо, младший. Некогда колдвеллские пацаны жили двумя этажами ниже Куперов. Он не помнил, чтобы они особо с ним дружили. Никто не дружил. Феликс слишком поздно при-

[21] notes: 21

Бренд специальной папиросной бумаги, обычно ассоциируется с самокрутками, содержащими марихуану.

ехал в Колдвелл, чтобы завести хороших друзей. Для этого тут нужно было родиться и вырасти. «Хорошие времена», — сказал парнишка Хан. Феликс из вежливости согласился. «А ты теперь сюда вернулся?» — «Тут моя девушка живет». Он показал подбородком на вывеску супермаркета. «Феликс, старина, ты реально местный. Я помню, ты там работал. Помнишь, я увидел тебя раз на кассе, ты был типа…» — «Да, ну я теперь там уже не работаю». Феликс кинул взгляд над головой парня на пустую баскетбольную площадку на другой стороне улицы, там никто никогда не играл в баскетбол и не собирался играть. «Я теперь в Хэндоне живу, прикинь, — сказал парнишка не без хвастовства, словно ему слишком уж повезло, чтобы признаваться в этом. — Мне там нравится. Женился. Хорошая девчонка, традиционная. Ждем маленького. Иншаллах[22]». — Он выставил палец со сверкающим кольцом, чтобы Феликс оценил. — Жизнь хороша, старик. Хороша». Люди привыкли одерживать маленькие победы. «Ой, Феликс, ты на карнавал пойдешь?» — «Да, но, наверное, только в понедельник. Старею, чувак». — «Может, там свидимся». Феликс лю-

[22] notes: 22
Иншаллах — «если на то есть воля Божья».

безно улыбнулся. И указал своим конвертом на Колдвелл.

ЗВОНКА НЕТ.

Раньше он много раз видел ЗВОНОК СЛОМАН. Видел ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ. Надпись ЗВОНКА НЕТ подразумевала новый уровень деградации. Записка с одной стороны отклеилась, Феликс припечатал ее большим пальцем на место. Некоторое время он стучал без всякого результата: регги звучал так громко, что почтовый ящик дребезжал на петлях. Он подошел к кухонному окну, приложил рот к открытому пространству в четыре дюйма. Ллойд появился в поле зрения — босой, с обнаженной грудью, он лениво жевал тост. Его дреды были собраны в пучок и проткнуты деревянной ложкой, словно палочкой для еды у гейши.

— Ллойд, я стучу-стучу! Впусти меня уже.

Из-за мертвого кактуса на подоконнике Ллойд вытащил ключ на некогда белом шнурке и передал сыну.

— Тут настоящее пекло!

Феликс бросил куртку на пол и стащил с себя кроссовки. Он не забыл, что в узком коридоре нужно как можно дальше держаться от первого из нескольких раскаленных радиаторов, при-

коснувшись к которому можно было обжечься. Ноги утонули в ковре, густой синтетической алой шкуре, не менявшейся двадцать лет.

— Слушай, я на минуту. В двенадцать должен быть в городе. Я тут кое-что принес тебе показать.

Феликс протиснулся в крохотную кухню следом за отцом. Даже здесь царил хаос африканских масок, барабанов и остального наследства. Их количество увеличивалось с каждым его приходом. Огромный горшок на газовой плите булькал чем-то желтым. Феликс наблюдал за Ллойдом, который обернул руку тряпкой и поднял крышку.

— Пришла эта книга — которую Грейс нашла — Он протянул отцу конверт. — Ты должен все эти штуки отнести в свой киоск, старина. Время подходящее. Сможешь продать на карнавале.

Ллойд отмахнулся от сына.

— Нет времени на такие глупости. Это больше не моя музыка. Сплошной шум.

В раковине стояла стопка тарелок, в углу лежала небольшая куча белья, еще не отнесенная в прачечную. Лампочка висела голая, без абажура. В пепельнице чадил окурок.

— Ллойд, старина… Тебе тут нужно прибраться. Что за бардак? Где Сильвия?

— Не здесь.

— Что ты имеешь в виду «не здесь»?

— Женщины здесь нет. Женщина ушла. Она ушла неделю назад, но ты неделю не звонил, поэтому для тебя это новость. Для меня это не новость. Она давно ушла. *Это значит свобода, это значит воля*!

Последние слова были из песни, которая сейчас, по счастливой случайности, и звучала. Ллойд протанцевал пьяный тустеп к Феликсу.

— Она мне задолжала сороковник, — сказал Феликс.

— Ты посмотри. Седина! — Ллойд прижал руки к линии волос и переместил их назад: появилось небольшое гнездо седых волос. Разница в возрасте между ними составляла всего семнадцать лет. — Я поседел из-за этой женщины. За три месяца она сделала из меня старика.

— Она содержала твое жилье в чистоте. До середины дня прятала от тебя косяк. Приносила немного денег, чтобы ты не клянчил у меня. — Феликс посмотрел на свои пальцы.

— Вот оно, Фи, вот оно: как можно остановить людей, когда они хотят уйти? Как их остановить? Тебе их не остановить. Послушай: если ты не можешь остановить взрослую женщину с четырьмя

детьми, то не можешь остановить и глупую девчонку вроде Сильвии, у которой никого нет. У нее *никого нет*. — Это усиление заставило Ллойда на миг растянуть губы, отчего он стал похожим на собаку. — Людям нужно самим выбирать путь, Феликс! Если любишь кого-то — освободи его! Но никогда не встречайся с девицей-испанкой, серьезно, это серьезный совет. Они нерациональны. Правда! У них мозги набекрень, они ненормальные. — Сверху на плечо Феликса упало что-то мокрое. Постоянно включенное центральное отопление, готовка, отсутствие вентиляции — все это вызвало активное образование плесени, которой расцветал потолок. По комнате время от времени пролетали чешуйки, похожие на лепестки. — Слушай, я вполне справлялся без твоей матери. Справлюсь и теперь. Не переживай, чувак — со мной все в порядке. И всегда было.

— А что случилось с абажуром?

— Я проснулся, а она уже все унесла. Богом клянусь, Феликс. Нужно было полицию вызвать. Она теперь уже, наверное, вернулась в свой сраный Мадрид. Дивиди-плеер. Коврик для ванной. Тостер. Он был сломан, но, поверь мне, она его взяла. Она взяла фургон. Как я могу продать что-нибудь без фургона? Вот ты мне ответь.

— Она мне задолжала сорок фунтов, — снова сказал Феликс, хотя смысла в его словах не было никакого.

Ллойд ласково взял лицо сына в ладони. Феликс поднял конверт с книгой.

— Почему твоя прекрасная женщина не может прийти и все сделать? — сказал Ллойд, беря пакет у сына. — Я хочу произвести впечатление на тебя, а не на нее, чувак! В этом-то и весь смысл, да? В этом весь смысл упражнения! Она хочет узнать настоящего выходца из «Гарви-Хауса». Ты здесь родился, а я жил, братишка. Не, я шучу. Дай-ка я сначала поссу. Тут где-то имбирный чай.

В гостиной Феликс неудачно разорвал конверт: на ковер просыпалось облако серого пуха. Над телевизором, наблюдая за его неловкостью, висели его брат и сестренки в маленьких ржавых рамочках в форме сердечек. Девон в возрасте лет шести — на снегу в «Гарви-Хаусе», а близнецы Руби и Тиа, постарше, сидели на разных бетонных ступеньках на лестнице где-то в Колдвелле. С какой бы стороны он ни разрывал, становилось только хуже. Он набрал в грудь побольше воздуха и дунул, чтобы очистить глянцевую черную обложку. Двадцать девять фунтов! За книгу! И когда он получит за нее деньги? Никогда. В твер-

дой обложке, большую, как атлас. ГАРВИ-ХАУС: Фотографический портрет. Феликс наугад открыл страницу, как в русскую рулетку сыграл. Холостой: застенчивая пара, худые новобрачные, вид сельский, с клочковатыми прическами афро и шрамами от угрей, облаченные в чьи-то чужие, великие, не по росту свадебные костюмы. Никаких свадебных гостей. Или никаких гостей на снимке. Они праздновали одни с полупустой бутылкой «Мартини Россо». Он прикусил за губу и чуть подался вперед. Четыре хорошенькие сестренки в косынках замазывают граффити из банки со свежей краской. (Цвет неизвестен. Все черно-белое.) На заднем плане — разбитые стулья и матрас. И парнишка, курящий траву. Феликс услышал верещание унитаза. Ллойд вернулся, пошмыгал носом, подозрительно дерзкий. Достал свежий косяк из глубин пижамного кармана, закурил.

— Ну, давай уже. Посмотрим, что тут у тебя.

> Это фотографический отчет удивительного периода в истории Лондона. «Гарви-Хаус», нечто среднее между невысоким домом и общежитием, встретил уязвимую молодежь с окраин.

— Не читай мне всякое говно, которое я уже и без того знаю. Мне не нужны никакие подсказчики, чтобы рассказывали то, что я уже и так знаю. Кто там был — я или он? — Книга снова раскрылась на странице, которую только что просмотрел Феликс. — Я знал всех этих девиц, чувак. Аниту, Присси, это Вики, королева Вики — так мы ее называли. Эту не знаю — роскошные женщины. Тот маленький ублюдок сзади — Дензел Бейкер. Негодяй. Я знал их всех! Что тут написано — у меня очков нет?

> Май 1977. Молодые женщины, украшенные и разукрашенные. Иногда парни возвращались домой поздно и разносили дом в пух и прах, может, из скуки или в надежде, что брат Реймонд заплатит им за новый ремонт дома.

— Да, почти что так. Брат Реймонд получал финансирование от Айлингтонского совета, и мы немного похулиганили с ними, это правда. Мальчишки разносили все в пух и прах, а девчонки пытались все починить. Ха! — не могу это отрицать. Кроме твоей матери. Она тоже все разносила. Это была такая тепловая волна. Мы просто сняли нашу дверь с петель. Слишком уж

жарко было! Так о чем это я? Наверное, здесь. Вот тебе и Мэрилин! А вот брат Реймонд. Свернул не туда, но вот он.

Феликс присмотрелся. «Гарви-Хаус» высыпал на бетонный задний двор. Детишки босиком, родители сами мало чем отличаются от детей. Афро, хиджабы, ряды косичек, странные жесткие парики, высокий, тощий, просветленного вида раста отдыхает, опершись на большую палку. Он не уверен, есть ли у него воспоминания об этом или эта фотография создает в нем воспоминание. Когда совет переселил Куперов в новый дом, ему было всего восемь.

— Фи, посмотри-ка на нас, модники, а! Посмотри на эту рубашку! Теперь таких не носят. Джинсы висят на твоей дебильной заднице. Мы были модниками! — Феликс не мог не согласиться: выглядели они стильно, хотя без денег, вообще без всяких средств. Нейлоновые шмотки из благотворительного магазина смотрелись красиво. «Кларки» побитые, а выхаживали в них, как в самых-самых итальянских туфлях. На садовой стене буквами в три фута высотой надпись бал-

лончиком ВЛАСТЬ ЧЕРНЫХ[23]. Странно видеть подтвержденное черно-белыми фотографиями то, что он всю свою жизнь считал своекорыстным преувеличением. «Дай-ка я найду тебе какую надо с братом Реймондом. Сколько раз я тебе рассказывал про Реймонда! Он был само благоразумие». Ллойд небрежно листал глянцевый альбом, пропуская десятки страниц. Он предложил Феликсу травки, но Феликс молча отклонил предложение. Девять месяцев, две недели, три дня. — Если бы не брат Реймонд, я бы и по сей день спал на Кингс-Кроссе. Он был хороший человек. Он никогда…

— Постой! — Феликс сунул руку в книгу.

Страница 37. Ллойд растянулся на грязном матрасе и читает «Автобиографию Малькольма Х». Клеши и очочки. Опять без рубашки. Вряд ли совершеннолетний. Непривычные дреды, но ухоженная афро дюйма в четыре.

— Видишь, ты мне никогда не верил: всегда с книгой, я всегда читал. Вот где вы, ребятишки, набираете мозги. Меня звали «Профессор». Все так и звали. Поэтому-то Джеки и начала охоту

[23] notes: 23

Лозунг BLACK POWER — может иметь разные смыслы: «Власть черным» или «Власть черных». Здесь этот лозунг трактуется как «Власть черных».

на меня. Она хотела поселиться здесь. — Ллойд показал пальцем на свой висок и скорчил гримасу, давая понять, что таинства внутри пугали своей интенсивностью даже владельца головы. — Вампирские дела. Она высасывала из меня знания. — Феликс кивнул. Он старался внимательнее вглядываться в фотографию. Спросил имена трех других ребят на снимке — они сидели вокруг карточного стола, курили и играли в «блэк джек». — Двоих посадили за убийство. Вот этого, с маленьким личиком, забыл, как зовут, и этого — Антуан Грин. Тяжелые времена! Вы, молодежь, и не знаете ничего. Люди сегодня… Это идиот Барнс. О чем он говорит? «Борьба!» Это у него квартира с тремя спальнями, да? Года через два будет полная пенсия от почтового ведомства. Мне от этого дурака не нужны никакие уроки. Я знаю, что такое борьба.

Ллойд для вящей убедительности ударил кулаком в стену, и мысли Феликса последовали за реверберацией в соседнюю комнату.

— С Барнси все в порядке, чувак. Он хороший парень, — сказал он, автоматически защищая определенный ряд воспоминаний. Как он играл с дочерями Фила за мусорными бачками, просматривал коллекцию окаменелостей Фила,

выращивал на балконе Фила и кресс-салат на вате. Мальчишкой Феликс думал, что взрослый мир полон таких людей, как Фил Барнс. Что они встречаются в Англии с такой же частотой, как полевые цветы.

— Он дурак, — сказал Ллойд и нашел свои очки между двумя диванными подушками.

Феликс взял перелистывание в свои руки и быстро остановился на брате Реймонде; на сей раз тот был ясно виден — помогал перестраивать переднюю стену.

— Видишь тут Холловей-роуд, да? Там теперь биржа труда — вот там оно и было.

Брат Реймонд оказался маленьким человечком с аккуратной бородкой под Троцкого.

— Ты сказал, он был священником.

— Так и был. — Феликс провел пальцем по фотографии, остановился под надписью.

— «Самоназначенный социальный работник».

— Слушай, брат был священником. По духу священником. — Феликс зевнул, не пытаясь этого скрыть. Надписи вызывали у Ллойда раздражение. — Да, конечно, о'кей, это была Энн. Ну и что? Энн или не Энн — тому уж тридцать лет прошло! Кто не тусовался с Энн? Она была с придурью! Ну и что? Кто сказал, что нельзя много снимать? Мы

же не в зоопарке были! — Феликс опознал изменение настроения после травки. На кухне рядом свистел старомодный чайник на плите. — Фи, поди-ка приготовь нам чаю.

Открыв шкаф, Феликс нашел в углу баночку с медом — она лежала, отчего коробочка с чаем прилипла к полке. Он принялся вытирать мед влажным полотенцем. Ллойд прокричал через тонкую стену:

— Маленький белый чудак — я его помню! Тяв-тяв-тяв — все время нас донимал, понимаешь? Один из тех дураков, которые хотят ввязаться в драку, хотя и драка-то не имеет к ним никакого отношения. Да и сосед такой же дурак — тот же менталитет. Мы старались не соваться в чужие дела. Иногда ему просто везло, что он уходил живым, ты понимаешь? Эти ребята дурака не валяли, совсем не валяли. Но никто и слова не сказал о книге, ни слова о деньгах. Совет захотел бы узнать об этом, понимаешь ты? Если уж ты берешь чей-то образ, да, Феликс? Если ты берешь образ какого-то человека, ты меня понял? Защищено авторским правом! — Ллойд появился в дверях кухни, посмотрел опухшими глазами. — Это в некотором роде его душа. А как ты это собираешься продавать по английским зако-

нам? Никак. В общественном здании от совета? Нет. Сходи в библиотеку, почитай юридические книги. Где мои деньги? Он продает мое изображение по интернетам? *Мое* изображение? Нет. Где мои права по английским законам? Положи мне немного меда.

Через открытую дверь Феликс смотрел на Ллойда, который уселся с книгой на старый, обитый серым бархатом диван, поправил маленькую горку печенья на стеклянном приставном столике рядом, аккуратно выставил соединение под изящным углом, чтобы сыпавшийся на ковер пепел не попал на столик. Он размышлял, не спросить ли отца, когда тот в последний раз видел Девона, но предпочел вместо этого путь самосохранения. «Ллойд, мне пора». — «Ты только что пришел!» — «Я знаю, но мне пора. Дел до хрена». — Феликс стукнул по дверной раме, как он полагал, на бодрый прощальный манер. «Чьи дела? — холодно спросил Ллойд, не поднимая головы. — Твои дела или ее?» Именно этот конкретный тон, вопрошающий и высокий (и неожиданно ямайский), подбирался, свернувшись кольцами, к Феликсу, как змея, поднявшаяся из своей корзинки. Он попытался отделаться смешком (Да ладно, старик, не затевай ты опять этого), но Ллойд занял

определенную позицию. «Я тебя пытаюсь учить, так? Ты ведь не то что не слышишь меня, ты меня не хочешь слышать. Ты теперь большой человек. Дай-ка я тебя спрошу койчево: почему ты все еще гоняешься за женщинами, словно они тебе жизнь могут спасти? Серьезно. Почему? Посмотри на Джасмин. Ты ничему не учишься. Мужчина не может удовлетворить женщину, верно? Сколько бы он ей ни давал. Женщина — черная дыра. Я глубоко погружался в литературу, Феликс. Биологические, социальные, исторические, самые разные оракулы. Женщина — черная дыра. Твоя мать была черная дыра. Джасмин была черная дыра. Эта твоя нынешняя — тоже, и к тому же она хорошенькая, так что она высосет из тебя все-все, ты и понять не успеешь, что уже обсох. Чем они красивее, тем хуже для тебя». Ллойд сделал основательный глоток чая. «Смешно, ей-богу», — слабым голосом сказал Феликс и почти сумел выйти из комнаты.

В коридоре, засовывая ноги в «найки», Феликс услышал, как рука Ллойда с силой ударила по странице. «Феликс, сюда!» Он вернулся и увидел, как отец с яростью перегибает корешок книги, сдавливает до надрыва между страницами, пока разворот не становится совсем плоским. «Вот

прямо здесь, на кромке: в платье в цветочек — я цветы-то помню, фиолетовые были. Сто двадцать процентов. Серьезно! Ты почему мне никогда не веришь? Это Джеки. Когда она была беременна девчонками, носила туфли на плоской подошве, да? Всегда. Никогда не носила без каблуков, если уж только совсем не припирало, так? Слишком тщеславная». Ллойд потянулся к косяку, довольный своей логикой.

Феликс сел на подлокотник дивана и посмотрел на локоть и левую ногу предположительно его матери. Что-то оптимистическое в нем попыталось напрячься, но оно атрофировалось от полного бездействия в прошлом. Он прислонился к стене. Ллойд подвинулся, чтобы поднести книгу поближе к лицу Феликса. Просто парилка, жара невыносимая. Стены потели. Ллойд снова стукнул по странице. «Это. Она. Джеки. Сто двадцать процентов». — «Мне пора», — сказал Феликс, клюнул Ллойда в щеку и бросился прочь.

Воздух на лестнице по сравнению с воздухом в квартире казался прохладным; он отер лицо, сосредоточился, чтобы дышать, как нормальный человек. Когда он открыл дверь, открылась и дверь соседней квартиры. Фил Барнс. Теперь ему сколько — шестьдесят? Барнс пытался поднять

тяжелый цветочный горшок, который стоял за его дверью. Он посмотрел на Феликса, который в ответ улыбнулся, и сдвинул шапку на затылок.

— Привет, Феликс!

— Привет, мистер Барнс.

— На коленях его держал. А теперь он меня называет «мистер Барнс».

— Привет, Барнси.

— Так-то лучше. Господи Иисусе, тяжесть какая! Не стой-ка там, будто ты «мальчик», Феликс. Как никчемный МАЛЬЧИК. Помоги-ка нам, ну? — Феликс поднял горшок. — Вот и молодец.

Феликс уставился на Фила Барнса: тот посмотрел в одну, в другую сторону по коридору, словно секретный агент, потом уронил ключ на пол и затолкал его под коврик.

— Ужасно, правда? Чтобы я волновался о своей собственности, как старуха. Как ПЛУТОКРАТ. Ты и глазом не успеешь моргнуть, как я начну говорить что-нибудь вроде: «Осторожность никогда не повредит!» Можешь меня убить, когда я дойду до этого, договорились? — Он рассмеялся и снял свои маленькие круглые очки, как у Леннона, чтобы протереть их подолом футболки. Испытующе посмотрел на Феликса, став внезапно похожим на крота и уязвимым. — Ты куда, Фе-

ликс, на карнавал?

— Да. Наверное. Завтра. Сегодня ведь суббота, верно?

— Конечно, конечно. Меня мозги подводят. Как твой папаша? Что-то его давненько не видно.

— Ллойд в порядке. Ллойд — это Ллойд.

Феликса тронуло, что Фил Барнс достаточно воспитан, чтобы притворяться перед Феликсом, будто он, Барнс и его друг последние тридцать лет не в ссоре.

— Это красноречие, Феликс! «Слово может нарисовать тысячу картин!» Ведь может, правда? Хотя когда подумаешь, то получается наоборот: картина может нарисовать тысячу слов?

Феликс любезно пожал плечами.

— Не обращай на меня внимания, Феликс! У меня старческая болтливость. Послушаешь таких, как я, расплачешься. Помню, когда я был молодым, я этого не выносил, старики вечно жалуются. Пусть уж молодняк теперь рулит. Верьте в них! Пусть живут как хотят. Я, вообще-то, против истеблишмента, ты меня понимаешь, но я чуток хипповал, ты же знаешь. Да и до сих пор такой на свой манер. Но теперь, — сказал Фил, кладя руку на перила балкона, — они, молодые, вообще не имеют надежды, Феликс, никакой. Мы

растратили все их ресурсы, верно ведь, израсходовали, вот что я тебе скажу. А я тебе, получается, еще лекцию читаю, да? Беги! Беги. Я похож на «Серебряное цунами»! Ты читал? В «Гардиан» на прошлой неделе писали. «Серебряное цунами». Это точно я. Родился между тысяча девятьсот сорок девятыи и тысяча девятьсот незнамо каким. Эгоистичный беби-бумер. Мы исчерпали все ресурсы, понимаешь. Я сказал об этом Эми, а она заметила: «Ну и что мы с этого имеем на хер?!» Я только рассмеялся. Она в политике не очень сечет, Эми, понимаешь, но намерения у нее добрые. Точно добрые, — сказал Фил, и вид у него стал встревоженный, потому что он удалился от разговора ни о чем к самой сути вещей (теперь это случалось все чаще и чаще) и должен попытаться вернуться к вещам, которые не имеют значения. — Сколько тебе сейчас, Феликс?

Феликс ударил кулаком в подставленную ладонь другой руки.

— Тридцать два. Старею. Уже даже не смешно.

— А оно никогда не смешно. Вот почему они все время жалуются, старики. Я уже начинаю им сочувствовать, вот что я тебе скажу, — язвы и болячки. Нажми-ка эту кнопку, а? Сломана. Ну да, давай тогда по лестнице. Эти лифты — одно го-

ре. — Феликс широко распахнул дверь пожарного выхода, придержал ее для Барнси. — С другой стороны, а что им еще делать, детям-то? Вот что меня донимает. Вот о чем нужно говорить.

Они вместе пошли по узкому шлакобетонному лестничному колодцу, Барнси впереди, Феликс сзади. Это казалось путешествием во времени: Барнси остался таким, как был, — не похудел и не располнел, носил ту же одежду, никаких признаков того, что с тех пор прошло двадцать лет. Тонкие светлые волосы начали седеть, приобрели едва различимый серебристый оттенок, отчего казалось, что они просто становятся светлее, и все еще по-молодежному полукругом ниспадали ему на плечи, покатые, медвежьи и мягкие, какими всегда и были. Он по-прежнему носил поверх огромной футболки черный незастегнутый жилет с пацификом на лацкане и тертые джинсы с бахромой. Из задних карманов штанов торчали мягкие тапочки, которые он немедленно надевал, когда его поход заканчивался. В кафе «У Розы» на шоссе он обедал уже в тапочках. Феликсу это представлялось чем-то эксцентричным, пока он на рубеже веков тоже всего пять месяцев не поработал почтальоном и не обнаружил, что это самая изнурительная работа из всех, какими он

занимался.

— Они всегда говорят «парни», верно? — сказал Фил и опять остановился в задумчивой позе, спустившись до половины лестницы. Феликс оперся о перила и ждал, хотя уже много раз слышал этот монолог. — Никогда не говорят так про молодежь из богатого квартала за парком, там у них «молодежь», но наши — они «парни», «рабочий класс», черт знает что, верно? Они приезжают сюда, Феликс — я пытался сказать твоему отцу, но его это не колышет, ты же его знаешь, он обычно больше думает о женщинах, а не о чем-то другом, — полиция приезжает сюда, спрашивает о наших ребятах (не наших в буквальном смысле, наши-то давно разъехались, о местных), ищут, понимаешь, информацию. Чтобы защитить их большие дома за парком от наших ребят! Это позорище, точно тебе говорю. Но тебе этот треп до лампочки, верно, Феликс, тебе и всем вашим? Вам бы только развлечься. Да и почему бы нет? Я говорю, оставьте ребят в покое. Это мое мнение, жена говорит, у меня слишком много мнений, но вот тебе, пожалуйста. Здешнее новое поколение, они просто не хотят знать. У меня сердце кровью обливается. Смотрят свои реалити-шоу, читают бульварные газетки, всю эту хрень бестолко-

вую, заткни пасть и можешь купить себе новый телефон — вот так у нас теперь живут. Они не организованны, они аполитичны. Вот я, бывало, как разговаривал с твоей матерью? Хорошие разговоры были, интересные. У нее, понимаешь, была куча всяких интересных идей. Я, конечно, осознавал, что у нее тяжело на душе, очень тяжело. Но у нее было то, чего не хватает большинству: любопытство. Может быть, она не всегда получала правильные ответы, но ей хотелось задавать вопросы. Я это в людях ценю. Мы называли друг друга «товарищ» — постебайся над своим папашей! Она была интересная женщина, твоя мать, я мог с ней разговаривать — понимаешь, Феликс, очень трудно, если тебя интересуют идеи и всякое такое, идеи и всякая философия из прошлого, — очень трудно найти здесь кого-нибудь, с кем можно поговорить; это трагедия жизни, правда, я говорю, когда задумаешься. А женщинам оно еще труднее, понимаешь? Они чувствуют себя в ловушке. Из-за этого патриархата. Я уверен, каждому время от времени необходимы такие вот разговоры. Да, очень интересная женщина твоя мать, очень тонкая. Таким всегда тяжело.

— Да, — сказал Феликс.

— Ты вроде как сомневаешься. Я, конечно, не

так чтобы очень знал твою мать, я в этом уверен… Твой отец и слова доброго о ней не говорит. Не знаю. Сложно это все, правда? Семьи. Тебе это слишком близко, трудно увидеть. Я проведу аналогию. (Это такая штука, которая похожа на другую штуку.) Видел картинки, которые иногда твой отец продает, — точки-точки, если близко стоишь, то и не понять ничего? Но если я в другом конце комнаты? Другая перспектива. Когда мой старик жил в доме престарелых — дыра, жуткая дыра, — я тебе скажу, некоторые тамошние медсестры говорили мне о нем такие вещи, о которых я и не подозревал. Вот ни сном, ни духом. Они знали его лучше, чем я. В некоторых смыслах. Не во всех. Но. Ты ведь понимаешь, что я хочу сказать? По-настоящему все дело в контексте.

Они уже вышли из дома под безжалостное солнце, огромное и оранжевое в небе.

— А сестры твои — они как? В порядке? Так я до сих пор их и не различаю, точно тебе говорю.

— Эти девчонки, старина. Тиа — тормоз. Руби — дико ленивая.

— Это ты сказал! Это не я сказал! Прошу занести мои слова в протокол! — сказал Фил, хохотнув и подняв руки, как невиновный. — Позволь я тебя поправлю: «тормоз» значит, что она всегда опаз-

дывает, так? Кажется, ты мне говорил об этом в прошлый раз. Видишь — и я не пальцем деланный. Разбираюсь в вашем сленге. А «дико» — значит «сильно» или «очень». Это усилитель в большей или меньшей степени. Стараюсь быть в курсе. Это помогает жить здесь. Слышишь, как ребята болтают, останавливаешься и спрашиваешь. Они на меня смотрят, представляешь, будто я из дурдома. — Он вздохнул.

Потом настало время трудного перехода, всегда трудного на один манер.

— А младший? Девон? Он как поживает?

Феликс кивнул, демонстрируя уважение к вопросу. Фил был единственным человеком, который всегда спрашивал о брате.

— С ним все в порядке, старина. В полном порядке.

Они молча пересекли газон.

— Если бы не эти, я тебе откровенно говорю, Феликс, иногда думаю, уехал бы я отсюда, правда, уехал бы. Куда-нибудь в Борнмут с другими старыми пердунами.

Он постучал по стволу дерева костяшками пальцев и вынудил Феликса остановиться и поднять голову. Большая крона густой листвы, они словно стояли под юбкойколоколом диснеевской

принцессы. Феликс никогда не знал, что говорить о природе. Он ждал.

— Немного зелени — дело очень сильное, Феликс. Очень. Особо в Англии. Даже нам, коренным лондонцам, это необходимо, мы едем в Хит[24], да, мы жаждем ее. Даже наш маленький парк важен. Чуток зелени. «Внемлю, легкокрылая Дриада, / Мелодиям твоим, / Теснящимся средь буковых дерев, / Среди теней полуночного сада…» Ну-ка, что это за стих?! «Ода соловью»! Знаменитая поэма. Китс[25]. Он был лондонец, понимаешь? Но откуда тебе это знать? Кто бы тебя научил? У тебя есть твоя музыка, верно? Твой хип-хоп, твой рэп, какая между ними разница? Никогда толком не понимал. Должен сказать, что вообще не понимаю эти феньки, Феликс, — вся эта сосредоточенность на деньгах мне кажется отсталостью. Может, это символ чего-то другого — не могу сказать. Что ж, по крайней мере, у меня есть стихи. Но мне самому приходилось их учить! Раньше если в одиннадцать лет провалил экзамен, то все — иди гуляй. Вот как было. То, что я знаю, я сам выучил.

---

[24] notes: 24

Хэмпстед-хит — лесопарковая зона на севере Лондона, между деревнями Хэмпстед и Хайгейт в административном районе Камден.

[25] notes: 25

Перевод Е. Витковского.

Сильно меня это разозлило. А теперь все то же, только называется по-другому. Тебе тоже нужно разозлиться на это, Феликс, непременно!

— Меня больше волнует повседневность. — Феликс подтолкнул Фила Барнса в бок. — Ты типичный старый левак, Барнси, настоящий комми.

Снова смех, согнулся от смеха, уперев руки в колени. Когда Фил выпрямился, Феликс увидел в его глазах крупные слезы.

— Да, левак! Ты, наверное, думаешь, что за пургу он несет всю дорогу? Пропаганда! О чем это он? — Его лицо вдруг опало, выразило сентиментальность. — Но я, понимаешь, Феликс, верю в людей, верю в них. Не то чтобы это принесло мне много добра, но я верю. Правда.

— Да, Барнси. Отнеси это на мост[26], — сказал Феликс и хлопнул старого друга по спине.

Они прошли вверх по холму к улице.

— Я иду на склад, Феликс. Вечерняя смена. Сортировка. А ты куда? Пойдешь по шоссе?

— Не. Опаздываю, иду в город. Лучше всего на

---

[26] notes: 26

Термин «мост» имеет в музыке несколько значений, в данном случае речь, вероятно, идет о контрастном отрывке музыкального произведения, соединяющем два подобных раздела, как мост соединяет над водой две берега реки.

метро. Но сначала на автобусе.

Автобус остановился прямо перед ним, открыл двери. Из двери для входа задом наперед стала выбираться миссис Мулхерн, еще одна жительница Колдвелла, с пластиковым пакетом из магазина в руках. Вокруг хрупких щиколоток скрутились колготки; и Барнс бросился вперед, чтобы помочь. Феликс решил, что и ему стоит помочь. Она была легкая, как пушинка. Женщины стареют по-разному. Когда ему было двенадцать, Милхерн казалась староватой для романа с его папой, теперь она походила больше на мать его отца. Утреннее зрелище пары сильных розовых ног, обернутых в драное ванное полотенце, которые спешат в единственный сортир. И не только. «Ты такой храбрый, можешь ухаживать за четырьмя малолетками. Она для тебя недостаточно хороша, дорогой. Ты заслуживаешь лучшего. Все тебе так сочувствуют». Дамы Колдвелла выражают свое сочувствие. На автобусной остановке, в комнате ожидания у доктора, в «Вулворте». Словно песенный хит, который преследует тебя из магазина в магазин. «Все для них, мелких, делает. Умереть за них готова. Словами всего и не передашь». Одна из них, миссис Стил, работала в столовой. Стоило ей увидеть его — румянец на лице… и чуть

бóльшая порция картошки. Забавно, какие вещи вспоминаются впоследствии, когда начинаешь понимать.

«Грейс, а фамилия как?» — «Грейс, и больше ничего. Точка». — «У вас нет фамилии?» — «Не для вас». На этой самой автобусной остановке. Взгляд остановился на щиколотках ее темно-синих джинсов, снова и снова поправляет отвороты, чтобы они правильно сидели на высоких черных сапогах. На лбу зацементирована кудряшка. Он думал, что никогда не видел ничего прекраснее. «Да не будь ты такой. Слушай, ты знаешь, что означает «Феликс»? Счастливый. Я приношу счастье, ясно? Но могу я тебя попросить кое о чем? Ничего, если я здесь посижу? Грейс? Можно с тобой поговорить? Мы оба одного автобуса ждем? Вполне возможно. Ты не против, если я тут сяду?» Она наконец, посмотрела на него своими накрашенными глазами, светло-карими, словно не от мира сего. Вид у нее был сверхъестественный. И он сразу понял: это мое счастье. Я всю жизнь ждал на этой автобусной остановке, и наконец мое счастье нашло меня. Она заговорила! «Феликс — так тебя зовут? Ты мне не мешаешь, Феликс. Чтобы мне мешать, ты должен быть для меня важным. Понимаешь? Так-то вот». Ее автобус

появляется из-за гребня холма. Тогда. Теперь. «Нет, постой, не надо так со мной, послушай: я не пытаюсь флиртовать. Просто ты на меня произвела такое впечатление. Я только хочу с тобой познакомиться. У тебя такое лицо… очень напряженное». Взметнулась вверх бровка кинозвезды. «Да? А у тебя лицо человека, который заигрывает с девушками на автобусных остановках».

Пятилетний невинный младенец на остановке. Четырнадцатилетний и пьяный. Двадцатишестилетний и под кайфом. Двадцать девять и в полном невменозе, очумевший от кокса и кетамина: «Здесь нельзя спать, сынок. Ты либо убирайся отсюда, либо мы заберем тебя в участок, проспишься там». Когда столько лет живешь в одном месте, воспоминания накладываются одно на другое. «Спасибо, что проводил меня, Феликс, дружище. Рад тебя видеть. Заходи в любое время. Привет от меня Ллойду. Я внизу, я всегда тебе рад». Феликс запрыгнул в автобус. Помахал Филу Барнсу, который в ответ показал два больших пальца. Помахал миссис Мулхерн, а автобус пополз вверх и обогнал ее. Он прижал ладонь к стеклу. Грейс в семьдесят. Татуировка — фея Динь-Динь у основания спины, сморщенная или растолстевшая. Но разве может Грейс быть семь-

десят? Ты посмотри на нее. («И запомни, Фи: я и оказалась-то здесь случайно. Должна была быть у тетки в Уэмбли. Помнишь? Я в тот день должна была приглядывать за детьми, но тетка сломала ногу и осталась дома. И тогда я такая: почему бы мне не слетать на автобусе в город за покупками? Феликс, даже не пытайся меня убеждать, что это был не перст судьбы. Мне плевать, что там люди говорят, абсолютно все происходит по своей причине. Не пытайся меня убеждать, что вселенная не хотела, чтобы я в ту минуту там появилась!»)

Осторожнее, смотри, куда ноги ставишь. Феликс вошел во второй вагон с конца и встал напротив карты метро, словно турист, который решил потратить минутку, чтобы убедить себя в подробностях, которых коренному лондонцу нет нужды проверять: от Килбурна на Бейкер-стрит (по Юбилейной линии); от Бейкер-стрит до Оксфорд-Сиркус (по линии Бейкерлу). Другие люди доверяют себе. Разновидность того же инстинкта заставляла его засунуть руку глубоко в карман и сжимать клочок бумаги с написанным на нем именем. Их стал обгонять другой поезд, и Феликс уселся на место, к которому направлялся. Мгновение спустя два поезда, казалось, идут вместе. Он посмотрел на того, кто сидел против

него в другом поезде. Маленькая женщина, он бы сказал, еврейка, хотя почему он так решил, не мог бы объяснить: брюнетка, хорошенькая, улыбается сама себе, в голубом платье, какие носили в семидесятые — большой воротник, с узором из крохотных белых птичек. Она, хмурясь, разглядывала его футболку. Пыталась прочесть. Пускай себе: он улыбнулся! Широкой улыбкой, которая подчеркивала его ямочки и обнажала три золотых зуба. Маленькое темное личико девушки вытянулось, словно сетчатая сумка. Ускорился ее поезд, потом его.

(3I)[27]

— Ты Феликс? Привет! Отлично! Ты Феликс!

Он стоял у магазина «Топ Шоп». Высокий, тощий белый парень с длинной каштановой челкой, падающей на лицо. Джинсы-скинни, квадратные черные очки. Ему, казалось, требуется минутка, чтобы привести в порядок мысли, что Феликс и позволил сделать — вытащил табак и принялся скручивать сигарету, а парень вдруг сказал: «Том Мерсер зовут — это за углом,

---

[27] notes: 27

Почтовый код (*англ.* WI) района в части города, имеющей обозначение 3 (W) — запад.

несколько улиц пройти надо», после чего рассмеялся, чтобы скрыть собственное удивление. Феликс не знал, почему его голос по телефону так часто вводил людей в заблуждение.

— Ну так как? Я спрашиваю, можешь это делать на ходу?

— Одной рукой и на бегу, братишка.

— Ха! Отлично. Сюда.

Но парень, казалось, не знал, как продраться через толпу на углу между Оксфорд-стрит и Риджент-стрит. После нескольких фальстартов он продвинулся лишь на полфута, да и то в обратном направлении. Феликс лизнул самокрутку и стал наблюдать, как парень признает свое поражение — перед перуанцем с двенадцатифутовым баннером НЕ УПУСТИТЕ: РАСПРОДАЖА КОВРОВ 100 ЯРДОВ. Не из Лондона, не оригинальные, подумал Феликс, который один раз побывал в Уилтшире и был ошеломлен. Наконец Феликс сделал шаг вперед и взял бразды правления в свои руки: протиснулся через толпу индийских девушек с роскошными черными «хвостиками» и маленькими золотыми значками сети магазинов «Селфридж» на лацканах. Они шли против естественного потока, белый парень и Феликс, и, чтобы перейти на другую сторону, им пона-

добилось пять минут. Феликс поставил диагноз: похмелье. Потрескавшиеся губы и круги под глазами. Болезненная реакция на свет.

Феликс предпринял попытку:

— Она у тебя давно или?..

Вид у парня стал испуганный. Он поднес руку к челке.

— Она у меня что?.. А, понял. Нет. Я что хочу сказать: мне ее подарили несколько лет назад, на двадцать первый день рождения — отец подарил, — он ею пользовался некоторое время. Не очень практичный подарок. Но ты-то, конечно, специалист, у тебя таких трудностей не возникнет.

— Механик.

— Верно. Мой отец знает твою мастерскую. У него эти марки тридцать лет… больше… он знает все специальные мастерские. Килбурн, да?

— Ну.

— Это в сторону Ноттинг-Хилла, да?

— Не, вообще-то нет.

— Давай-ка сюда, Феликс. Мы здесь свернем направо. Подальше от этого хаоса.

Они свернули на мощеную улочку. Еще пятьдесят ярдов — и Оксфорд-стрит. Там было не протолкнуться, толпа, как на карнавале. И почти

такая же громкая. А здесь — тишина, народу никого. Массивные черные двери, латунные ручки, латунные почтовые ящики, фонарные столбы прямо из сказки. Старые картины в вычурных золотых рамах покоятся на пюпитрах, повернуты к улице. ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ. Женские шляпки, каждая на своей подставке, с перьями, готовы улететь. НУЖНА ПОМОЩЬ — НАЖМИТЕ НА ЗВОНОК. Один магазин за другим, а в них ни души. В конце маленького ряда за сверкающим окном со средником Феликс увидел клиента: человек сидел на кожаном пуфе, примерял зеленый пиджак из клееночной ткани с клетчатой подкладкой. От середины вверх стекло было прозрачным, и за ним виднелось большое розовое лицо с клочками седых волос повсюду, главным образом в ушах. Феликс знал этот типаж, часто встречал, особенно в этой части города. Их тут целое племя обитало. Ни с кем другим они не смешивались, держались себе подобных. ЛОШАДЬ И ЗАЯЦ.

— Хороший паб, — сказал Феликс, чтобы что-то сказать.

— Мой отец всем его советует. Когда он в Лондоне — здесь его второй дом.

— Да ну? Я тут работал неподалеку, раньше работал. В кино.

— Правда? А что за компания?

— Ну, такая, высший класс. На Уардор-стрит типа, — добавил Феликс и тут же пожалел о сказанном.

— У меня родственник, он вице-президент в «Сони», может, встречал? Даниель Палмер. На Сохо-сквер?

— Да нет… Вообще-то я там курьером работал. Туда-сюда. В разные места.

— Понял тебя, — сказал Том, и на его лице появилось удовлетворенное выражение. Маленькая загадка была решена. — Меня очень интересует кино — я этим занимался немного, ну, ты понимаешь, как действует повествование, как можно рассказать историю через изображения…

Феликс накинул капюшон на голову.

— То есть ты в этом деле, да?

— Ну, не совсем, я хочу сказать, не сейчас. Я говорю, конечно, мог бы там быть, но уж больно неустойчивый бизнес — кино. Я когда учился в колледже, был настоящий киношник, типа фанат. Нет, я типа в творческой сфере. Типа в творческой сфере, связанной с медиа. Трудно объяснить: я работаю в компании, которая генерирует идеи для консолидации брендов. Чтобы бренды могли лучше таргетировать восприим-

чивость их продуктов — передовая технология манипуляции брендами главным образом.

Феликс остановился, вынуждая парня замолчать. Рассеянно посмотрел на незакуренную самокрутку.

— Типа рекламы?

— По существу — да, — раздраженно, а потом, когда Феликс не двинулся следом: — Тебе прикурить?

— Не. У меня зажигалка где-то есть. Типа рекламных кампаний?

— Нет, по большому счету, нет, потому что… это трудно объяснить… По существу, мы больше не рассматриваем кампании как способ продвижения. Речь идет в большей степени об интеграции брендов категории люкс в повседневное сознание.

— Реклама, — подвел итог Феликс, вытащил зажигалку из кармана и придал лицу невинное выражение.

— Следующий поворот направо, если ты…

— Иду за тобой, братишка.

Они прошли по величественной площади, свернули на второстепенную улицу, хотя и здесь дома стояли величественные: с белыми фасадами, многоэтажные. Откуда-то донеслись звуки

церковного колокола. Феликс скинул капюшон с головы.

— Ну вот и пришли — вот она. Я говорю, это тебе не такая вещь, чтобы… извини, Феликс, на минуточку. Должен ответить.

Парень приложил к уху телефон, сел на выложенные плитками черно-белые ступени ближайшего дома ровно посредине, между двумя апельсиновыми деревьями в кадках. Феликс описал полукруг и оказался на дороге. Присел на корточки. Она ему улыбалась, но они все улыбаются, не важно, в каком состоянии. Фары, похожие на лягушачьи глаза, маньячная ухмылка решетки радиатора. Он прикоснулся к тому месту, где должен находиться фирменный знак. В год выпуска он представлял собой серебряный восьмиугольник с двумя танцующими буквами спинами друг к другу. Не из пластика. Из металла. Нужно будет сделать как полагается. Он выпрямился. Просунул руку через гигантскую прорезь в мягком верхе, потер ткань пальцами: тонкий выцветший полиэстер. Пластиковое окно отсутствует. Ржавчина — за милю видать. Он понимал, в каком она жутком состоянии. Хуже всего левое заднее крыло — вообще целый континент, — но и капот весь изъеден, а значит, скорее всего

насквозь. И все же: правильный красный цвет. Оригинальный. Хорошие арки передних колес, квадратные, как и полагается, сзади и идеальный резиновый бампер — все говорило о том, что машина хотя бы подлинная, как и было заявлено. «M DGET». Особых трудозатрат не потребуется, как и все наружное — косметика. Вот под капотом — там да, там самые важные новости. Забавно, но чем хуже новости, тем лучше для него. Барри в мастерской: «Если она на ходу, сынок, то тебе не по карману». Он поставит ее на ход. Может, не в этом месяце и не в следующем, попозже. Он чуть нетерпеливо потрогал дверную ручку. Ему хотелось пролезть через отсутствующее окно, заделанное картоном и клейкой лентой.

— Дело не в том, чьи чувства сильнее, — сказал парень. Он катал ногой по ступеньке туда-сюда камешек. Феликс прижался к машине. — Соф. Соф, слушай, я сейчас не могу говорить. Конечно, нет! У меня отрубился. Нет, не сейчас. Пожалуйста, успокойся. Соф, я занят важным делом. Соф? — Парень отнял телефон от уха и несколько секунд недоуменно смотрел на него. Потом сунул в карман.

Феликс свистнул:

— Тысяча проблем, братишка. Я тебя понял.

— Извини, ты о чем?

— Машинка. У нее проблемы.

— М-м-м, да, — сказал Том Мерсер. Он сделал неопределенное движение, имевшее целью объять весь автомобиль. — С ней определенно придется поработать. Не та вещь, чтобы сесть и уехать. Ну так и цена соответствует. Иначе бы речь шла о многих тысячах. Поработать явно придется. Давай я ее открою и покажу тебе все.

Феликс смотрел, как Том борется с ключом.

— Я могу открыть, если… — начал было Феликс.

Но тут дверь открылась.

— Подход нужно знать. Я ж тебе говорю — поработать придется. Но задача выполнимая. — Сцепление, — сказал Том. — Коробка передач и рулевое колесо.

Он повел рукой в сторону названных объектов, а потом, когда они скорбно осмотрели заплесневелый свернувшийся коврик, ржавый пол, паклю и провода, торчавшие из-под обивки кресел, дыру, где должен был стоять радиоприемник, он пробормотал год изготовления.

— Я в этот год родился, — сказал Феликс.

— Значит, это судьба.

Потом парень зачитал ряд фактов по бумажке,

которую извлек из кармана.

— «MG Midget», двигатель «Триумф 14», объемом тысячу пятьсот кубов, показания счетчика — сто тысяч миль, ручная коробка, бензин, двухдверный родстер, трансмиссия требует…

Феликс не мог воспротивиться:

— Две двери, говоришь? Так, понял.

Том умоляюще зарделся.

— Это опись отца. Я сам не очень автомобильный чел.

Феликс подошел и дружески похлопал его по высокому костлявому плечу.

— Да я просто дурака валяю. Под капот можем заглянуть?

Капот со скрипом открылся. Под ним оказались одни только дурные новости, на которые он и надеялся. Аккумулятор протек, головка блока цилиндров треснула, в трещине виднелись поршни.

— Восстанавливаемо? — спросил Том. Феликс смотрел на него озадаченно. Том попытался еще раз: — Так что, спасти ее можно?

— Черт знает. О какой сумме идет речь?

Том снова заглянул в свою бумажку.

— Мне назвали порядка тысячи.

Феликс театрально рассмеялся и протянул руку

к двигателю. Поскреб ногтем по ржавчине.

— Если откровенно, Том, мне каждый день такие показывают и в состоянии получше, чем твоя, гораздо лучше — за шесть сотен. За эту и шесть сотен никто не даст. Эту ты не сможешь продать никому, кроме механика, точно тебе говорю.

Теперь солнце прямыми лучами коснулось машины, и капот засветился. Лучащаяся развалина! Том посмотрел на небо, прищурился.

— Значит, хорошо, что ты механик, так?

В том, как он это сказал, послышалось что-то забавное. Оба они рассмеялись: Феликс — от всей души, захлебываясь, Том — в руку, как ребенок. Телефон в его кармане зазвонил.

— Господи Иисусе, слушай, мне-то вообще до лампочки, но я тебе говорю: папаша с меня с живого не слезет, если я принесу меньше семи сотен. Лично я предпочел бы сейчас валяться в кровати. Извини, на секундочку: Соф, я тебе перезвоню через минуту…

Но он продолжал держать телефон у уха, и Феликс слышал больше, чем ему хотелось, а Том гримасами выражал извинения. С конца улицы донесся счастливый рев, который издала компания за одним из уличных столиков паба. Том вопросительно вскинул брови и жестом изобра-

зил: «Выпьем по пинте?»

— Ты что будешь?

— Имбирное пиво. Спасибо.

— Имбирное и?

— И все.

— Слушай, для меня это опохмел — так что, уж будь другом, присоединяйся.

— Не, мне хватит. Только имбирное.

— Мой отец говорит, что в такой ситуации у уважающего себя англичанина есть выбор из двух ответов: «Я принимаю антибиотики» или «Я алкоголик».

— Я алкоголик.

Феликс поднял глаза от планок деревянного стола. Том отер пот со лба, открыл было рот, но ничего не сказал. Феликс в этот момент порадовался, что его кожа не передает стыд так быстро и с такой очевидностью. Телефон Тома зазвонил снова.

Феликс поднялся со скамьи.

— Не дергайся, приятель, говори. Я отойду. Пинту, да?

Снаружи стояло превосходное утро позднего лета, внутри было десять вечера октябрьского вторника. Черный потолок в шестигранниках,

светопоглощающий темно-зеленый ковер. Старинная тяжелая мебель из дерева, которое идет на изготовление гробов. У музыкальной шкатулки в углу сидел старик в потертой спецовке; у него была белая, тонкая кожа, желтые волосы и ногти, он скручивал сигарету и сам походил на сигарету. У стойки бара на табурете восседала женщина: она считала и пересчитывала четыре стопки двадцатипенсовиков. Она оставила свое занятие и откровенно посмотрела на Феликса, который улыбнулся ей в ответ. «О'кей», — сказал он и повернулся к барменше. Женщина неожиданно ударила по стопкам монет ребром ладони. Рефлексы у Феликса сработали мгновенно: он успел схватить одну стопку, которая иначе вылетела бы из бара. Краем глаза он увидел Тома, шедшего в туалет. Барменша одними губами произнесла «извините» и покрутила пальцем у виска.

— Нет проблем, — сказал Феликс.

Он взял по холодному стакану в каждую руку, позволил барменше сунуть ему в рот пакетик солено-кислых чипсов.

— Тебе сколько лет, Феликс?

— Тридцать два.

— Но почему ты выглядишь моложе меня?

Феликс разорвал пакетик с чипсами по шву,

высыпал содержимое на стол.

— Правда? А тебе сколько?

— Двадцать пять. У меня уже волосы начали к херам выпадать.

Феликс присосался к соломинке и улыбнулся, не выпуская ее изо рта.

— Мой старик такой же. Гены.

— Ха, гены. Этим теперь все объясняют. — Том загородил глаза ладонью от беспокоившего его солнца. Феликс вперился в него внимательным взглядом — он умел находить глаза собеседника, как бы тот ни пытался избежать этого, — а Том не привык к тому, чтобы смотреть в глаза даже ближайшим друзьям, не говоря уже о незнакомом человеке, которому надеялся втюхать машину. Он достал солнцезащитные очки, надел. — И как ты, позволь мне спросить, после работы в кино стал механиком?

— Я много чем занимался, Том, — весело ответил Феликс и сжал пальцы для счета. — Когда я был помоложе, начал с того, что кухарил — я ведь получил профессиональное образование по кейтерингу, — и продвинулся довольно далеко. Одно время работал шефом в маленьком тайском ресторанчике в Камдене, нормальное местечко. Потом бросил это, занимался немного

рисованием и декорированием, немного безопасностью, ну, знаешь, в клубах, немного ретейлом, водил грузовичок — доставлял чипсы, которые ты сейчас ешь, в магазинчик у M25[28], работал в Королевской почте, — сказал Феликс с таким необычным акцентом, что трудно было понять, кого он пародирует. — Потом делал вот такие штуки. — Он показал себе на грудь. — Потом мне повезло, устроился в одно место — Кот-тес-лоу? — проговорил Феликс по слогам с идеальным английским произношением. — Это театр, — сказал он, переходя с идеального произношения на лондонское. — Тут рядом. Целый год был капельдинером, ну там билеты и все такое. Потом был рабочим сцены, ставил декорации, где нужно, и прочее, вот оттуда я и попал в кино. Круто, здорово повезло. Мне всегда везло. А потом, по правде говоря, Том, подсел я на наркоту, и вот последние несколько лет выкарабкиваюсь со дна. Так вот.

Том ждал, когда Феликс скажет, как он стал механиком, но не дождался. Как человек, в которого бросили кучу предметов странной формы, он вцепился в первый долетевший до него.

— Так ты делал футболки?

---

[28] notes: 28
Название кольцевой дороги вокруг Лондона.

Феликс нахмурился. Обычно людей интересовало другое. Он встал, натянул на себе футболку, и, когда складки исчезли, выцветшее послание наконец стало читаемым.

— Прошу прощения, я не понимаю — это польский язык?

— Вот именно! Тут написано: «Я люблю польских девушек».

— О как. Ты поляк? — с сомнением спросил Том.

Феликсу такой вопрос показался очень смешным. Он откинулся на спинку стула и несколько раз повторил вопрос, ударяя ладонями по столешнице и хохоча. Том тем временем делал осторожные глотки пены с верхушки, как птица, пикировавшая на лужу.

— Не, Том, не, я не поляк. Родился и вырос в Лондоне. Эти футболки я давно делал. Коммерческое предприятие. Пять лет назад — можешь себе представить? Нет, семь уже. Ух, как время летит! Вообще-то, это мне мой старик подсказал, а я, так сказать, обеспечивал финансовую сторону, — стесняясь, сказал Феликс, потому что говорить о взносе в тысячу фунтов как о финансовой стороне было слишком смело. — Каждая — на своем языке. «Я люблю испанских девушек» — на

испанском, «я люблю немецких девушек» — на немецком, «я люблю итальянских девушек» — на итальянском, «я люблю бразильских девушек» — на бразильском…

— На португальском, — сказал Том, но список продолжился.

— «Я люблю норвежских девушек» — на норвежском, «я люблю шведских девушек» — на шведском, «я люблю уэльских девушек» — на уэльском. Это скорее было уже шуткой, ты меня понимаешь. Да, это грубовато, но ты знаешь, о чем я. «Я люблю русских девушек» — на русском, «я люблю китайских девушек» — на китайском. Но есть два типа китайского, этого почти никто не знает, но мой дружок Алан мне объяснил. И нужно было на двух делать. «Я люблю индийских девушек» — на хинди, и у нас было много разных на арабском, и «я люблю африканских девушек» на йоруба или как там у них. Переводы взял из Интернета.

— Да, — сказал Том.

— В общем, сделал три тысячи футболок и отправился на Ивису продавать, вот как. Прикинь, ты идешь по Ивисе в футболке, на которой написано: «Я люблю итальянских девушек» на итальянском! С руками и ногами оторвут!

Повторяя эту идею с энтузиазмом Ллойда — так, как Ллойд впервые подал ее ему, — Феликс почти забыл, что ничего с руками и ногами не отрывали и он потерял свою тысячу вместе с работой в тайском ресторане, которую оставил по настоянию Ллойда, чтобы лететь на Ивису. Две с половиной тысячи футболок все еще лежали на хранении в коробках под замком у родственника Ллойда Клайва под железнодорожными арками вокзала Кингс-Кросс.

— А ты, Том?

— А что я?

Феликс усмехнулся:

— Ладно уж, не скромничай. Я же вижу, с кем имею дело. У каждого есть свои предпочтения. Дай-ка угадаю: тебе наверняка нравятся бразильянки!

Том, несколько озадаченный золотым блеском во рту Феликса, сказал:

— Я бы сказал, француженки, — ответил он, погружаясь в размышления, какой ответ был бы правдивым, но так и не решил для себя.

— Французские девушки. Порядок. Я добавлю одну из них к сделке. У меня еще осталось немного.

— Разве это не моя сделка?

Феликс протянул руку над столом и похлопал Тома по плечу.

— Конечно, твоя, Том, конечно, твоя.

Фраза «подсел я на наркоту» все еще висела в воздухе. Том решил оставить ее как есть.

— Ты женат, Феликс?

— Нет еще. Собираюсь. А тебе это твоя жена звонит?

— Господи, спаси, нет. Мы встречаемся всего девять месяцев. Мне всего двадцать пять.

— У меня в твои годы уже было двое мальцов, — сказал Феликс, достал телефон и повернул экран к Тому. — Вот они в лучшей воскресной одежде. Феликс-младший, он теперь и сам мужчина, ему почти четырнадцать. И Уитни, ей девять.

— Красавцы, — сказал Том, хотя ничего не видел. — Ты, наверное, ими гордишься.

— По правде говоря, я их почти не вижу. Они живут с матерью. А мы с ней разбежались. Откровенно говоря, никак у нас ней не получались отношения. Она, знаешь, одна из таких… оппозиционных женщин.

Том рассмеялся, но тут же увидел, что Феликс не имел в виду ничего смешного.

— Извини… я просто… Ну, хорошая фраза. Я думаю, это то, с чем я сейчас имею дело. С оппо-

зиционной женщиной.

— Слушай, если я говорю Джасмин, что небо голубое, она тут же говорит — зеленое. Ты меня понимаешь? — сказал Феликс, отковыривая этикетку с бутылки имбирного пива. — Куча психических проблем. Выросла на попечении у государства. Моя мать тоже без семьи росла — такие же проблемы. Что-то ломает в тебе. Правда, ломает. Я познакомился с Джасмин, когда ей было шестнадцать, и она всегда такой была. Депрессии, из дома несколько дней не выходит, не убирает, дома свинарник и вообще. В общем, досталось ей. Как бы то ни было.

— Да, это, наверное, нелегко, — тихо сказал Том и сделал еще один большой глоток.

После этого они некоторое время посидели молча, смотря на улицу, словно случайно оказались за одним столиком.

— Феликс, можно у тебя попросить одну из этих твоих штуковин? Сам не умею скручивать.

Феликс закурил свою, молча кивнул, начал сворачивать еще одну. У него в кармане завибрировал телефон. Он прочел сообщение, сунул телефон под нос Тому.

— Слушай, Том, ты же рекламщик — что ты об этом думаешь?

Том, страдавший дальнозоркостью, отодвинулся от экрана, чтобы прочесть.

— «По нашим данным, вы до сих пор не востребовали компенсацию в связи со случившимся с вами происшествием. Возможно, вам причитается выплата в размере 3650 фунтов. Для востребования названной суммы ответьте бесплатным эсэмэс с текстом ВОСТРЕБОВАТЬ. В случае отказа пришлите текст СТОП».

— Разводка, да?

— Да, я тоже так считаю.

— Потому что откуда они могут знать, что со мной что-то случилось? Это гнусно. Представляешь: ты старик или болеешь и вдруг получаешь такое.

— Да, — сказал Том, хотя и не следил за мыслью Феликса. — Я думаю, у них есть эти… базы данных.

— Базы данных, — сказал Феликс и в отчаянии покачал головой. — Ты отвечаешь, и с твоего счета исчезает пять фунтов. Но так сегодня люди живут. Каждый думает только о себе. Моя девушка дала мне книгу «Десять секретов успешного руководителя». Ты читал?

— Нет.

— Стоит прочесть. Она мне типа: «Фи, знаешь,

кто читает эту книгу? Билл Гейтс. Мафия. Королевская семья. Банкиры. Тупак ее читал. Евреи читают эту книгу. Займись самообразованием — прочти». Она у меня умная. Я не ахти какой читатель, но эта книга открыла мне глаза. Держи.

Том взял сигарету, закурил, вдохнул с глубоким облегчением человека, который окончательно бросил курить несколько часов назад.

— Слушай… Феликс, вопрос такой, не очень чтобы очень, — сказал он, кивая на лежавшую между ними пачку «Янтарного листа»[29], — но у тебя нет чего покрепче? Не на продажу, а всего щепоть. Мне чтобы напряжение снять.

Феликс вздохнул, откинулся на спинку скамьи и начал бормотать:

— Господи, дай мне терпение вынести то, что я не могу изменить, мужество изменить то, что мне по силам изменить, и мудрость, чтобы отличать одно от другого.

— Да ты чего? — сказал Том. Он наклонился вправо, потом как-то перенаправил свое тело и наклонился влево. — Я не имел в виду…

— Ты прав. Моя девушка считает, что у меня на лбу невидимая татуировка: ПОЖАЛУЙСТА,

---

[29] notes: 29
Название бренда курительного табака.

ПОПРОСИ У МЕНЯ ТРАВКИ. Видать, такое уж у меня лицо.

Том поднес ко рту стакан и допил пиво до конца. Что это значило — есть у него травка или нет? Он посмотрел на искривленное дном его стакана лицо Феликса.

— Что ж, кажется, она толковая, — сказал наконец Том.

Феликс передал ему уже скрученную сигарету.

— Что?

— Девушка, про которую ты говорил, твоя девушка.

Феликс улыбнулся, растянув губы чуть не до ушей.

— А, Грейс. Да. Она. По правде говоря, никогда за всю жизнь не был счастливее, Том. Она изменила мою жизнь. Я все время ей повторяю: ты — спасительница. Так оно и есть.

Том взял в руку свой зазвонивший телефон и посмотрел на него ненавидящим взглядом.

— А я, похоже, связался с губительницей.

— Никто не в силах разрушить твою жизнь, Том. Только ты сам можешь сделать это.

Феликс говорил искренне, но увидел, что его слова вызвали на лице Тома подобие ухмылки, что, в свою очередь, заставило Феликса привести

более сильные аргументы:

— Слушай, эта девушка полностью изменила мой взгляд на мир. Глобально изменила. Она видит мой потенциал. И в конечном счете ты должен быть самым лучшим собственным «я», каким только можешь. А остальное уже придет само по себе. Я это проходил, Том, понимаешь? Так что я знаю. Личное вечно. Подумай об этом.

Его работа в последнее время все больше становилась ненужным балластом! Слоганы уже впечатались в человеческие души. Умная мысль: Том по секрету поздравил себя с тем, что она его посетила. Он глубокомысленно, сатирически, на самурайский манер кивнул Феликсу.

— Спасибо, Феликс, — сказал он. — Я это запомню. Самым лучшим собственным «я», каким только могу. Личное вечно. Ты типа как похож на того чувака, который все это сочинил.

Он поднял пустой стакан, звякнул им о стакан Феликса, но тот был невосприимчив к иронии и не прикоснулся к своему стакану.

— Казаться еще не значит быть, — тихо проговорил он и отвернулся. — Слушай… — Он вытащил сложенный конверт из заднего кармана. — У меня дел по горло, так что…

Том понял, что переборщил.

— Конечно. Слушай, так на чем мы остановились? Ты должен сделать мне предложение.

— Ты должен назвать мне разумную цену, приятель.

И только теперь Том понял, что он в конечном счете не возражает против привычки Феликса к чрезмерной фамильярности. Напротив, обращение «приятель» на таком позднем этапе их знакомства прозвучало как грустное отступление от достигнутого. И почему я начинаю ценить вещи, когда они остаются в прошлом, подумал Том и попытался указать воображаемым пальцем на туманную цитату из французской книги, которая именно это и провозглашала и весьма предупредительно давала ответ. «Кандид»? Пруст? Почему он плохо учил французский? Он подумал о père[30] Мерсере, с которым разговаривал утром по телефону. «Твоя беда, Том, вот в чем: ты ничего не доводишь до конца. Это всегда было твоей бедой». И Софи, конечно, по сути, твердила ему именно об этом. У некоторых дней было такое гнетущее тематическое единство. Может быть, сейчас разойдутся облака в небесах, появится огромная карикатурная рука, которая укажет на

---

[30] notes: 30
Отец (*фр.*).

него, зазвучит властный громоподобный голос: ТОМ МЕРСЕР. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ЛУЗЕР. Но ему уже было указано — и тоже этим утром! — что такой подход — всего лишь разновидность ловушки: «Том, дорогой, это нарциссизм чистой воды, считать, что весь мир против тебя». Он слушал голос матери по телефону и дивился тому, как она спокойна, добра и удовлетворена, ставя этот диагноз его личности. Спасибо господу за такую мать! Она не принимала его всерьез, она смеялась, когда он пытался шутить, даже если не понимала шутки, а не понимала она почти всегда. Они были сельские жители, его родители, и в возрасте дедушек-бабушек, потому что для обоих это был второй брак. Они не понимали его жизнь, не присылали ему электронные письма, никогда не слышали об Университете Сассекса, пока он туда не поступил, не знали, что такое «сосед снизу» или «ночной автобус», не понимали смысла «неоплачиваемой преддипломной практики» («Да съезди ты туда и предложи им несколько идей, Том, покажи, чего ты стоишь. По крайней мере, Чарли выслушает. Господи боже, мы с ним семь лет работали вместе!») или таких клубов, где оставляют одежду — и все остальное — при входе. Они, насколько он мог судить, не

жили двойной жизнью. Если отец приходил от Тома в бешенство и считал его поведение необъяснимым, то мать была мягче, по крайней мере, допускала вероятность, что он и в самом деле страдает своего рода апатией двадцать первого века, что не позволяет ему воспользоваться счастливыми преимуществами, данными ему при рождении. Но всему есть пределы. Никто не должен делать вид, что Брикстон — место, подходящее для жизни. «Но, Том, если тебе там невмоготу, то дом двадцать на Барсфилд пустует, по меньшей мере до июля. Не понимаю, чем тебя не устраивает Мэйфер. И тебе нужно где-то парковать машину, не опасаясь, что ее сожгут дотла во время каких-нибудь беспорядков». — «Это было двадцать лет назад!» — «Том, я отсылаю тебя к эзоповой притче: леопард, пятна». — «Это не притча!» — «Откровенно говоря, не понимаю, почему ты вообще туда не переехал». Потому что иногда человеку хочется иметь иллюзию, что он сам управляет своей жизнью исходя из собственных ресурсов. Этого он ей не сказал. Он заметил: «Мама, твоя мудрость превыше всякого

ума»[31]. На что она ответила: «Не остроумничай. И не устраивай из жизни черт знает что!» Но он устраивал черт знает что. С этой девицей. Все это было одно ужасное черт знает что.

— Разумную цену, — повторил Том и прикоснулся к виску, словно посторонние мысли нарушили нейронные связи и, постучав себя по голове, он надеялся их восстановить.

— Потому что ты говоришь о неприемлемых деньгах, — сказал Феликс и начал убирать табак, бумагу и телефон.

Тому казалось, что делает он это так, чтобы передать ему свое полное разочарование — не только из-за несостоявшейся сделки, но и в самом Томе.

— Но ты ведь не можешь серьезно просить, чтобы я отдал ее тебе меньше чем за шесть сотен!

Посредине предложения Том услышал странную, неуместную мольбу в собственном голосе.

— Четыре сотни будет ближе к истине, братишка. Мои ребята ее отбуксируют. Щедрая цена! За металлолом больше не дадут. Тебе столько, наверно, пришлось бы платить за буксировку

---

[31] notes: 31

Том цитирует Послание к филиппийцам 4:7 апостола Павла: «и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе».

на свалку.

Безаппеляционность, с какой это было сказано, вызвала на лице Тома улыбку.

— Ты серьезно? Брось. Давай серьезно.

Феликс сохранял непроницаемый вид. Том, продолжая улыбаться, подпер ладонью подбородок и «задумался», как в карикатуре на кого-то «задумавшегося».

— Пять сотен? И разойдемся. Я просто не могу ниже опустить. Это тебе все-таки не что-нибудь, а МГ!

— Четыре с полтиной. Выше этого — ни цента.

Телефон снова зазвонил. Том напустил на себя нерешительность: он напоминал Феликсу актеров, которые без толку топчутся за сценой после утреннего представления в ожидании вечернего. Не совсем чтобы еще в образе, но и не освободившись от него полностью.

— Губительница на первой линии. Нелегко с тобой, Феликс. Я смотрю, мимо Феликса и муха не пролетит.

Феликс извлек из кармана смятые банкноты, принялся пересчитывать и укладывать их в аккуратную стопку.

Значит, мастерская дала тебе напрокат МГ.

Нет, старина, я ее купил.

Купил. Вероятно, дела у тебя идут неплохо.

Ну не так чтобы очень. Копил. Сам все перебе-ру, ~~чтобы сделать Грейс подарок~~ чтобы сделать себе подарок.

Но ты знаешь, зачем это купил, да? Знаешь? Ты сам не знаешь, так? Хочешь знать? Я поделюсь с тобой мудростью, чувак, приготовься. Ты думаешь, что знаешь зачем, но ты не знаешь…

Феликс слышал это так же четко, как и любой настоящий разговор с отцом: он, казалось, существовал в том же плане реальности. Может быть, это просто напоминало поезд, который ты разглядел очень рано, далеко-далеко на путях. Попозже ребята должны отбуксировать машину в мастерскую в Колдвелле, на площадку для местных жителей. Для этого им придется попросить у его отца парковочный талон. Немного спустя отец позвонит. От этой перспективы меркла радость, которая должна сопровождать покупку. Чем дальше Феликс оказывался на Риджент-стрит, тем хуже становилось.

Феликс, слушай: невозможно купить женщину. Невозможно купить ее любовь. Так она от тебя просто уйдет. Любовь от тебя, так или иначе, уйдет, так что ты вполне можешь не заморачиваться с машинами и бриллиантами. Серьезно.

Феликс прошел мимо открытки-валентинки, изображающей ангелочка со стрелой в руке. Кто будет рад ему? Большой палец метался по экрану, прокручивая контакты, вверх-вниз по разным номерам сестер и братьев, но соединение с любым из них грозило головной болью, что останавливало. В конечном счете он вернул телефон в карман. Тиа держит свою ребятню под каблуком, и ее одиночество и скука легко переходят в зависть, даже когда речь идет о вещах, совершенно ей безразличных, например о машинах. Руби будет интересовать только, какая ей польза будет от машины — когда она сможет ее брать, куда сможет на ней ездить. Она жила в свободной комнате у своей сестры-близняшки, не имела ничего и никого и глубоко себя жалела. Она всегда ждала благотворительности и в то же время хотела иметь все самое-самое. Почему ты купил эту развалину? Близнецы испытывали ужас перед вещами, побывавшими в чьем-то пользовании. Как и Грейс. Он не скажет ей и слова о машине, пока та не будет выглядеть так, будто только что сошла с конвейера. Разве что Девон, может, заинтересуется. Но ему не позвонить — нужно ждать, когда позвонит сам.

В кармане Феликса цифровой оркестр заиграл

классическую музыку его детства — из рекламного ролика бальзама после бритья. Он ответил веселым голосом, но ее ответ прозвучал напряженно, и приветствия она опустила. «Ты увиделся с Рики?» — «Не-а, извини, забыл. Сейчас позвоню ему». — «Как ты ему позвонишь? У меня нет его номера — у тебя есть?» — «Я по пути домой зайду». — «Ой, что-то с трудом верится». — «Зайду-зайду, не волнуйся». — «Ты где?» — «У отца». — «Ты ему показал? Что он говорит? Скажи ему, я могу еще заказать по Интернету. Вообще лучше дай-ка я с ним поговорю». — «Щас. Эй, старина. Он как раз смотрит. Погрузился. Рассказал кучу историй — ты же его знаешь. Отправился в путешествие по закоулкам памяти. Слушай, мне пора». — «Слушай, дай трубку Ллойду…» На улице мимо Феликса проехала «Скорая» с включенной сиреной. «Я на балконе, а он в туалете. Слушай, я тебе перезвоню, попозже. Мне нужно идти». — «Тебе нужно идти! А мне нужно работать». — «Верно!» Разговор сошел на детский лепет, а потом на несколько секунд стал недвусмысленным. Грейс гордилась своей «порочностью», хотя в постели была пассивной, чуть ли не стеснительной, и за те месяцы, что они занимались сексом, Феликсу так и не удалось

совместить девушку, с которой он разговаривал по телефону, с той, которую он обнимал в постели. «Я тебя люблю, мальчик мой», — сказала она, и Феликс ответил со всей страстью, пытаясь вернуться к тому мгновению, когда он еще не ответил на ее звонок. Странно, но она сейчас находилась всего в нескольких улицах от него. На заднем плане ее менеджер сказал что-то о заказе билетов на двенадцать человек на второе, и она отключилась, не попрощавшись. Словно призрак сел на твое плечо, а потом исчез. Этот мираж казался более реальным в те времена, когда телефон представлял собой аппарат, соединенный с розеткой в стене, и ты усердно крутил диск пальцем. Иногда ты начинал нервничать и совершал ошибки, потому что призраком на другом конце была некая девушка, которая тебе нравилась и которая почти не догадывалась о твоем существовании. Он помнил, иногда происходило случайное подсоединение к другой линии, и тогда разговаривали четыре призрака. А теперь Феликс-младший и его племянницы говорили, видя изображение друг друга. Если долго ждать, то фильмы станут явью… а все ведут себя так, будто ничего и не случилось. И все же он был рад, что дожил до будущего. Можно на

какое-то время прикоснуться к нему. Феликс, любитель комиксов, научной фантастики, никогда не думал, что будущее его устроит. Голливудские шаблоны не оказывали никакого влияния на Феликса, представлявшего себе будущее. У него в голове умещались, по меньшей мере, пять ненаписанных книг комиксов. Десяток фильмов. Да ему больше и в кино не нужно было ходить, он мог просто идти по улице, как сейчас, и весь этот чертов спектакль разыгрывался у него в голове. Сценарий Феликса Купера. Режиссер-постановщик Феликс Купер. В главной роли Феликс Купер.

Анфлекс, дорогой, как ты собираешься вернуться домой?

Телепортация элементарными частицами. Буду с тобой через секунду, дорогая Грейсиан. Через наносекунду.

Всякая такая дребедень. Все это крутилось у него в голове. Иногда он приходил и рассказывал фильм Грейс, и ее это захватывало целиком, но не только потому, что она его любила: факт оставался фактом — кино в голове Феликса были лучше тех, за просмотр которых люди платили деньги. Теперь Феликс столкнулся с реальным, живым парнем, который выходил из игротеки со

стеклянными стенами: он шел спиной вперед через двойные двери, машá на прощание друзьям, сражавшимся с джойстиками. Феликс легонько прикоснулся к локтю парня, и тот с такой же осторожностью протянул руку и прикоснулся к Феликсу в том месте, где его поясница переходила в задницу. Оба улыбнулись и извинились, назвали друг друга «капитан», после чего быстро разошлись: незнакомый парень пошел назад к Эросу[32], а Феликс — вперед в Сохо.

На ее улице он сунул руку в карман, достал телефон и набрал: **На тв ул. Свободна?** Ответ не заставил себя ждать: **Дверь не заперта.** Он не был на этой улице три месяца. Его телефон снова завибрировал: **5 мин пжлс. Почему бы тебе не купить сигареты?** Дополнение его разозлило: оно ставило его в глупое положение. Он зашел в душный магазин на углу и провел десять жарких минут в очереди, пытаясь отточить короткую речь, которую, как ему казалось, он решил произнести, но теперь понял, что ничего толком не решил. Зачем ему понадобилось вообще приходить и что-то говорить? Она для него больше ничего не значила. Это было настолько очевид-

[32] notes: 32
Народное название фонтана-статуи на Пикадилли-серкус.

но — она уже должна была понять. Известия о ее неадекватности уже должны были дойти до Сохо без всяких усилий с его стороны. Ей достаточно было просто выйти из дома, потянуть носом воздух — и все стало бы ясно. «Мне это ни к чему», — сказала женщина за прилавком. Она вернула ему пятьдесят центов. Кто-то за его спиной тяжело вздохнул; он быстро отошел в сторону, пристыженный, как любой лондонец, поставивший в неловкое положение другого лондонца, пусть всего лишь на секунду. Пачка сигарет лежала у него в кармане. В руке он держал сдачу. Он ничего не помнил о том, как происходил этот обмен, и потел как идиот.

Выйдя на улицу, он попытался успокоиться и настроиться на бьющую ключом жизнь. Возбудителем служило солнце, выводящее день к вечеру. Молодежь поснимала с себя футболки, словно они уже пришли в ночной клуб. На белых парнях были шлепки и шорты до колена, они пили импортное пиво из банок. Небольшая группа, на автопилоте после прошедшей ночи, тихонько танцевала у дверей ночного клуба «Г-Е-Й». Феликс тихонько усмехнулся и прислонился к фонарному столбу, чтобы свернуть сигарету. У него возникло ощущение, что кто-то за ним на-

блюдает и фиксирует все, что он делает («Феликс был надежный чувак с сердцем на месте, любил наблюдать за миром вокруг»), но когда эта фантазия прошла, он не знал, что делать дальше. Мимо проехала машина с тонированными окнами. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять: то, что он знал, как свое лицо, и этот испуганный ребенок, отражение которого он увидел в стекле, — одно и то же. Он посмотрел в сторону ее двери. Она была открыта; на пороге стояли две девицы и дружески болтали с водителями-сомалийцами в соседней двери. Феликс расправил плечи, придал походке жизнерадостную хромоту. («Иногда ты должен делать то, что должен!») Но никакая улыбка не заставила бы этих девиц обойтись с ним поделикатнее. Шантель начала сверлить его взглядом ярдов с двадцати. Когда он подошел, она уже со своей стороны (поскольку забеспокоилась) отказалась от всяких приветствий; ухватила двумя пальцами материю его тонкой худи, попробовала на ощупь и через секунду отпустила, словно грязь, валявшуюся на полу.

— Летний у тебя видок. Господи Иисусе. Мистер Солнышко.

— Мне ничуть не жарко. Я же тощий — мне нужны защитные слои.

— Давненько не заглядывал, — сказала белая девица с кислым лицом, Черри.

— Занят был.

— На твоем месте я бы не стала заморачиваться с ее величеством наверху: лучше уж здесь, внизу.

— Да-да-да, — сказал Феликс и показал свои золотые зубы, но он никогда не был уверен, что наверху и в самом деле какой-то особый мир. Ее величество наверху клялось и божилось, что особый. Прежде они об этом спорили. Теперь это не имело значения.

— Так я могу пройти?

Обе были крупные девицы, и их дежурная шутка заключалась в том, чтобы ни на дюйм не сдвинуться ради него, и ему приходилось протискиваться между ними. Феликс выставил вперед костлявые плечи.

— Как куриные кости!

— Одни ребра!

Черри ущипнула его за ягодицу; поднявшись на три этажа, он все еще слышал смех. Перила закончились, он повернул. Звучала классическая скрипичная музыка, из ванной доносилось громкое журчание воды, текущей из кранов. На пороге его окутал туман.

— Феликс? Дорогой, это ты? Дверь открыта! Каренин там? Принеси этого негодяя.

Каренин лежал на коврике. Феликс небрежно его сгреб. Громадный котяра обладал какой-то текучестью: невозможно было поднять одновременно его спину, живот и шею, что-то да проваливалось между рук. Он прошептал коту на ухо: «Все в порядке, К?» и вошел. Тот же жирный кот в руках, пожелтевшие старые афиши и фотографии на стенах, коробки, наполненные нотами для несуществующего пианино, сданного в ломбард еще до Феликса. Старая школа. Он знал здесь все. Покрытая слоями пыли неизменность, образ жизни, при котором все оставалось как есть. Она называла эти вещи антиквариатом. То же, что сказать: денег больше нет. Пять лет! Он уронил кота на жесткое кресло, и сиденье просело, принимая животное. Как он вообще сюда попал? Даже не подозревая, что это место будет возвращать мир в его естественное, здоровое состояние.

— Анни? Ты выйдешь?

— Я в ванне. Божественно. Входи!

— Не, не спеши. Я подожду.

— Что?

— ПОДОЖДУ.

— Не смеши меня. Принеси пепельницу.

Феликс огляделся. На вешалке, зацепленной за оконную раму, висела одежда, отделенная от тела и залитая светом. Пурпурные джинсы, замысловатая жилетка с английскими булавками спереди, какая-то шапочка в клетку, а внизу на полу стояла пара кожаных туфель с каблуками в четыре или пять дюймов — все это не видел никто, кроме мальчика из винного магазина, который приносил ей «продукты».

— Нигде не вижу пепельницы.

На стопке разномастных конвертов и газет лежали маленькие горки окурков и пепла. Двигаться было затруднительно из-за предпринятой попытки реорганизации. На полу стояли башни бумаг. Ситуация была хуже, чем в квартире отца, но он видел, что дух оставался прежний: большая жизнь, втиснутая в маленькое пространство. Он никогда не посещал их в непосредственной последовательности, как сегодня — сначала одну квартиру, потом другую. Ощущение удушья и нетерпения, жажда свободы и там, и здесь были одинаковыми.

— Господи боже, там, где Павловы. «Русская

птица с вытянутым лицом»[33]. Под ней.

Ему больше никогда не придется делать вид, будто его интересуют вещи, к которым он не испытывает ни малейшего интереса. Балетные танцоры, романы, долгая и мучительная история ее семьи. Он подошел к стеклянному кофейному столику у стены, где восемь фотографий Павловой восьмиугольником висели на стене, перекликаясь с пирамидкой окурков внизу — единственным украшением на приставном столике.

— Если она полная, возьми пластиковый пакет на дверной ручке, — сказала Анни. — Выкини окурки в него.

Он сделал, как она сказала. Вошел в ванную, выкинул окурки из пепельницы в пакет, а пепельницу поставил на край ванны.

— Зачем они тебе тут?

Она провела пальцами по жемчужной оправе винтажных темных очков.

— Эта ванная ужасно яркая, Феликс. Ослепительная. Ты не поможешь? Мои руки.

На ее нижней губе было нечто похожее на крупицу овсянки, оставшуюся после завтрака и

---

[33] notes: 33
Имеется в виду русская балерина Анна Павлова.

замазанную помадой. Феликс сунул ей в рот сигарету, щелкнул зажигалкой. Даже за те несколько месяцев, что он не приходил, морщины под ее глазами, расходившиеся в разные стороны из-под очков, казалось, удлинились и углубились. Пудра, которой она обсыпала себя, всюду собралась комками, еще больше ухудшая впечатление. Он отошел и уселся на унитаз. Такое расстояние было правильным. Внешне она почти никак не изменилась: взбитые каштановые волосы, несколько влажных прядей, ниспадающих на покрытое косметикой лицо. Узкие плечи торчали над пеной; он знал каждую ее голубую вену и коричневое родимое пятно. Она ухмылялась той ухмылкой, с которой все и началось: в тот день, когда он увидел, как она принесла поднос с чаем на крышу съемочной группе. Волосы были уложены под косынкой, как у женщин на войне. Тонкие губы растянуты, вокруг них на дюйм блестела жевательная резинка.

— Как у тебя дела, Анни?

— Что-что? — Она шутливо приложила ладонь к уху.

— Как у тебя дела?

— Как у меня дела? Это твой вопрос? — Она погрузилась поглубже в пузыри. — Как у меня дела?

Как у меня дела? Вообще-то, жутко хреново. — Она стряхнула пепел с сигареты мимо пепельницы, приправив им пену. — Не совсем чтобы из-за твоего исчезновения, так что не льсти себе. Кто-то в Вестминстерском совете решил заняться пересмотром моего требования. Потому что кто-то другой, некий *гражданин*, решил поставить совет в известность. Мои деньги заморожены, мне приходится сидеть на довольно строгой диете из жареных сардин, и все другие важнейшие потребности пришлось подвергнуть жестокому ограничению… — Она скорчила лицо, изображая несчастного ребенка. — И догадайся кто.

— Баррет, — мрачно сказал Феликс; он переносил ее в любом настроении, кроме такого. Он незаметно осмотрелся и минуту спустя нашел то, что искал: скрученную двадцатку и маленькое зеркальце, торчащие из-за лапы старомодной ванны.

— Думаю, он пытается меня обанкротить. Чтобы они и дальше могли драть с одной…

— Русской по тысяче в неделю, — пробормотал Феликс, подражая ее интонации.

— Извини, что я такая скучная.

Она поднялась. Если этим она бросала вызов, то он был готов к нему. Он смотрел, как мыльная

пена соскальзывает с ее тела. У нее было сложение балерины, со всеми необходимыми изгибами сзади. Но теперь он видел перед собой только бледную копию: груди, похожие на две мышцы, сидели высоко над основанием из натянутых шкивов и рычагов, и все это предназначалось для жизни, которая так и не состоялась.

— Мог бы передать девушке полотенце.

На двери висела грязная тряпка. Он попытался дотянуться до тряпки и целомудренно набросить на плечи Анни, но та прижалась к его телу, напитала его влагой.

— Бр-р-р. Очень мило.

— Перестань на хер!

Она зашептала в его ухо:

— Хорошая новость в том, что если они объявят, что у меня все в порядке, то у меня и будет все в порядке. У нас обоих может быть все в порядке.

Феликс отошел назад, опустился на четвереньки, засунул руку под ванну.

— По их версии, со мной уже все в порядке. Я каждый вечер на небесах танцую в «Раю»[34] с гомиками, сама того не зная. Живу во сне. Может, для меня это начало абсолютно новой жизни!

---

[34] notes: 34
Имеется в виду ночной гей-клуб в Лондоне — «Heaven».

Бога ради, что ты там делаешь? Феликс, ну не будь ты таким занудой, брось…

Феликс появился из-под ванны, держа зеркальце с серебряной ручкой, прямо из сказки, с четырьмя толстыми линиями порошка, перечеркнутыми соломинкой, как на гербе. Анни потянулась к нему, вывернув вверх ладони. Вены, казалось, стали больше, синее.

— Даже время ланча еще не пришло.

— Напротив, это и есть ланч. Тебя не затруднит вернуть это туда, где было?

Они стояли по обе стороны унитаза: очевидная ситуация, наводящая на мысль. Неплохой будет способ сказать то, что он собирался.

— Положи. Это. Назад. Пожалуйста.

Анни улыбнулась, открыв все свои зубы второразрядной актрисы. Кто-то постучал в дверь. Феликс уловил капризную дрожь ее века, борьбу между легкостью притворства и тяжестью реальности. О тяжести реальности он знал все. Он положил найденное обратно.

— Иду!

Она сняла шелковый японский халат с крючка на двери, надела его, запахнула на себе так, чтобы скрыть гигантскую дыру. На спине летела стая ласточек, они пикировали от шеи к полу.

Анни выбежала, оставив Феликса в ванной. Он по привычке открыл шкафчик со стеклянной дверцей над раковиной. Отодвинул в сторону первый ряд — крем «Пондз», «Элизабет Арден», пустой исторический пузырек «Шанель № 5», — чтобы добраться до ряда лекарств сзади. Взял пузырек шмоксикроксицилольгинодриндина — с красной крышечкой, если добавить его в алкоголь, то начинался в ушах этакий глухой звон, как от сдобренной кетамином экстази. Хорошо действовало с водкой. Он подержал пузырек в руке, потом вернул на место. Из другой комнаты он услышал ее неожиданно нахрапистый голос:

— Нет-нет… Я этого абсолютно не понимаю…

Заскучавший Феликс вошел в комнату и устроился в неудобном деревянном кресле с высокой спинкой, украшавшем когда-то переднюю Уэнтвортского замка.

— Я почти не пользуюсь лестницей. Может быть, это и «общая площадь», но я ею не пользуюсь. Единственные, кто там изредка ходит, — это доставщик продуктов или друг. Очень редко. Я не спускаюсь, я не могу. Вам определенно нужно поговорить с дамами снизу, к которым, как мы оба знаем — я полагаю, вы человек с немалым жизненным опытом, — все время туда-сюда шастают

люди. Туда-сюда, туда-сюда. Как на гребаной Пикадилли-серкус.

Она шагнула вперед, чтобы пальцами продемонстрировать этот народный сервитут, и Феликс мельком увидел в дверях человека: накачанного высокого блондина в костюме цвета морской волны. В руке он держал архивную папку с надписью «Гугл».

— Мисс Бедфорд, пожалуйста, я только исполняю свои обязанности.

— Простите… как вас зовут? Могу я увидеть что-нибудь официальное…

Блондин передал Анни визитку.

— Вы получили инструкции прийти и травить меня? Да? Не думаю, что получили, мистер… не могу никак произнести эту фамилию… не думаю, что получили, Эрик. Потому что, боюсь, я не отвечаю перед Уилсоном. Я отвечаю перед *фактическим* домовладельцем — я родственница *фактического* домовладельца, настоящего владельца земли. Он близкий родственник, и я уверена, он будет недоволен, если узнает, что меня травят.

Эрик открыл папку и снова закрыл.

— Мы субагенты, мы получили инструкции сообщить квартирантам, что места общего поль-

зования должны быть отремонтированы за их счет. Мы отправили несколько писем на этот адрес и не получили ответа.

— У вас какой-то странный акцент. Шведский?

Эрик стоял чуть ли не по стойке «смирно».

— Я из Норвегии.

— А, норвежец! Норвегия. Мило. Никогда там не была, впрочем, это очевидно — я вообще никуда не хожу. Феликс, — сказала она, повернувшись пресловутой пятой точкой к дверной раме, — Эрик из Норвегии.

— Неужели? — сказал Феликс.

Подражая ей, он сурово подвигал челюстью. Она показала ему язык.

— Скажите мне, Эрик, это ведь в Швеции недавно были проблемы?

— Что-что?

— Я хотела сказать, в Норвегии. Вы знаете, о чем я, — о деньгах. Трудно поверить, что вся нация могла обанкротиться. Это случилось с моей тетушкой Хелен, но она, конечно, сама напрашивалась. Целая страна кажется довольно… бесшабашной.

— Вы, видимо, имеете в виду Исландию.

— Правда? Может быть, и Исландию. Я всегда путаю эти нордические… — Анни сплела паль-

цы.

— Мисс Бедфорд…

— Слушайте, никто не хочет сильнее меня, чтобы это место привели в порядок… я хочу сказать, съемочной бригады здесь не было с — когда это было? — а эта крыша просто вопиет, чтобы ее сняли, правда, просто нелепо оставлять ее пустующей. С нее открываются лучшие виды Лондона. Я правда считаю, что в ваших интересах сделать это место более привлекательным для стороннего инвестирования. Вы проявляли удивительное небрежение в том, что касается стороннего инвестирования.

Эрик в своем дешевом костюме слегка уменьшился в размерах. Какую бы чушь она ни несла, это не имело значения — ее голос завораживал. Феликс был свидетелем того, как голос выручал ее в некоторых безнадежных ситуациях, даже когда она имела дело с людьми, сидящими на социале, даже когда полиция устраивала налет на бордель внизу, а на ее ночном столике примостился внушительный пакет с героином. Языком она могла выпроводить за дверь любого. Она могла падать, падать и падать, но так никогда и не удариться об землю. Ее двоюродный дед, граф, владел землей под этим зданием, под всеми зданиями на улице,

театром, кофейнями, «Макдоналдсом».

— Мысль о том, что одинокая женщина, которая живет одна и почти не выходит из квартиры, должна платить столько же, сколько и группа «бизнес»-леди, ублажающих гостей противоположного пола приблизительно каждые восемь минут, — думаю, это просто невероятно. Топ-топ-топ, — прокричала она, ритмически ударяя по двери, — вот отчего протираются эти сраные ковры! Топ-топ-топ. Самцы-визитеры на лестнице. — Эрик не без отчаяния во взгляде посмотрел на Феликса. — Это, — сказала она, — не самец-визитер. Это мой бойфренд. Его зовут Феликс Купер. Он работает в кино. И он здесь не живет. Он живет в Северо-Западном Лондоне, в самой непривлекательной его части, о которой вы, вероятно, никогда не слышали, — Уиллздене, и я могу сказать вам теперь, что вы совершили ошибку, если на самом деле списали Уиллзден со счетов, потому что он очень интересный и «разнообразный». Господи боже, что за слово! Но факт остается фактом: мы оба очень независимые люди из совершенно разных слоев общества, и мы просто предпочитаем сохранять независимость. И это не так уж необычно, верно, иметь…

На этом месте Феликс вскочил, ухватил Анни

за талию и затащил в комнату. Она вздохнула, опустилась в кресло и перенесла все свое внимание на Каренина, который, судя по его виду, воспринимал происходящее как должное. Эрик открыл папку, извлек из нее пачку бумаги и сунул Феликсу.

— Мне нужно, чтобы мисс Бедфорд расписалась. Эти бумаги обязывают ее выплатить свою долю за ремонт…

— Вам это нужно сейчас?

— Мне это нужно на этой неделе, не позже.

— Вот как мы поступим. Оставьте их здесь, хорошо? Приходите за ними к концу недели — они будут подписаны, я вам обещаю.

— Мы посылали много писем…

— Я ценю это… но… она неважно себя чувствует, босс. Она не в своем… у нее эта агрофобия, — сказал Феликс, повторив старую ошибку, которую не могли исправить многочисленные закатывания глаз Анни: он повторял ее многократно, может быть, потому, что его усеченная версия выражала более глубокую истину: на самом деле Анни не боялась открытых общественных пространств, она боялась того, что могло произойти между нею и

людьми, которые там находятся[35]. — Приходите позже, бумаги будут подписаны. Я вам обещаю.

— Ну и скукотища же это была, — сказала Анни, когда дверь еще не успела закрыться. — Я вот думаю, Феликс, — как солнце взошло, так и думаю: давай проведем остаток лета на моей крыше. Мы прежде любили там ошиваться. На этот уик-энд оставайся ночевать — понедельник тоже выходной! Долгий уик-энд будет.

— В этот уик-энд — карнавал.

Но она, казалось, не услышала.

— Но чтобы не куча народа. Только мы. Мы приготовим цыпленка, как ты любишь. Барбекю там наверху приготовим. По-карибски. Цыпленка по-карибски. Для нас — двух цыплят.

— Ты теперь еще и ешь?

Анни перестала смеяться, вздрогнула, повернулась к нему. Изящно скрестила руки на коленях.

— Всегда приятно смотреть, как едят другие. Мы могли бы купить каких-нибудь легальных грибов. Ты помнишь? Пытались перебраться отсюда туда, — она показала сначала на стул, потом на кресло, — ушло около года. Я по какой-то причине была убеждена, что это Франция. И чувствовала:

---

[35] notes: 35
То есть агорафобия.

чтобы пересечь комнату, мне нужен паспорт.

Феликс достал табак. Он не имел ни малейшего желания погружаться в приятные воспоминания.

— Их больше не купить. Власти прикрыли лавочку. Несколько месяцев как прикрыли.

— Правда? Как это бермудно с их стороны.

— Какой-то парнишка из Хайгейта решил, что он телевизор, и выключил себя. Спрыгнул с моста. С моста Хорсни-лейн.

— Ах, Феликс, эта шутка стара, как я, — я ее слышала на детской площадке в Камденской школе для девочек году этак в восемьдесят пятом. «Мост самоубийц». Это то, что называют городским мифом. Она подошла к нему, сняла с его головы шапочку, потерла бритую голову. — Давай-ка поднимемся прямо сейчас. Я позагораю. Ты попотеешь. Проведем церемонию инаугурации лета.

— Анни, старушка, лето почти закончилось. Я работаю. Все время.

— В данный момент вроде бы не работаешь.

— Обычно по субботам я работаю.

— Давай тогда в какой-нибудь другой день — выбери сам, будем делать это типа регулярно, — Анни произнесла это на северном, как она его понимала, диалекте.

— Не могу.

— Моему ли обаянию он не может противиться (с американским акцентом) или моей крыше?

— Анни, сядь. Мне нужно с тобой поговорить. Серьезно.

— Поговори со мной на крыше!

Он хотел ухватить ее запястье, но она проскочила мимо него. Он отправился за ней в спальню. Она опустила лестницу, ведущую на чердак через дверь в потолке, и уже поднялась до середины.

— Не подглядывай!

Но она поднималась так, что не подглядывать было невозможно, как невозможно было не заметить белый мышиный хвостик бечевки тампона. — Осторожнее, стекло.

Феликс вошел в пятно света — ему потребовалось несколько секунд, чтобы привыкли глаза. Он осторожно поставил колено между двумя разбитыми бутылками пива и подтянулся. Потом посмотрел на свои руки: они были покрыты чешуйками выжженого солнцем и разрушенного водой дерева. Он помогал отделывать эту крышу, потом красил ее вместе с несколькими рабочими из группы и даже одним продюсером, потому что время и бюджет были на исходе. Все потом покрыли густым слоем белой глянцевой краски,

чтобы максимизировать свет. Делалось это очень быстро ради вымысла. Результат не планировалось использовать в реальном мире. Теперь она взяла помятую пачку сигарет и пустую бутылку водки, брезгливо бросила в переполненный бачок, словно удаление двух предметов могло как-то изменить общую картину всеобъемлющего мусорного праздника. Феликс перешагнул через мокрый спальник, отяжелевший от влаги и наполненный чем-то, слава богу, не человеком. Прошедшей ночью шел дождь — в воздухе стояла относительная росистая свежесть, но тянуло и чем-то посерьезнее, и каждая минута на солнце делала этот запах все более серьезным. Феликс направился в относительно малопопулярный дальний восточный угол у трубы ради создаваемой ею тени. Доски под его ногами отчаянно скрипели.

— Это все нужно ремонтировать.

— Да. Только рабочих рук теперь нигде не найти. В прежние времена можно было заполучить чудную съемочную группу, они платили тебе по две тысячи в неделю, ремонтировали крышу, красили ее, страстно тебя трахали и говорили, что любят, но, боюсь, теперь такие услуги остались в прошлом.

Феликс опустил голову на руки.

— Анни, старушка. Ты меня смешишь до упаду.

Анни печально улыбнулась.

— Я рада, что все еще могу что-то для тебя сделать… — Она поставила на ножки перевернутый шезлонг. — В настоящий момент вид немного непритязательный, я знаю… Но я тут развлекалась: у меня в прошлую пятницу был большой прием, так хорошо провела время, жаль, тебя не было. Я тебе отправила эсэмэску. Ты умудряешься не читать мои эсэмэски. Замечательное собрание, милейшие люди. Тут было жарко, как на Ивисе.

Она пыталась выдать происходившее за вечеринку, собравшую титанов и гениев. Феликс поднял пустую бутылку сидра «Стронгбоу», приспособленную под бонг.

— Ты не должна позволять людям тебя использовать.

Анни фыркнула.

— Что за глупости! — Она сидела, широко расставив ноги, на маленьком кирпичном мостике между двумя дымовыми трубами. — Люди для того и существуют. Чтобы использовать друг друга. А для чего еще они нужны?

— Они вьются вокруг тебя только потому, что у

тебя есть то, что им надо. Это лондонские халявщики. Им нужно где-то переночевать. А если при этом есть еще и бесплатная дурь — это считается бонусом.

— Отлично. Вот это у меня и есть. Почему люди не могут воспользоваться мной, если им требуется то, что у меня есть? — Она положила ногу на ногу, как учитель, дошедший до сути своего урока. — Получается, что в области недвижимости и наркотиков я сильна, а они слабы. В других областях дела обстоят наоборот. Слабые должны использовать сильных, ты так не считаешь? Лучше, чем наоборот. Я хочу, чтобы мои друзья использовали меня. Я хочу, чтобы они получали от меня то, что у меня есть. Пусть пьют мою кровь. Почему нет? Они мои друзья. Что еще мне делать в этом мире? Растить детей?

Феликс знал, что этот разговор приведет их в ловушку. Он попытался избежать ее.

— Говорю тебе: никакие они тебе не друзья. Они пользователи.

Анни смерила его взглядом над приспущенными очками.

— Ты говоришь так уверенно. Знаешь это по личному опыту?

— Зачем ты пытаешься вывернуть мои слова

наизнанку?

Он легко возбуждался, и другие неверно истолковывали его состояние как злость. Люди считали, что он готов их ударить, тогда как он всего лишь нервничал или немного раздражался. Анни подняла дрожащий палец.

— Не смей повышать на меня голос, Феликс. Надеюсь, ты пришел сюда не для того, чтобы ругаться, потому что я в самом деле слаба.

Феликс застонал и сел рядом с ней на кирпичном мостике, положил руку ей на колено, как он считал, по-отцовски или по-дружески, но она схватила его руку, крепко сжала в своей.

— Видишь? Вон там? Флаги. Кто-то дома. Лучший вид в городе.

— Анни…

— Мою мать представляли во дворце. И мою бабушку.

— Правда?

— Да, Феликс, правда. Я ведь тебе это уже говорила.

— Да, вообще-то, говорила.

Он высвободил руку и снова встал.

— Те, кто искал меня когда-то, бегут меня[36], —

[36] notes: 36

Из стихотворения «Они бегут меня» английского поэта, государственного деятеля, дипломата сэра Томаса Уайетта (1503–1542).

тихо сказала Анни, потом сняла халат и легла, обнаженная, на солнце. — В холодильнике есть немного водки.

— Я тебе уже говорил: я больше не пью.

– *Все еще*?

— Я тебе сказал. Поэтому я перестал бывать у тебя. Не только поэтому, имеются и другие причины. Я чист. Тебе самой стоит об этом подумать.

— Но, дорогой, я чиста. Два года как чиста.

— Если не считать кокаина, травы, алкоголя, колес…

— Я сказала, что чиста, а не превратилась в долбаную мормонку!

— Я говорю, это нужно делать по-настоящему.

Анни приподнялась на локтях, подняла очки на волосы.

— И каждый день слушать, как люди в тысячный раз повторяют историю, как они оказались в мусорном баке, все покрытые блевотиной? И делать вид, будто все хорошее, что произошло в моей жизни, было своеобразным затянувшимся юношеским заблуждением? — Она вернула очки на глаза. — Нет уж, спасибо. Ты не можешь принести мне водки? С лимоном, если найдешь.

На противоположной стороне улицы по диагонали на другой такой же крыше строго одетая

японка (узкие черные брюки и черный джемпер с V-образным вырезом на шее) уронила поднос. Разбился стакан, одна из тарелок с едой полетела вниз, другую она каким-то образом умудрилась удержать. Японка направлялась к небольшому кованому столику, за которым сидел долговязый француз в карикатурных подтяжках и джинсах, закатанных до икр. Он вскочил. В этот же момент выбежала маленькая девочка, оценила эту домашнюю трагедию и приложила руку ко рту. Феликс знал их всех — много раз видел за прошедшие годы. Сначала одну японку. Потом появился француз. Потом — ребенок. Теперь ей было года четыре. Может, пять. Куда делось время? Нередко в хорошую погоду он видел, как женщина фотографирует свою семью на хорошую камеру, установленную на треноге.

— Упс, — сказала Анни. — Неприятности в раю.

— Анни, послушай: помнишь ту девушку, я тебе говорил про нее. Серьезную.

— Боюсь, так им и надо. Не могли, понимаешь, есть в своей квартире. Это для них невыносимо. Нет, непременно нужно приносить на подносе порционное филе трески, пропитанное соевой пастой, в бальзамическом соусе, чтобы съесть на

крыше, все время твердя себе: как нам повезло — мы можем есть на крыше! Тут настоящая Тоскана! Ты это не пробовал, дорогой? Темпура цветов цукини. Япония и Италия в одном флаконе! Мое собственное изобретение. Сфотографировать? Можем вывесить в нашем блоге.

— Анни.

— Наш блог называется «Жюль и Ким».

— Я и та девушка. Грейс. Это серьезно. Я больше не буду к тебе приходить.

Анни подняла руку, словно чтобы осмотреть ногти, хотя они были под корень, с оборванной кутикулой и засохшими следами крови от сорванных заусенцев.

— Понятно. А у нее тоже нет другого любовника?

— С этим покончено.

— Понятно, — повторила Анни. Она перекатилась на живот и стала болтать ногами, идеальные подъемы замелькали в воздухе. — Возраст?

Феликс не смог сдержать улыбки.

— Скоро двадцать четыре, кажется. В ноябре. Но дело совершенно не в этом.

— До сих пор еще нет водки?

Феликс вздохнул и пошел назад к чердачному лазу.

— Я подумаю о другом любовнике! — услышал он вдогонку на лестнице голос Анни. — Я буду его жалеть. Жалеть друг друга — это так важно!

Марлон. С этим было покончено навсегда в воскресенье в феврале, когда Феликс сидел на лестнице Грейс. Он скручивал сигарету и дрожал, поглядывая через сеточный занавес. Один человек наблюдал за другим, а Марлон тяжело ходил по квартире, он забрал велосипедный замок, какую-то жуткую одежду, колонку для айпода, пару машинок для стрижки волос. Он тяжелый был, Марлон, не то чтобы жирный, но дряблый и нескладный. Он долго проторчал в ванной, несколько раз появлялся с банками воска и тюбиками крема, один из них как минимум принадлежал Феликсу, но Феликс завоевал эту женщину и считал, что как-нибудь проживет без своего «Дакса». Феликс смотрел, как, собрав вещи, Марлон взял руки Грейс в свои, как человек, который собирается совершить религиозный ритуал, и сказал: «Я благодарен за время, что мы были вместе». Бедняга Марлон. Он и понятия не имел. Он даже возвращался несколько раз после этого — с дисками калипсо, записками и слезами. Ничто из этого ему не помогло. В конце концов, все свойства Марлона, который, по словам Грейс,

ей нравился: что он не «жиголо», что он нежный, неловкий, не интересуется деньгами — и стали причинами, по которым она от него ушла. Насчет нежности — она была до того, как он получил послание. Наконец Марлон вместе со своей болтовней «я мужчина-нянька-считаю-хип-хоп-слишком-негативным-я-могу-готовить-козля-тину-карри-хочу-уехать-в-Нигерию» убрался в Южный Лондон, где, по мнению Феликса, ему было самое место.

«Холодильник», — сказал себе Феликс и распахнул его: две огромные бутылки диетической колы, три лимона и консервная банка скумбрии, — а потом вспомнил, закрыл и вместо него открыл морозилку. Взял бутылку водки. Опять открыл холодильник и взял самый маленький светлый лимон. Огляделся. Кухня представляла собой крохотный шкаф с глубокой треснутой раковиной, ни для чего другого пространства не оставалось, даже для мусорного ведра. Раковина была переполнена, ни одного чистого стакана он не нашел. В полуоткрытом окне трепыхалась тряпка, служившая занавеской. От раковины к окну и обратно двигалась колонна муравьев с крошками еды на спине; уверенность, с которой маршировали муравьи, говорила о том, что они

на протяжении своей жизни не предполагают увидеть воду из крана. Феликс нашел кружку. Раскромсал лимон тупым ножом. Налил водки. Водрузил верхушку лимона на место, вернул бутылку в морозилку и подумал, как он опишет эту сцену воздержания во вторник в семь вечера группе товарищей, которые увидят в ней героические качества.

Когда он вернулся на крышу, Анни сидела по-другому — приняла позу йога со скрещенными ногами и закрытыми глазами; теперь на ней было зеленое бикини. Он поставил кружку перед ней, и она кивнула, как богиня, принимающая подношение.

— Откуда у тебя это бикини?

— Вопросы, вопросы.

Не открывая глаз, она показала на семейство на террасе.

— Теперь им только и осталось, что собирать осколки. Ланч уничтожен, «сансере» пролилось, но они каким-то образом найдут способ продолжить.

— Анни…

— Что еще? Я больше понятия не имею, что с тобой происходит. Какие-нибудь подвижки на кинематографическом фронте? Как твой брат?

— Я оттуда сто лет как ушел. Теперь работаю учеником механика в мастерской, я же тебе говорил.

— Винтажные тачки — хорошее хобби.

— Не хобби — это моя работа.

— Феликс, ты очень талантливый кинематографист.

— Да брось, старушка. В чем состояла моя работа? Готовить кофе, приносить кокаин. Вот в чем состояла моя работа. Вот в чем. Никуда дальше они бы меня не пустили, поверь. На кой черт ты вечно заводишь разговор об этой херне, когда она даже не настоящая?

— Просто я чувствую, что ты очень талантлив, только и всего. И что ты преступно себя недооцениваешь.

— Да брось, старушка.

Анни вздохнула, вытащила из волос заколку. Потом разделила волосы на части и принялась плести две детские косички.

— Как поживает бедняга Девон?

— Отлично.

— Ты ошибочно принимаешь меня за одну из тех женщин, которые задают вопросы из вежливости.

— У него все отлично. Дата его условно-досроч-

ного освобождения — шестнадцатое июня.

— Так это же здорово! — воскликнула Анни, и на Феликса нахлынула огромная, теплая, бесполезная волна благодарности.

Они с Грейс редко говорили о Девоне. Он являл собой один из «негативных источников энергии», которую они должны были изгонять из своих жизней.

— Почему «условно»?

— Все будет зависеть от того, как он себя поведет. Он не должен никого рассердить за время от сегодня и до того дня.

— Если хочешь мое мнение, то он, кажется мне, многократно вернул свой долг обществу за маленький налет с игрушечным пистолетом.

— Пистолет был не игрушечный. А незаряженный. Но это все равно считается вооруженным ограблением.

— А мне кто-то в пятницу рассказал угарную шутку — тебе понравится. Боже мой, как же там… Что-то вроде: ты знаешь, что бедняки?.. Нет, извини, сначала. Бедняки… Черт. Вот: «В бедном районе свистнут айпод, в богатом обнулят в банке счет». — Феликс мимолетно улыбнулся. — Только у меня хуже получилось.

Она кричала, не отдавая себе в этом отчета.

Японка на соседней террасе повернулась и вежливо посмотрела на среднее расстояние.

— Я что говорю: посмотри на эту женщину, она одержима мной. Посмотри на нее. Она отчаянно хочет меня сфотографировать, но ей невыносимо попросить. Все это очень печально на самом деле. — Анни махнула рукой в сторону женщины и ее семьи. — Поедай свой ланч! Продолжай жить дальше!

Феликс встал между Анни и другой террасой.

— Она наполовину ямайка, наполовину нигерийка. Ее мать преподает в школе Уильям Кебл в Харлсдене — серьезная женщина. А она похожа на мать, у нее такая нигерийская образовательная жилка: сосредоточенность. Она бы тебе понравилась.

— М-м-м.

— Ты знаешь это место — «У Йорка» на Монмут-стрит?

— Естественно. Туда ходили в восьмидесятые.

— Она только что получила повышение, — с гордостью сказал Феликс. — Она теперь типа старшей официантки. Как это, ты говоришь, называется? Она больше не обслуживает столики. Как это называется?

— Метрдот.

— Да. Может, дойдет до управляющего. Там каждый день полно народу — туда многие ходят.

— Да. Но какого рода люди ходят? — Анни поднесла кружку к губам и осушила залпом. — Что еще?

Феликс снова смутился.

— У нас много общего, типа… ну, много всего.

— Долгие прогулки за городом, красное вино, оперы Верди, чувство юмора…

Анни раскинула руки в стороны, сложила пальцы, словно медитируя.

— Она знает, что ей нужно. Она рассудительная.

Анни посмотрела на него со странным выражением.

— Это довольно низкая планка, тебе не кажется? Я хочу сказать, я рада за тебя, что она не в коме…

Феликс рассмеялся, увидел, что она тягуче ухмыляется от удовольствия.

— Она политически здравая, расово здравая. Она понимает борьбу. Здравая.

— Она бодрствует и понимает. — Анни закрыла глаза и глубоко вздохнула. — Рада за тебя.

Но какое-то выражение властности на ее лице вывело Феликса из себя. Он закричал:

— Ты ничего в жизни не умеешь, кроме как глумиться! Все, что ты умеешь! Чем таким невероятным ты занимаешься? Чего ты добилась?

Анни открыла один испуганный глаз.

— Что я… Что за чушь ты несешь? Да я же всего лишь пошутила, черт возьми. Чего именно я должна добиваться?

— Я спрашиваю, какая у тебя цель? Какой ты хочешь, чтобы была твоя жизнь?

— Какой ты хочешь, чтобы была твоя жизнь? Извини, я нахожу твой вопрос грамматически странным.

— Иди ты в жопу, Анни.

Она снова попыталась отделаться смехом и потянулась к его запястью. Но он оттолкнул ее руку.

— В тебе нет никакого смысла, так? Я пытаюсь сказать тебе, как складывается моя жизнь, а ты только глумишься. Бессмысленная. Ты бессмысленная.

Получилось грубее, чем он хотел. Она поморщилась.

— Я думаю, ты очень жесток. Я только пытаюсь понять.

Феликс заставил себя успокоиться. Он не хотел быть жестоким. Он не хотел, чтобы его видели

жестоким. Он сел рядом с ней. Он заранее приготовил речь, но еще его не отпускало ощущение, что они оба говорят по сценарию, что на самом деле она подготовилась так же, как он.

— Я устал жить как жил. Я чувствовал себя так, словно участвую в какой-то игре, застрял на уровне; и я на этом уровне хорошо проводил время… но, послушай, Анни: даже ты сказала бы, что это уровень с кучей демонов. Кучей демонов. Демонов и…

— Извини… ты разговариваешь с добропорядочной католической девушкой, которая…

— Дай мне договорить! Хотя бы раз!

Анни безмолвно кивнула.

— Ну вот, потерял нить.

— Демоны, — сказала Анна.

— Да. И я их убил. И это было нелегко, а теперь они мертвы, и я завершил этот уровень, и пришло время перейти на другой. И вопрос даже не в том, чтобы взять тебя на следующий уровень. Ты явно туда не хочешь.

Такую речь он приготовил. И теперь, когда он ее произнес, ему уже не казалось, что она так изощренно глубока, какой была в его голове, и все же он видел, что какой-то эффект она произвела: Анни вышла из позы йоги, глаза ее широко

раскрылись, руки она расплела, и теперь они лежали на полу.

— Ты слышишь? Следующий уровень. Я готов играть дальше. Люди могут всю свою жизнь проводить в размышлениях. Я мог провести свою жизнь в размышлениях о какой-нибудь случившейся со мной ерунде. Так я и делал. Но пришло время перейти на следующий уровень. Я к этому готов.

— Да-да, я поняла твою метафору, можешь не повторять. — Анни закурила, глубоко затянулась, выдохнула через нос. — Жизнь, Феликс, — это не видеоигра, в которой ты набрал столько-то очков — и уже на другом уровне. Да и вообще нет в жизни никакого следующего уровня. Плохая новость в том, что в конце все умирают. Игра окончена.

Несколько облачков, остававшихся на небе, плыли к Трафальгарской площади. Феликс посмотрел на них, надеясь, что на лице у него в это время возвышенное выражение.

— Что ж, это твое мнение, так ведь? Каждому позволено иметь свое мнение.

— Мое, Ницше, Сартра, многих людей. Феликс, дорогой, спасибо, что пришел ко мне для своего «серьезного разговора», спасибо, что поделился мыслями о боге, но мне сейчас наскучило гово-

рить и хотелось бы знать: мы с тобой сегодня будем трахаться или нет?

Она игриво ухватила его за ногу. Он попытался встать, но она принялась целовать его щиколотки, и он вскоре опустился на колени. Он потерпел поражение и винил в этом ее. Он без всякой нежности взял ее за плечи, и они вместе отползли к краю стены, где, как они решили, они ниоткуда не будут видны. Он сжал в кулаке прядь волос Анни и попытался жестко ее поцеловать, но она владела талантом обращать всякое злонамеренное движение в страсть. Они подходили друг другу. Так у них было всегда. Но какой был смысл в том, чтобы подходить друг другу именно так, а не иначе? Он почувствовал ее руки на своих плечах — она толкала его вниз, и вскоре его лицо оказалось на уровне ее шрама — ей удаляли аппендикс. Он ухватил ее ягодицы. Сжал обеими руками и вдавил свое лицо в ее пах. Ему было четырнадцать, когда Ллойд объяснил, что удовлетворять женщину ртом — негигиенично, унизительно. Только под дулом пистолета — так считал его отец, да и то только после того, как все волосы будут сбриты. И до Анни у него этого не было. Годы следования отцовскому наставлению оказались преданы в один день. Он подумал, что

бы сказал Ллойд ему теперь, когда его нос уперся в изобильные заросли прямых волос, и он ощутил языком странный вкус.

— Если он тебе мешает, вытащи!

Он ухватил мышиный хвостик зубами и потянул. Тампон легко выскользнул. На белом полу он казался мертвым красным зверьком. Он повернулся обратно и вошел в нее языком. Ему казалось, что он неистово прокладывает через что-то тоннель в надежде выйти с другой стороны. Во рту он чувствовал металлический привкус, и когда пять минут спустя отпрянул, чтобы глотнуть воздуха, ему представилось кровавое кольцо вокруг его рта. На самом деле на его коже осталась только капелька. Он слизнул ее. Остальное свершилось быстро. Они давно приспособились друг к другу, знали привычные позиции. Стоя на коленях лицами к распростершемуся под ними городу, они быстро пришли к приятным, надежно разделенным финалам, которые стали некоторым разочарованием по сравнению с предыдущими пятью минутами, когда казалось возможным полностью исчезнуть головой вперед в другом человеке.

Потом он лежал на ней, чувствуя неприятную потную близость и прикидывая, когда правила

вежливости позволят подняться. Он не стал долго ждать. Перекатился на спину. Она перебросила волосы на одну сторону и положила голову ему на грудь. Они проводили взглядом вертолет на пути в Ковент-Гарден.

— Извини, — сказал Феликс.

— За что?

Феликс взял джинсы, надел.

— Ты все еще принимаешь эту свою фигню?

Он увидел, как на ее лице мелькнула ярость, а еще какой сдержанной и рассеянной она стала, когда открывала пачку сигарет, вытаскивала одну, закуривала, мрачно улыбалась, смеялась.

— Нет необходимости. Больше шансов угодить под удар молнии. Кровь все еще течет, но поверь мне: колодец почти пуст. Природа, головорез. Уничтожитель! Кстати говоря, дорогой братец Джеймс собирается отвести меня в Вулси на празднование нашего общего одряхления — он звонил вчера по телефону, разговаривал, как будто так все и должно быть. Можно подумать, что мы с ним каждый день говорим. Просто смешно. Но я подыграла, сказала: «Привет, близняшка!» Он предлагает праздничный ланч в честь нашего дня рождения — обрати внимание: наш день рождения в октябре, — и я ему говорю, отлично,

но я-то прекрасно знаю, что у него на уме: он хочет, чтобы я подписала эту гребаную бумагу на право собственности, чтобы он мог все продать без моего участия. Он, похоже, не понимает, что, какие бы мысли ни возникали в его голове, часть этого места принадлежит мне, и одному богу известно, сколько он уже отдал под залог, чтобы дать образование своим крошкам, наверняка все заложил, там уже и пенса не осталось, а мы все знаем, что он хотел проглотить меня в материнском чреве, но, боюсь, ему это не удалось, и пока наша матушка жива, я, ей-богу, не понимаю, зачем это продавать, куда она пойдет, если продать? И кто будет за это платить. Такой уход стоит денег. Но он всегда был такой: Джеймс всегда действовал так, будто он единственный ребенок, а меня вообще не существует. Знаешь, как они с отцом называли меня за спиной? Последыш. Ну, выпьем еще? Как-то душно.

Она снова легла на живот. Она поцеловала его в шею над футболкой. Он запустил пальцы ей в волосы.

— Тебе, вероятно, все же стоит принять таблетку — которую ты принимаешь после. На всякий случай.

— Я не хочу от тебя никаких детей, Феликс.

Уверяю, я тут не сижу каждый вечер, как какая-нибудь трагическая падшая женщина, мечтая родить от тебя ребенка. — Она начала выписывать восьмерку ногтем на его животе. Движение казалось ленивым, но ноготь она вдавливала с силой. — Ты, конечно, понимаешь, что если бы было наоборот, то имелся бы закон, настоящий закон: Джон против Джен в Верховном суде. И Джон доказывал бы, что Джен по доброй воле трахала его пять лет, прежде чем без предупреждения бросить на закате его детородного возраста и завести шашни с бабником двадцати четырех лет с елдаком длиной с мое предплечье. И суд выносил бы приговор в пользу Джона. Каждый раз. Джен должна была возместить ущерб. Огромную сумму. И отсидеть шесть месяцев в тюрьме. Нет, девять. Поэтическая справедливость. И ты бы не смог…

— Знаешь, что? Мне пора.

Он убрал ее голову со своей груди, опустил футболку на живот, встал. Она села, скрестила руки на груди. Посмотрела в сторону реки.

— Да, так чего ты не идешь?

Он наклонился, чтобы поцеловать ее на прощание, но она, как ребенок, отдернула голову в сторону.

— Ну зачем ты так? Мне нужно бежать — вот и все дела.

Феликс почувствовал, что чего-то не хватает, опустил взгляд, увидел: ширинка у него расстегнута. Он дернул наверх молнию. И сообразил, что сказал и сделал совершенно противоположное тому, что собирался сказать и сделать с того момента, как вошел в ее дверь.

— Прости, — сказал он.

— Нет нужды извиняться. Я в порядке. В следующий раз приводи свою подружку Грейс. Мне нравятся здравые. Они гораздо живее. Я нахожу, что большинство людей пребывает в полувегетативном состоянии.

— Правда, прости. — Феликс поцеловал ее в лоб.

Он двинулся к чердачной двери, но через секунду услышал шаги у себя за спиной, увидел мелькание халата, несколько шелковых ласточек на крыле, потом рука ухватила его за плечо.

— Знаешь, Феликс… — тонким детским голоском, каким официантка называет блюда дня, — не все хотят жить обычной маленькой жизнью, к которой ты гребешь в своей лодке. Мне нравится моя огненная река. А когда придет время уходить, я собираюсь без колебания спрыгнуть с моей

лодки-одиночки в огонь, чтобы он пожрал меня. Я не боюсь. Я никогда не боялась. Большинство людей боится — ты прекрасно знаешь. Но я не похожа на большинство. Ты никогда ничего для меня не делал, мне этого и не нужно.

— Ничего для тебя не делал? Когда ты лежала на этой крыше, пускала слюну и закатывала глаза до затылка, кто был здесь, кто совал пальцы…

Крылья ноздрей Анни вспорхнули, лицо приобрело жесткое выражение.

— Феликс, что у тебя за патологическая потребность быть хорошим парнем? Это такая скука. Правда, с тобой было веселее, когда ты выступал в роли моего дилера. Тебе не нужно спасать мою жизнь. И ничью другую. С нами все в порядке. Нам не нужно, чтобы ты прискакивал на белом коне. Ты ничей не спаситель.

Они говорили довольно тихо, но клали руки друг на друга и убирали их все с большим и большим неистовством, и Феликс понял: вот оно и происходит, в самом плохом варианте, жуткая сцена, после которой он несколько месяцев сюда не заглядывал; и, странное дело, он точно знал, что такое — быть в этот момент на месте Анни (он много раз был в роли Анни, с матерью, с другими женщинами), и чем яснее он понимал это,

тем больше ему хотелось бежать от нее, словно поражение, потерпленное таким образом, каким она терпела его сейчас, похоже на вирус, и остается только сетовать на способ, которым ты его подхватил.

— Ты ведешь себя так, будто между нами есть отношения, но это никакие не отношения. У меня есть отношения, и я пришел к тебе, чтобы сказать об этом. Но это? Это даже не говно, это ничто, это…

— Боже мой, еще одно отвратительное слово! Избавь меня, господи, от «отношений»!

Горя желанием уйти, Феликс разыграл то, что считал своей козырной картой.

— Тебе сорок с чем-то. Посмотри на себя. Ты продолжаешь так жить. Я хочу иметь детей. Я хочу жить дальше.

Анни выдавила из себя подобие смеха.

— Ты хочешь сказать «иметь еще детей», так? Или ты принадлежишь к счастливым оптимистам, которые думают, что каждые семь лет, после регенерации клеток, они становятся новыми людьми — начинают жизнь с чистой страницы, забывают, кому причинили боль, что было раньше. Теперь настало время для моих новых *отношений*.

— Я ухожу, — сказал Феликс и пошел прочь.

— Какое лживое, глупое слово — «отношения». Для людей, у которых кишка тонка, чтобы жить, у кого нет воображения, чтобы заполнить дней лет наших — семьдесят лет[37] чем-нибудь другим, кроме…

Феликс знал: лучше ему не встревать, он уже выкатил все свои козыри, к тому же она все равно играла сама с собой. Когда она впадала в такое состояние, то могла спорить с вешалкой, со шваброй. И откуда он мог знать, сколько она приняла еще до его прихода? Он отвернулся, открыл чердачную дверь и спустился в квартиру, но она потащилась за ним.

— Значит, так теперь люди себя ведут, да? Когда не могут придумать ничего получше. Ни политики, ни идей, ни яиц. Женись. А я выше всего этого. Давно уже. Тысячи лет. Эта идея — будто все твое счастье в том другом человеке. Идея счастья! Я нахожусь в другом плане сознания, дорогой. У меня больше яиц, чем может себе представить твоя философия. Я в девятнадцать была обручена. Я была обручена в двадцать три, прямо сейчас я могла бы

[37] notes: 37

«Дней лет наших — семьдесят лет» — библейское выражение (см. Псалом 89:9), определяющее среднюю продолжительность человеческой жизни.

плесневеть в каком-нибудь хемпширском замке, обивать и переобивать диваны с каким-нибудь бароном в идеальной бесполой гармонии. Чем и занимаются мои соплеменники. А твои плодят детей в таких количествах, которых не могут себе позволить и прокормить. Я уверена, все это совершенно восхитительно, но меня вычеркни из этого ебаного списка!

В коридоре между ее спальней и гостиной Феликс развернулся и ухватил ее запястья. Его трясло. До этого мгновения он не понимал, чего хочет. Не того, чтобы она потерпела поражение, а чтобы перестала существовать.

— Тебе повезло, Феликс, ты считаешь жизнь легкой штукой. Тебе повезло, что ты счастлив, что ты знаешь, как быть счастливым, что ты хороший парень и хочешь, чтобы все были счастливыми и добрыми, потому что ты сам такой, чтобы всем жилось легко, потому что тебе живется легко. Тебе никогда не приходило в голову, что некоторые вовсе не считают жизнь такой уже легкой штукой, какой считаешь ее ты?

Она посмотрела на него торжествующим взглядом. Он наблюдал за ее кокаиновой челюстью[38],

[38] notes: 38

Симптомы человека, потребляющего кокаин, — неспособность остановить движения челюстью.

пережевыванием пустоты.

— Моя жизнь? Моя жизнь легкая?

— Я не сказала, что легкая. Я сказала, ты ее считаешь легкой. Это разные вещи. Вот почему мне нравится балет: он для всех труден. Феликс, отпусти, мне больно.

Феликс отпустил ее запястья. Если прикасаться друг к другу так долго, даже в ярости, то ярость сникает, и они оба смягчились, понизили голоса, отвернулись.

— Я стою у тебя поперек дороги. Хорошо. Никто не претерпел вреда. И под этим я, конечно, имею в виду, что никто не претерпел ничего иного, кроме вреда.

— Каждый раз, когда я сюда прихожу, всегда одни разборки. Сплошные разборки. — Феликс покачал головой, глядя в пол. — Я не понимаю. Я всегда с тобой был только порядочным. Почему ты хочешь разрушить мою жизнь?

Она посмотрела на него пронзительным взглядом.

— Забавно, — сказала она. — Но, конечно, так ты это и видишь.

После этого они молча направились к двери. Мужчина шел чуть впереди. Глядя на них, сторонний наблюдатель мог бы подумать, что мужчина

безуспешно пытался продать женщине Библию или набор энциклопедий. Феликс, со своей стороны, пребывал в абсолютной уверенности, что это — последний раз: в последний раз он видит эту картину, в последний раз видит трещину в штукатурке, — и про себя он вознес короткую благодарственную молитву. Ему почти хотелось сказать этой женщине, что от всего этого он был в восторге, потому что оно было отличным примером всего, чему она его научила. Вселенная хочет, чтобы ты был свободен, ты должен стряхнуть с себя негатив. Вселенная хочет лишь, чтобы ты попросил, и дано тебе будет. Он слышал, как женщина у него за спиной тихо плачет. Подает ему сигнал повернуться, но он не повернулся, и на пороге плач перешел в рыдание. Он поспешил к лестнице и уже спустился на несколько ступеней, когда услышал сверху удар по ковру — она грохнулась на колени, и он знал, что должен бы чувствовать камень на сердце, но на самом деле чувствовал себя как человек, который претерпевает еще не изобретенный процесс телепортации элементарных частиц; он ощущал чудесную, благодатную легкость.

С-З 6

Феликс протиснулся в вагон еще на дюйм. Он держался за поручень левой рукой. Разглядывал карту метро. Карта не отражала его реальности. Центр находился не там, где «Оксфорд-сиркус», а там, где яркие огни Килбурн-Хай-роуд. «Уимблдон» — деревня, «Пимилко» — часть научно-фантастического романа. Он накрыл указательным пальцем синюю точку Пимлико. Оно находилось нигде. Кто там жил? Да кто хотя бы проезжал через него?

На четырехместном сиденье освободились два места. Феликс пробрался туда и опустился на одно из них. Парень напротив кивал под громкий брейк-бит. Его друг рядом положил ноги на сиденье. Огромные зрачки, время от времени тихо смеется какому-то видению. Феликс образовал собственное приватное пространство, широко расставил ноги и развалился на сиденье. На Финчли-роуд, когда состав вынырнул из-под земли, его телефон ожил, пискнул, оповещая о пропущенном звонке. Феликс с надеждой пробежался пальцем по списку. Один и тот же номер три раза. Этот номер вызывал единственную физическую ассоциацию в мире: растерзанная

телефонная будка, прикрученная к стене посреди бетонного коридора. Он много раз видел ее через непробиваемое стекло комнаты для свиданий. Он вернул телефон в карман.

У Девона была одна особенность: ты хотел поговорить с ним и в то же время не хотел. Он практически теперь перестал быть Девоном, превратился в незнакомца с резким голосом, который звонил и говорил резкие, обидные вещи. Устами Девона говорила Джеки. Она отправляла Девону письма. Феликс узнал об этом от Ллойда (Девон не говорил, а Феликс не спрашивал). Их мать обладала странной властью над людьми — Феликс даже не исключал ее колдовских способностей. (Джеки заявляла, что ее бабушка — уроженка Ганы. А в Гане такие вещи были не в диковинку.) Одно время она определенно имела власть над Феликсом. Но она была человеком, с которым всегда чувствуешь, что твое терпение на исходе. Девону еще предстоит это узнать, как узнали об этом Феликс и девочки. Конец для Феликса обозначился четко. Это произошло через восемь лет после ее последнего «посещения». Девочки не хотели ее видеть. Феликс, всегда сентиментальный, встретился с матерью, осторожно, без всяких обещаний. Для моральной

поддержки он попросил прийти брата. Девон начал вечер в другом конце комнаты, он стоял у стены, смотрел недовольным взглядом. Закончил он вечер, удобно устроившись на диване, позволяя Джеки слюняво целовать его лицо. Феликс тоже смягчился. Достал с верхней полки белый ром. Глупо. Тиа почти сразу сказала: с нее хватит. То же сделала и Руби. Ллойд. Все сказали, что с них хватит. Сестра Джеки Карен сказала: «Послушай меня. Выстави ее за дверь и поменяй замок». Но в то время казалось, что уступчивость Девона требует — обусловливает необходимость — того же и от Феликса. Он пострадал гораздо сильнее Феликса, но зла на нее не таил.

Она заявилась в разгар лета. Много дней они проводили, покуривая вместе травку, на Хэмпстед-хит, смеялись как сумасшедшие, катались в траве, как молодые любовники. Джеки, Девон, Феликс. По вечерам пили. «Не могу поверить, какой желтокожий этот парень! Посмотри на его кудряшки!» Появившись из кухни с пакетом печенья, она, этак походя, сообщила бедняге Девону, что его отец умер несколько лет назад — утонул. Для Феликса это прозвучало, как лапша на уши. Он помалкивал. В конечном счете, если они и единоутробные братья, то его-то какое дело. У

него свой отец, свои неприятности. Еще и светать не начинало, а она стояла посреди комнаты, словно на сцене, и говорила, как одинока и несчастна была в Англии, в молодости. Феликс никогда прежде такого не слышал, он обнаружил, что хочет ее слушать, хотя прекрасно знал, что она могла изменить историю своей жизни на любой другой рассказ, и он слушал бы его с такой же готовностью. Он хотел ее любить. Он хотел представить себе, как бы жил в Гарви-Хаусе, «плюнув на лавочников из Национального фронта». Она делилась разными теориями заговора. Феликс не прерывал ее. Он хотел быть счастливым. Была одна теория про башни. Про высадки на луне. Про то, что Дева Мария была черной. На планете падает температура. Две тысячи двенадцатый год станет концом света. Словно она провела последние несколько лет в интернет-кафе в разных концах страны, собирала информацию. Девон охотно соглашался с ней по всем пунктам. Феликс, настроенный более скептически, слушал молча, никак не комментировал. Она заплетала волосы в две густых косы, как индеец, на лоб повязывала тонкую золотую ленту. И ты только представь себе: настанет идеальное будущее, в котором не будет ни денег, ни магазинов, только

склады в центре города, а там — все, что тебе требуется. И никаких замков на дверях. Все люди живут вместе без всякой религии. Он знал, что ее глаза горели безумным огнем.

На следующий день она исчезла вместе с банковской картой Феликса, его часами и всеми его цепочками. Два месяца спустя Девон с Кертисом Эйнджером, парнишкой из Килбурна, и пистолетом зашел в ювелирный салон Ханди на шоссе. Улыбнись, тебя снимает камера видеонаблюдения. В девятнадцать его посадили. Этим летом ему исполнилось двадцать три.

— Извините, вы не можете попросить своего приятеля убрать ноги?

Феликс вытащил наушники из ушей. Над ним нависла потная белая женщина на последнем месяце беременности.

— Я бы хотела сесть, — сказала она.

Феликс посмотрел на неподвижного «друга» напротив и решил, что лучше поговорить со вторым. Он подался вперед. Этот парень сидел, откинувшись головой к стеклу, ничего не видя и закрывшись капюшоном, кивал под музыку. Феликс легонько прикоснулся к его колену.

— Эй, братишка… думаю, леди хочет сесть.

Парень вытащил из уха один из громоздких

наушников.

— Что?

— Я думаю, леди хочет сесть.

Беременная натянуто улыбнулась. День был жаркий для такого положения. Феликс посмотрел на нее, и капелька пота скатилась по его носу.

— Да? А ты почему спрашиваешь? Почему ты меня трогаешь?

— Что?

— Почему ты меня спрашиваешь? Почему не она?

— Твой друг положил ноги на ее сиденье, братан.

— Но твое-то какое на фиг дело? Ты почему суешь в это нос? Кого ты назвал братаном? Я тебе не братан.

— Я не хотел…

— Твое-то какое дело? Сидишь — вот и встань на хер.

Феликс попытался защититься, парень махнул рукой перед его лицом.

— Заткнись, кретин.

Второй парень открыл один глаз и тихо рассмеялся. Феликс встал.

— Садитесь на мое место — я выхожу.

— Спасибо.

Феликс видел, как сильно ее трясет, видел, как слезятся глаза. Он посторонился, почувствовал прикосновение влажных рук к своим. Она села. Посмотрела прямо на двоих парней. Проговорила дрожащим голосом:

— Вам должно быть стыдно.

Они подъезжали к «Килбурн-стейшн». В вагоне стояла тишина. Никто не смотрел в их сторону… или смотрели, так быстро стреляя глазами, что заметить взгляды было невозможно. Феликс чувствовал направленную на него огромную волну одобрения, удушающую и ненужную, и, конечно, волну презрения и отвращения, накатившую на парней и отделявшую их от Феликса, от остального вагона, от человечества. Они, казалось, почувствовали это: оба резко встали и поспешили к двери, где уже стоял Феликс. Он услышал неизбежный набор брани в свой адрес. Дверь наконец открылась; Феликс почувствовал толчок плечом и споткнулся на платформе, как клоун. Смех совсем рядом, быстро смолкший. Он поднял глаза и увидел подошвы их кроссовок — они бежали вверх по лестнице через две ступеньки, потом перепрыгнули через турникеты и исчезли.

Косматые кроны деревьев наверху. Живые

изгороди гораздо выше заборов. Каждая трещинка в асфальте, каждый древесный корень. То, как солнце обжигает рекламу колоды карт в честь победы на баскетбольном чемпионате девяносто восьмого года. Стены перед еврейской и мусульманской школами стали выше. Вывеску «Таверна Килбурн» перекрасили: золотые буквы на блестящем черном фоне. Если он поспешит, то доберется до дому даже раньше ее. Лечь в чистой комнате, в хорошем месте. Притянуть к себе ее тело. Начать все заново, с чистого листа.

Перед «Таверной» Феликс увидел Хайфана и Келли, евших картошку с подноса за выносным столиком; оба окончили школу в один год с ним — он лысый, она по-прежнему прекрасно выглядит. Феликс для смеха хлопнул ладонью по ладони Хайфана, поцеловал Келли в щеку, стащил кусочек картошки и, словно танцуя, пошел дальше. «Ты чего такой счастливый?» — крикнула ему вслед Келли, и Феликс, не поворачиваясь, прокричал в ответ: «Любовь, малышка, Л. Ю. Б. О. В. Ь. ЛЮБОВЬ!» Он изобразил развалистую сутенерскую походку и, исчезая плавно за углом, порадовался смеху. Никто не видел, как позади «Таверны» он столкнулся с серыми помойными баками. Он удержался на ногах, опершись рукой

о новую заднюю дверь «Таверны», причудливое цветное стекло и латунные ручки. Деревянные полы, где прежде лежали ковры, настоящая еда вместо чипсов и шкварок. Почти шесть фунтов за стакан вина! Джеки не узнала бы. Может быть, сейчас она стала бы одним из тех изгнанников, кого ремонт выставил из паба на ступеньки букмекерской конторы с банкой «Особого» пива в руке. Может быть, она и не была такой уж плохой. С Ллойдом невозможно понять, где правда, а где чистый яд. Феликс заглянул через окно внутрь: в углу не стало полукабинета с диванами, обитыми бархатом. Того, где он сидел с сестрами, шесть маленьких ножек даже не доставали до пола; они серьезно слушали прощальную речь Джеки. Встретила какого-то нового мужчину, который дал ей ощущение свободы. Белый, жил в Саутгемптоне. В семь лет разве поймешь? Он не знал, что свобода — это нечто такое, что можно чувствовать. Он думал, что свобода — это просто то, что у тебя есть. Он не знал, где Саутгемптон. Он любил отца и не хотел уезжать, чтобы жить с незнакомым белым мужчиной. И только когда разговор почти закончился, Феликс понял, что она вовсе не просит его ехать в Саутгемптон. Два года спустя она появилась в Лондоне со смуглым

младенцем. Она оставила Девона Ллойду и уехала — бог знает куда. Туда, куда уехала.

На Альберт-роуд Феликс пристроился за высокой девушкой в красных джинсах в обтяжку и черной майке на бретельках. У девушки были широкие плечи и квадратное туловище. Мышц у нее было побольше, чем у Феликса, и на ходу эти мышцы работали все вместе, плавно и согласованно, словно руки были прикреплены к спине, к ягодицам и бедрам. Ничуть не похоже на Грейс — Грейс ниже, округлее и мягче. Эта женщина могла подхватить Феликса, пробежать с ним всю дорогу до дома и поставить там на порог, как ребенка. Ее пальцы были унизаны множеством дешевых серебряных колец, усыпанных зелеными камешками, а на одном предплечье виднелась татуировка в виде цветка с длинным извивающимся стеблем. Ее пятки пересохли и потрескались. Из-под воротника майки торчал ярлычок. Не засунуть ли этот ярлычок на место? Струйка пота текла с ее уха по шее, на позвоночник, сползала вниз по отчетливой ложбинке между мышцами правой и левой половины спины. Зазвонил ее телефон. Он ответила, назвала кого-то деткой. Повернула направо. Другая жизнь.

Феликс почувствовал, как кто-то больно вдавил два пальца ему в спину.

— Деньги. Телефон. Живо.

Они подошли справа и слева. Капюшоны подняты, но лица видны. Та самая парочка из вагона. Не намного выше его. И не сильно шире в плечах. Шел седьмой час.

— ЖИВО.

Его принялись толкать, бить кулаками. Он посмотрел на их лица: тот, что сквернословил, был совсем мальчишкой, другой, молчавший, был ближе к Феликсу по возрасту, слишком взрослый для таких глупостей. У него были пепельные руки, как у Феликса, и такой же тускловатый глянец на лице. По его щеке тянулся шрам. Он показался местным, знакомым. Феликс попытался развернуться, но они вернули его в прежнее положение. Он выплюнул длинное изощренное ругательство и посмотрел направо: за четыре дома от него высокая девица вставила ключ в замок и вошла внутрь.

— Слушайте, я ничего вам не дам. Ничего!

Он вдруг оказался на земле. Поднялся на колени, услышал голос одного из них:

— В метро был такой большой человек. А тут совсем небольшой человек.

Вместо страха Феликса вдруг охватила жалость; он помнил времена, когда только это и имело значение: быть большим человеком. Он сунул руку в карман. Пусть возьмут телефон. Пусть они возьмут единственную двадцатку из его кармана, если уж на то пошло. Его не раз грабили, и он знал правила. Когда он был помоложе, это могло ранить его «я»; теперь прежние ярость и унижение прошли — пусть берут все. Все, что для него имело значение, находилось в другом месте. Он попытался рассмеяться, отдавая им свои жалкие ценности.

— Нужно было ловить меня два часа назад, братан. Два часа назад я был богат.

Парнишка посмотрел на него пустым взглядом, его лицо исказилось гримасой ожесточения. Эта маска была ему необходима, без нее он не мог бы делать то, что делал.

— И камешки, — сказал парень.

Феликс прикоснулся к ушам. Его драгоценные циркониевые сережки, подарок Грейс.

— Ты бредишь, — сказал он и снова посмотрел в сторону улицы.

Порыв ветра надул их капюшоны, закрутил в вихре облако платановых листьев, бросил их на землю. Он почувствовал сильный удар в бок.

Удар? Боль разлилась слева, уходя в глубину и вниз, а потом охватила все тело. Теплая жидкость подступила к его горлу. Пролилась на губы. Но пока он мог это назвать, небытие еще не наступило, и он мысленно произнес то, что с ним сделали, попытался сказать вслух, но ничего не сказал. Грейс! На Уиллзден-лейн появился урчащий автобус; в момент, когда перед глазами Феликса мелькнули рукоятка и лезвие, он увидел, как девяносто восьмой еще раз открыл двери, чтобы впустить последнюю душу в его поле зрения — молоденькую девушку в желтом летнем платье. Она бежала, держа высоко над головой билет, словно в доказательство чего-то, успела, вошла и крикнула: «Спасибо!», после чего двери за ней закрылись.

Хозяйка

1. Рыжие косички

В этом месте состоялось событие. Чтобы говорить о нем, нужно говорить в предпрошедшем времени. Кейша Блейк и Ли Ханвелл, главные герои этого события, были тогда девочками четырех лет. Парк, открытый бассейн — в действительности всего лишь мелкий квадратный лоток максимальной глубиной в один фут — был наполнен детьми, которые «брызгались и бесились». Во время события никаких спасателей не было, и родителям приходилось следить за своими чадами во все глаза. «На холме, в Хэмпстеде, у них спасатель есть. А нам ничего». Это была интересная подробность. Кейша — ей уже стукнуло десять, и она проявляла любопытство по поводу напряженных отношений между взрослыми — пыталась проникнуть в смысл услышанного. «Перестань глазеть. Подними ногу», — сказала ей мать. Они сидели на скамейке в обувном магазине на Килбурн-Хай-роуд — Кейше измеряли ногу под скучные коричневые туфли с т-образным ремешком, которые ничуть не отражали

радости, несмотря ни на что, наверняка существовавшей в мире. «У меня Черил сходит с ума в одном углу, Джейден на руках ревет белугой, я пытаюсь следить за тобой, пытаюсь все держать под контролем…» Событие произошло именно в этом многоточии: чуть не утонул ребенок. И все же значение этого события состояло в другом. «Ты поднялась с рыжими косичками в руке. Ты ее вытащила. Ты единственная увидела, что она в беде». После события мать ребенка, ирландка, много раз благодарила Марсию Блейк, и это само по себе было событием. «Я знала, что Полин из тех, на кого приятно посмотреть, но вот поговорить — нет. Она тогда была немного надутая». Кейша не могла ни подтвердить, ни опровергнуть эти слова — у нее не осталось об этом никаких воспоминаний. Однако предзнаменование можно было посчитать подозрительным. Ее знаменитые воля и дар предвидения проявились очень ярко, тогда как Черил уже тогда была неуправляемая и ненадежная. Кроме того, Джейден ко времени события не мог еще родиться — ведь он на пять лет младше Кейши. «Теперь сиди спокойно», — пробормотала Марсия, опуская металлический измеритель к ногам дочери.

2. Плод киви

Время перекуса в беспощадной тишине квартиры Ханвеллов ожидали почтительно. Миссис Ханвелл относилась к этому весьма серьезно и для этой цели имела специальный столик. Трехъярусный, с крутящимися медными колесиками. Столик был слишком низкий, и, чтобы его толкать, приходилось сгибаться в три погибели. «Пользоваться им для двоих не имеет смысла, а когда трое, я уже предпочитаю его выкатывать». Кейша Блейк сидела, скрестив ноги перед телевизором, со своей близкой подругой Ли Ханвелл; они подружились после драматического события. Кейша повернула голову, чтобы проследить движение столика на колесах: она любила поесть и ждала еды сильнее всего на свете. Загораживая собой телевизор от девочек, миссис Ханвелл задала телевизору вопрос: «Кто эти опасные с виду парни в фургоне?» Ли сделала звук погромче. Она показала на блестящие белые волосы Ганнибала в телевизоре, потом на волосы матери в жизни. «С такими волосами ты выглядишь как старуха». Кейша попыталась представить себе, что говорит что-то подобное своей матери. Она уже молча оплакала потерю тарелки с печеньем

и чего-то новенького, того, что было в волосатых коричневых яйцах. Она соединила ноги, готовая встать и отправиться домой. Но миссис Ханвелл не стала кричать или хлестать дочку по щекам. Она только прикоснулась к шапке своих волос и вздохнула. «Они приобрели такой цвет, когда появилась ты».

3. Дырки

Палка заблокировала дверь лифта — в этом и заключался смысл их занятия. Заверещал аварийный сигнал. Вся троица с криками и смехом понеслись вниз по лестнице, потом вверх по склону и дальше через пограничную стену, чтобы усесться на тротуаре на другой стороне. Натан Богл подтянул колени к подбородку, обхватил их руками. «Сколько у вас дырок?» — спросил он. Обе девочки молчали. «Что?» — сказала наконец Ли. «Вон там…» — Он показал пальцем на пах Кейши, чтобы не оставалось сомнений. «Сколько? Вы даже не знаете». Кейша отважилась оторвать глаза от дороги и посмотреть на подругу. Лицо Ли безнадежно покраснело. «Это все знают, — возразила Кейша Блейк, пытаясь напустить на себя смелость, которая, как ей казалось, от нее требовалась. — Если тебе интересно, иди отсюда в жопу

и выясни». — «Ты даже не знаешь», — подытожил Натан, а Ли внезапно вскочила на ноги, лягнула его по лодыжке и крикнула: «Прекрасно она знает!» Она схватила Кейшу за руку, и они побежали назад в квартиру, держась всю дорогу за руки, потому что были лучшими подругами, связанными на всю жизнь драматическим событием, и всем в Колдвелле следовало об этом знать.

4. Неопределенность

Они нашли Черил: она смотрела телевизор и заплетала косу, начав от затылка и продвигаясь ко лбу. Кейша Блейк с порога ошарашила старшую сестру вопросом: сколько всего дырок. Если Черил над тобой смеялась, никакой радости тебе в этом не было. Она смеялась громким безжалостным хохотом, а ужас того, над кем она смеялась, лишь подпитывал ее смех.

5. Философские расхождения

Кейша Блейк жаждала повторить некоторые вещи, которые видела у Ханвеллов. Чашка, пакетик с чаем, потом вода, потом — только потом — молоко. На чайном подносе. Ее мать придерживалась мнения, что если кто-то бывает в чужом

доме так часто, как Ли Ханвелл появлялась в квартире Блейков, то он теряет право называться гостем и к нему следует относиться как к члену семьи со всеми вытекающими правами и обязанностями. Черил придерживалась третьей точки зрения: «Она вечно здесь ошивается. Неужели ей не нравится собственный дом? Почему она вечно роется в моей косметике? Что она вообще о себе думает?»

— Ма, у тебя есть чайный поднос?

— Да возьми и отнеси уже ей. Господи ты боже мой!

6. Некоторые ответы

Кейша Блейк	Ли Ханвел
Фиолетовый	Желтый
Камео, «Калчер клаб», Боб Марли	Мадонна, «Калчер клаб», «Томпсонс Твинс»
Предпочла бы деньги	Быть по-настоящему знаменитой
Майкл Джексон	Харрисон Форд
Никто. Если бы заставляли, то Рахим	Совершенно секретно: Натан Богл
Не знаю	Маргаритки или лютики
Врачом или миссионером	Менеджером
Ли Ханвелл	Кейша Блейк
Окончательный мир в ЮАР	Чтобы не было бомб
Глухой	Глухой
«Ураган»	«Лев, колдунья и платяной шкаф»
«Инопланетянин»	«Инопланетянин»

7. Филе-о-фиш, большая порция картошки фри, яблочный пирог

В Колдвелле считалось, что сантехники хорошо зарабатывают. Кейша не находила этому подтверждения. Либо личное благосостояние

сантехников было мифом, либо ее отец был неумехой. В прошлом она молилась о работе для Огастаса Блейка, но безрезультатно. Сейчас суббота уже переходила на вторую свою половину, а никаких новостей о протечке водопровода или засорении туалета так пока и не поступало. В периоды тревоги Огастас Блейк стоял на балконе и курил «Ламберт энд Батлерс», чем и занимался в этот момент. Кейша не могла сказать, беспокоится подруга как все они, или нет от того, что телефон не звонит. Девочки лежали на животах перед телевизором. Они просмотрели четыре часа утренних шоу и мультики. Все увиденное они по очереди высмеивали и пересказывали Джейдену содержание заранее, но иного способа объяснить друг дружке, почему они должны смотреть то же, что смотрит шестилетний мальчик, у них не было. Когда начались двенадцатичасовые новости, вошел Гас и спросил, где Черил.

— Ушла.

— Ну и дура.

Визги и короткий танец — они пляшут, держась за руки. Хотя Марсия выливает на них ушат холодной воды — «Нужно еще посмотреть, как быстро вы все собираетесь, когда идете туда, где вам нравится», — радость не знает границ,

и всё сходится, чтобы усилить ликование; по пути Марсия не заставляла их говорить с каждой идущей в церковь дамой, а Гас называл Кейшу «мадам номер один», а Ли — «мадам номер два» и не рассердился, когда Джейден побежал вперед к двойным аркам золотистых М.

8. Радиография

Но, возвращаясь домой, они столкнулись с Полин Ханвелл, которая катила из магазина хозяйственную сумку на колесиках. Она и правда напоминала актера Джорджа Пеппарда. Джейден поднял игрушку, прилагавшуюся к «Хэппи Мил», чтобы показать миссис Ханвелл. Миссис Ханвелл игрушку не видела — она смотрела на Ли. Кейша Блейк посмотрела на свою подругу Ли Ханвелл и увидела, как краснота ползет вверх по ее шее. Миссис Блейк спросила миссис Ханвелл, как у нее дела, и миссис Ханвелл сказала, что все прекрасно, после чего переадресовала миссис Блейк ее вопрос, а та ответила ответом миссис Ханвелл. Миссис Ханвелл работала медсестрой общей практики в Королевской бесплатной больнице, а миссис Блейк — патронажной сестрой от больницы Святой Девы Марии в Паддингтоне. Ни одна из них ни в каком смысле не принадлежала

к буржуазии, но обе определенно не считали, что принадлежат к рабочему классу. Со смесью недовольства и гордости они немного поговорили о национальной системе здравоохранения. Миссис Ханвелл похвасталась Блейкам, что проходит переподготовку, после чего будет работать лаборантом-рентгенологом, и Кейша не могла сказать, отдает ли миссис Ханвелл себе отчет в том, что уже говорила об этом несколькими днями ранее, когда они стояли перед мусорными баками. «Да, кстати, Огастас, Колин говорит, что, если вам все еще нужны парковочные талоны для вашего фургона, то он вам поможет». Мистер Колин Ханвелл работал в совете. Его основной зоной ответственности была мотоциклетная безопасность, но у него имелись и некоторые возможности в вопросах парковки. Кейша подумала: сейчас миссис Ханвелл скажет, что идет в «Маркс энд Спаркс», а когда именно это она и сказала, Кейша ощутила незабываемый прилив ощущения собственного всемогущества. Может быть, она и в самом деле могла управлять миром. «Ли, — спросила миссис Ханвелл, — ты идешь?» Время между этим вопросом и ответом воспринималось Кейшей Блейк как время невыносимого напряжения, превосходящее ее способность его

вынести и почти бесконечное.

9. Брошенная

Довольно рано стало ясно, что Кейша Блейк не могла начать что-то и не закончить. Если она забиралась на пограничную стену Колдвелла, то должна была пройти по всей границе, какие бы препятствия ни встречались на ее пути (банки из-под пива, ветки). Это компульсивное побуждение распространялось и на другие области, проявляя себя как «интеллект». Каждое неизвестное слово заставляло ее открывать словарь — в поисках чего-нибудь вроде «пролонгации», — а каждая книга приводила к другой книге, и этот процесс, естественно, не имел завершения. Такие свойства характера ожидаемо приносили ей немало радости, и поначалу и в самом деле казалось, что ее желания и способности в целом соответствуют друг другу. Она хотела читать — не могла противиться этому желанию, — и проблем с этим не возникало, к тому же чтение не требовало больших затрат. С другой стороны, тот факт, что она заслуживает похвалы за такие естественные привычки, ошарашивал девочку, потому что она знала: есть много областей, в которых она фантастически глупа. Не могло ли

то, что другие принимали за интеллект, на самом деле быть только своего рода мутацией воли? Она могла сидеть на одном месте гораздо дольше других детей, не жалуясь, скучать часами, и с удовольствием раскрашивала до последнего уголка книги-раскраски, которые Огастас Блейк иногда ей приносил. Она ничего не могла поделать со своей мутировавшей волей, как не могла изменить форму своих ног или улицу, на которой родилась. Она не умела отделять истинную удовлетворенность от случайной. В мозгу ребенка образовался разрыв между тем, что, как ей представлялось, она знала о себе *по существу*, и ее сутью в том виде, как ее понимали другие. Она начала существовать для других людей, и, если ей кто-нибудь задавал вопрос, на который она не знала ответа, она имела обыкновение обхватывать себя руками и задирать голову вверх, словно вопрос сам по себе был слишком очевиден, чтобы по-настоящему ее заинтересовать.

10. Радио, говори

Совпадение? У совпадений имелись свои ограничения. Конечно, диджей в кухонном приемнике Колина Ханвелла необязательно должен был говорить между песнями. Он необязатель-

но должен был говорить между песнями в тот момент, когда Кейша Блейк входила в кухню Ханвеллов. Это в конце концов ее озадачило. Отец Ли, который сидел за кухонным столом и извлекал горошины из стручков, посмотрел на нее, озадаченный ее озадаченностью.

— Что ты имеешь в виду под «нет никакой музыки»? Это радио четыре. Они только говорят.

Ранний пример максимы: «Правда иногда страннее вымысла».

11. Ну же

Кейше Блейк никогда и в голову не приходило, что ее подруга Ли Ханвелл имеет некий особенный тип личности. Их отношения, как и у большинства детей, основывались на глаголах, а не на существительных. Ли Ханвелл была личностью, желающей и имеющей возможность делать самые разные вещи, которые желала и имела возможность делать Кейша Блейк. Они вместе бегали, прыгали, танцевали, пели, купались, раскрашивали раскраски, подсовывали валентинку под дверь Натана Богла, читали журналы, делились чипсами, украдкой курили сигареты, читали дневник Черил; они написали слово ЖОПА на первой странице Библии, пытались в

магазине видеокассет купить фильм «Экзорсист», смотрели, как проститутка, или блудница, или какая-нибудь девица, сошедшая с ума от любви, отсасывает кому-нибудь в телефонной будке, находили травку Черил, находили водку Черил, брили предплечье Ли бритвой Черил, ходили «лунной походкой» Майкла Джексона, выучили неприличный танец, популяризированный группой «Солт-н-Пепа», и много чего в таком же роде. Но теперь они покидали Квинтонскую начальную и поступали в Брейтонскую общеобразовательную, где у всех, казалось, был свой тип, а потому Кейша смотрела на Ли и пыталась определить очертания ее личности.

12. Портрет

Щедрая личность, широко открытая всему миру, за исключением, вероятно, собственной матери. Перестала есть тунца из-за дельфинов, а теперь и вообще не ест мясо из-за всех животных. Если в Крикливуде ей случалось видеть бездомного, сидящего на земле напротив супермаркета, Кейше Блейк приходилось ждать, когда Ли Ханвелл разогнется, закончив беседу с бездомным, а она не просто спрашивала у бездомного, чего бы ему хотелось, она завязывала с ним настоящий

разговор. Если с собственной семьей она была немногословнее, чем с бездомным, это говорило только о том, что щедрость не являлась неисчерпаемым качеством, а потому стратегически ее следовало использовать там, где в ней нуждались более всего. В Брейтоне она заводила дружбу со всеми без всяких различий и границ, но безнадежные случаи не отчуждали ее от популярных и наоборот, — и каким образом все это регулировалось, Кейша Блейк понять не могла. Часть этой вселенской доброты люди автоматически приписывали Кейше, хотя никто никогда не принимал умственное своенравие Кейши за щедрость духа ее подруги.

13. Гравий

Возвращаясь из школы с девочкой по имени Анита, Кейша Блейк и Ли Ханвелл оказались слушателями страшной истории. Мать Аниты в 1976 году изнасиловал родственник, и этот человек и был отцом Аниты. Его посадили в тюрьму, потом выпустили, но Анита никогда его не видела и не хотела видеть. Часть семьи думала, что ее отец изнасиловал ее мать, часть так не думала. Это было домашней драмой, но еще и разновидностью ужаса, от которого захватывало

дух, потому что никто не мог сказать наверняка, живет или нет насильник (и отец Аниты) на Ю-З и/или наблюдает за ними или нет с какой-нибудь выгодной позиции. Три девочки остановились на усыпанном гравием церковном дворе и сели на скамейку. Анита заплакала, Ли тоже заплакала. Анита спросила: «Как я могу знать, какая моя часть носит в себе зло?» Но для Кейши Блейк родительское наследство мало что значило; она пребывала в глубокой уверенности, что ни в коем случае не является творением своих родителей, а потому и не могла всерьез верить, что и кто-либо другой был их творением. На самом деле несуществующий отец и/или мать были ее навязчивой фантазией, и детские книги, которые она любила больше всего, непременно начинались с обретения главным действующим лицом невероятной свободы после того или иного родительского апокалипсиса. Левой ногой в кроссовке она нарисовала на земле цифру «восемь» и задумалась о двух страницах, которые должна к завтрашнему утру написать о Хлебных законах 1804 года.

14. Этот смутный объект желания

Красно-белая воздушная технология изготовления греческой богини победы. Кейша Блейк

приложила руки к противоударному стеклу магазинной витрины. Отделенная от счастья. Он был повсюду, воздух, бери сколько хочешь, но желание владеть им родилось у нее только теперь, когда она увидела его определенным, извлеченным, сделанным видимым именно таким образом. Вещь бесконечной доступности, помещенная в подошву кроссовки! Невозможно не восхищаться дерзновением. Девяносто девять фунтов. Может быть, на Рождество.

15. «Эвиан»

То же самое достигалось с помощью воды. Когда Марсия Блейк увидела бутылку, спрятанную под пакетом с морковкой, она напустилась на Кейшу Блейк, вытащила бутылку из тележки и поставила на другую полку, рядом с джемами.

16. Новое расписание

— Вот. Он в твоей французской группе. И в театральной.

— Кто он?

— Натан!

— Богл? Да?

— !

— Господи боже, Кейша. Мы же были детьми. Ты иногда такая глупая.

17. Выпускные экзамены

В стене кабинета старшего учителя-консультанта параллели Кейши Блейк были крючки, на которые вешали конфискованные бейсболки и неприемлемую бижутерию. Кейшу Блейк не вызвали для выволочки, она сама пришла обсудить, какие предметы ей стоить выбрать для сдачи экзаменов, хотя до этих экзаменов еще три года. Вообще-то она не хотела обсуждать эти экзамены, просто хотела, чтобы ее заметили как ученицу, которая за три года начинает задумываться о важных вещах в жизни. Она уже собиралась уходить, когда увидела серебряную цепочку, на которой висел крохотный пистолетик, украшенный стразами. «Это цепочка моей сестры», — сказала она. — «Неужели?» — сказал учитель и посмотрел в окно. «Она больше здесь не учится. Ее выгнали». Учитель нахмурился. Он снял цепочку со стены и передал Кейше. Сказал: «Трудно поверить, что вы с Черил Блейк родственники».

18. «Сони уокман» (одолженный)

То, что Кейша могла слышать в наушниках «Рибел Эм-си» и в то же время идти по Уиллзденлейн, было своего рода чудом и современным экстазом; в то же время в дне оставалось очень мало места для таких вещей, как экстаз, или раскрепощенность, или даже простая лень, так как что бы ты ни делала в жизни, ты должна была делать это в два раза лучше других, «чтобы только не оказаться за бортом», — удручающий принцип, которого придерживались одновременно мать Кейши Блейк и ее дядя Джеффри, известный как «талантище», но и как «маргинал».

19. Путешествие в предпрошедшее время

(Иногда Джеффри — он не ходил в церковь — прижимал в углу свою тринадцатилетнюю племянницу и говорил ей нечто маловразумительное. «Поинтересуйся! Поинтересуйся!» — сказал он вчера на свадьбе дальней родственницы Гейл. Кейша могла только предполагать, что он имеет в виду один разговор, случившийся тремя неделями ранее. То есть он имел в виду: «Поинтересуйся, какие методы использует ЦРУ, чтобы

отравлять несчастных черных соседей кокаином, и ты поймешь, что я прав». Как? Где?)

20. Возвращаясь к «Сони уокман»

Тот факт, что две такие разные личности, как ее мать и дядя Джеффри, придерживаются одного мнения, придает этому мнению некоторую значимость. Но, безусловно, никто из вас не будет лишать Кейшу Блейк нынешней радости — возможности размышлять под музыку? Ах, этот уличный саундтрек! Это оркестровое существование!

21. Джейн Эйр

Когда Кейшу Блейк обижают, она считает полезным вспомнить, что, если ты читала соответствующую литературу или смотрела правильные фильмы, то быстро обнаруживала: если тебя обижают, то это практически свидетельствует о твоих высоких личностных качествах, и чем больше свирепствует обидчик, с тем большей вероятностью ему воздастся по заслугам в конце жизни, когда качества, которые свойственны Кейше Блейк — ум, воля к власти, — станут сами себе наградой; и это верно даже в случае, когда

герои книг и фильмов ничуть на тебя не похожи, принадлежат другой социально-экономической и исторической вселенной и, скорее всего, если бы с тобой встретились, поработили, а в лучшем случае обидели бы точно так же, как это сделала Лорна Маккензи, которой не понравилось, как ты себя вела, словно ты лучше других.

22. Вознаграждение

Дальнейшее подтверждение этого принципа можно найти в Библии.

23. «Спектрум», 128 k

На четырнадцатилетие Ли получила в подарок компьютер. Кейша Блейк прочла инструкцию и разобралась, как вводить основные команды, чтобы в ответ на конкретные запросы на экране появлялся текст, словно компьютер «разговаривает» с тобой сам. Один такой запрос они сделали для мистера Ханвелла:

>> КАК ВАС ЗОВУТ?

— Я тут должен набрать это здесь? Чувствую себя дураком.

>> КОЛИН АЛЬБЕРТ ХАНВЕЛЛ

>> РАД С ВАМИ ПОЗНАКОМИТЬСЯ, КОЛИН

— Вот это да! Это ты так сделала, Кейша? Как у тебя это получается? Мне теперь до тебя как до луны. Полин, посмотри-ка. Ты глазам своим не поверишь.

Закончив удивлять Ханвеллов, они устроили персональное развлечение для себя.

>> КАК ВАС ЗОВУТ?

>> ЛИ ХАНВЕЛЛ

>> НЕУЖЕЛИ? ЭТО ПРОСТО ОХУИТЕЛЬНО

24. Число 37

По воскресеньям Кейша Блейк с семьей (минус Черил) посещали килбурнскую церковь пятидесятников, и Ли часто ходила вместе с ними, не потому что была в каком-либо смысле верующей, а просто ее мотивировала описанная выше щедрость духа. Теперь обнаружилась новая политика. Когда они дошли до угла, на котором стоял «Макдоналдс», Ли Ханвелл сказала Кейше Блейк: «Вообще-то я думаю, что могла бы сесть на 37 до Шлюза, посмотреть, чем там дышат». — «Справедливо», — сказала Кейша Блейк. Этим летом предпринималась попытка перемешать

камденские ценности с колдвелскими[39], но Кейшу Блейк мало волновали Бодлер, или Буковски, или Ник Дрейк, или «Соник Юс», или «Джой Дивижн», или парни, похожие на девчонок, и наоборот, или Энн Райс, или Уильям Берроуз, или «Превращение» Кафки, или Сэмюэл Беккет, или Энди Уорхол, или миллион других камденских вещей, а когда Кейша принесла чудесную Мони Лав на семидюймовке, чтобы послушать у Ли на хай-фай, было что-то ужасное в том, как Ли покраснела и согласилась, что вообще-то ничего, вероятно, под это можно танцевать[40]. Из общего у них оставался только Принц, но они подустали и от него.

25. Vivre sa vie[41]

Неожиданное и резкое расхождение их вкусов потрясло Кейшу, и она продолжала считать, что новые вкусы Ли были жеманством, не имеющим никакого отношения к ее личности и в основном

---

[39] notes: 39

Камден — один из фешенебельных районов Лондона, тогда как вымышленный Колдвелл — район бедноты.

[40] notes: 40

Мони Лав — английская исполнительница в жанре рэпа.

[41] notes: 41

Жить своей жизнью (*фр.*).

предназначенным для того, чтобы позлить самую верную подругу. «Брякни мне потом», — сказала Ли Ханвелл и запрыгнула в открытую заднюю дверь автобуса. Кейша Блейк, чьи знаменитые сила воли и целеустремленность почти не оставляли в ней места для беспокойства, проводила взглядом подругу (та сегодня наложила новый макияж под названием «панда», на что у нее ушла mauvais quart d'heure[42]), которая поднялась на второй этаж автобуса; Кейша задумалась: а есть ли у нее вообще какая-нибудь личность, а не запас и отражение всего, что она прочла в книгах и видела по телевизору?

26. Относительное время

Сочетание целого ряда факторов (скромная одежда, раннее физическое созревание, очки) привело к тому, что Кейша Блейк выглядит значительно старше своих лет.

27. 50 мл водки

Вместо того чтобы стать известной как «личность», Кейша Блейк стала теперь опосредованно

---

[42] notes: 42
Добрая часть часа (*фр.*).

популярной, как функция. Она часто покупала алкоголь людям, которые считали, что выглядят слишком молодо, чтобы покупать спиртное самим, и иррациональная вера в «талант» Кейши в этой области стала реальностью, когда, подкрепленная верой в ее безотказность, он сама уверовала в себя. И все же покупка алкоголя для Ли казалась ей делом странным. «У бутылки должен быть размер, чтобы влезала в мой задний карман». — «Почему?» — «Потому что там толпа в две сотни человек, и там не послоняешься с бокалом вина». Поскольку событие, о котором шла речь, было назначено на позднее время, Ли сначала пришла в комнату Кейши Блейк, потусоваться там, выпить и поболтать, пока не придет время уходить. Возможно, она встретит кого-нибудь с челкой до глаз и займется сексом. «Я вчера в кафешке видела Натана», — сказала Кейша. «Господи боже, Натан», — ответила Ли Ханвелл и открыла окно, чтобы покурить. Ли выпила еще немного и долго крутила верньер приемника в поисках пиратской станции, которую так и не нашла. Около десяти вечера Ли Ханвелл сказала: «Не думаю, что женщины могут быть по-настоящему красивы. Думаю, они могут быть так привлекательны, что тебе захочется потрахаться с ними,

в них влюбиться и всякое такое, но думаю, что по-настоящему красивы могут быть только мужчины». — «Ты так думаешь?» — сказала Кейша и спрятала свое смущение, присосавшись к кружке с чаем. Она вовсе не была уверена, что знает, кто имелся в виду под местоимением второго лица.

28. Кролик

Накануне шестнадцатилетия Кейши Блейк в коридоре перед дверью ее квартиры оставили подарок. Рисунок оберточной бумаги представлял собой повторяющихся без конца бабочек. На неподписанной открытке было выведено: РАЗВЕРНУТЬ БЕЗ ПОСТОРОННИХ, но почерк выдавал руку ее хорошей подруги Ли Ханвелл. Она удалилась в туалет. Вибратор, неоново-розовый с вращающимися шариками на гигантском конце. Кейша сидела на опущенной крышке унитаза и производила стратегические расчеты. Завернув фаллоимитатор в полотенце, она спрятала его в комнате, которую делила с Черил, потом вынесла коробку с оберткой во двор к мусорным бакам у парковки. Следующим утром, в субботу, она начала демонстрировать признаки наступающей простуды, а в воскресенье объявила о сильном кашле и болях в желудке. Мать придавила ей

язык ложкой и сказала: жаль, потому что пастор Акинванде собирается говорить на тему Авраама и Исаака. Кейша с балкона не без сожаления проводила взглядом семью в церковь: ее искренне интересовала тема Авраама и Исаака.

29. Кролик, беги

Но она уже некоторое время как решила про себя, что они принадлежат к иному виду верующих, чем ее мать, а потому может изредка позволять себе антропологические греховные приключения. Она вернулась в комнату, лишила будильник и калькулятор батареек. Она не стала использовать для создания настроения свет, тихую музыку или ароматизированные свечи. Не стала раздеваться. Три минуты спустя она открыла три вещи, прежде ей неизвестные: что такое вагинальный оргазм, в чем состоит отличие между вагинальным и клиторальным оргазмом, а также узнала о существовании выделяемого ее телом вязкого вещества, которое пришлось потом смывать с ребер вдоль вала вибратора в маленькой раковине в углу комнаты. Фаллоимитатор пробыл у нее недели две, но она за это время регулярно им пользовалась, иногда по несколько раз в день, нередко не моя его после,

и всегда делала это деловито, словно поручая работу кому-то другому.

30. Добавленная стоимость, шизофрения, созревание

«Вот так мы должны продолжать», — сказала Лейла и пропела новую ноту, а Кейша сделала запись. — «Примеры для подражания, — запела Лейла в новом регистре, — несут истину, несут свет». — Кейша сделала еще одну запись. «Злу говорят «нет», — сказала Лейла, потом повторила те же слова, но пропела их как мелодию, и Кейша кивнула и сделала еще одну запись. Лейла была по-настоящему музыкальная и имела красивый голос. Ее мать была широко известной певицей в Сьерра-Леоне. Кейша петь не умела, а на флейте играла очень плохо. Она научилась музыкальной грамоте за несколько недель, используя взятые в церкви фортепианные ноты. Кейша легко справилась с этим, как легко справлялась со всем, что имело символы и/или обозначения; она не знала, почему оно должно быть так или что обозначает эта способность, или почему ее сестра Черил не одарена подобным же образом, или что ей с этим делать, или что представляет собой «это», существительное оно или глагол,

имеет ли оно вообще какую-нибудь материальную составляющую за пределами ее мозга. Две девушки сочиняли песню для группы прихожан-детей до двенадцати лет, которые по четвергам собирались после службы в задней комнате. Они были добрыми друзьями, Кейша и Лейла, хотя и не такими близкими, как Кейша и Ли, поскольку их не связывало никакое драматическое событие, хотя, по разумению церкви, они естественным и неизбежным образом составляли одно целое. «Задавать тон», — пропела Лейла. Кейша сделала пометку. Она чувствовала на руках запах собственной вагины. Теперь Лейла перешла на обычную речь: «Или что-то типа «“Сестрам опять тон задавать”». Кейша сделала еще запись, поставила скобки, чтобы не забыть: это еще не стихи, высеченные в камне. Если это «таланты» — способность петь или быстро понимать и воспроизводить музыкальную нотацию — то что тогда вообще «талант»? Удобство? Дар? Выигрыш? Награда? За что? «Мы следуем за истиной, мы следуем за светом!» — пропела Лейла то, что уже было высечено в камне в музыкальном и поэтическом смысле. Когда Кейше стало нечего записывать, она заволновалась. На противоположной стене комнаты висело зеркало. Две

восхитительных молодых сестры, которым матери все еще заплетали косички, сидели на краю импровизированной сцены, одна пела, а другая преобразовывала музыку в ее — музыки — тень: музыкальную нотацию. Вот ты. Вот она. Она реальна. Ты подделка. Посмотри внимательнее. Отвернись. Она постоянна. Ты выдумываешь себя на ходу. Она никогда не должна узнать. «А потом отсюда и досюда», — пропела Лейла, она пела эти слова и таким образом выдавала инструкции для нотной записи. Кейша сделала запись.

31. Разрешение войти

Хотя их было пятеро, Блейки занимали квартиру с тремя спальнями и одной ванной, и только у младшего, Джейдена, была своя комната. Насколько понимала Кейша, для ее брата личное пространство не имело никакого значения: ему исполнилось одиннадцать, и он имел обыкновение дома ходить нагишом; но что касается ее самой, то приватность была необходимостью с каждым днем все более насущной, а появление фаллоимитатора навело ее на мысль вернуться к старому разговору с матерью.

— Это право человека! — воскликнула Кейша Блейк. Выпускной экзамен по истории, раздел

Б16: «Американское движение за гражданские права». Раздел Д5: «Чартисты».

— Если случится пожар, ты сгоришь в своей комнате, — сказала ей мать. — Это Черил придумала? Если кто хочет иметь замок, ему есть что скрывать.

— Если кто хочет иметь замок, он хочет, чтобы соблюдалось его базовое право человека, право на личное пространство. Можешь проверить, — сказала Кейша, хотя на сей раз и не с такой страстью, встревоженная тем, что ее мать, находящаяся в плену материнских клише, так точно сразу прозрела истину.

Она ретировалась в свою комнату и подумала об Иисусе, еще одной глубоко благочестивой персоне, не признававшейся благочестивой той разновидностью людей, пребывающих в плену клише, которые называли себя благочестивыми, хотя, справедливости ради, нужно сказать, что эти люди тоже иногда бывали благочестивыми на свой собственный необразованный манер, но только случайно и только чуть-чуть.

32. Разница

Клиторальный оргазм — это локализованное явление, ограниченное клитором. Парадоксаль-

ным образом прямая стимуляция клитора далеко не всегда приводит к его возбуждению, а вызывает боль и раздражение, а иногда сильную скуку. Одновременные энергичные и круговые манипуляции с клитором и малыми половыми губами с помощью руки — наиболее прямой способ. Результирующий спазм пронзителен, в высшей степени приятен, но короток, как мужской оргазм. На женский вопрос, что предпочтительнее, клиторальный или вагинальный оргазм, Кейша давала неопределенный ответ. С таким же успехом можно спросить, какой цвет предпочтительнее: голубой или зеленый.

Вагинальный оргазм может быть вызван проникновением, но еще и простыми короткими движениями таза назад и вперед, сопровождаемыми мыслями о чем-нибудь интересном. Последний способ особенно эффективен в автобусе или в самолете. Похоже, существует небольшой участок эрегируемой плоти (размером с десятипенсовик — на полпути вагинального канала со стороны, ближайшей к пупку), который возбуждается этим «раскачиванием», но является ли этот участок точкой G и становится ли он источником невыносимо сладостных ощущений, Кейша Блейк не могла ни подтвердить, ни опро-

вергнуть. Каким бы способом он ни достигался, примечательными в вагинальном оргазме были его продолжительность и глубина. Он ощущается как серия спазмов, словно сама вагина открывается и закрывается, как кулак. Возможно, так оно и происходит. Но является ли испытываемое чувство тем, что называют «множественный оргазм», Кейшей Блейк также осталось невыясненным, хотя для невзыскательных направлений изучения женских особенностей характерно принимать «смыкание кулака» за оргазм как таковой. Возможно, это была просто феноменологическая проблема. Если Ли Ханвелл говорила, что цветок голубой, и Кейша Блейк говорила, что цветок голубой, то как они могли быть уверены, что под словом «голубой» они подразумевают один и тот же феномен?

33. Свидетель обвинения

Марсия обнаружила подарок Ли во время очередного обыска. Вообще-то повод для таких обысков дала Черил — она стала исчезать по пятницам и возвращаться в понедельники, — и Кейше было бы проще просто добавить фаллоимитатор к уже и без того уничтоженной репутации старшей сестры. Не в силах далее смотреть на Марсию,

размахивающую пластиковым пакетом, Кейша Блейк бросилась лицом вниз на кровать и начала притворно плакать, но в ходе этого действа вдруг поняла, что ее раздирают противоречивые чувства: она не могла свалить вину ни на Ли, ни на сестру, но в равной степени не могла вообразить и второй вариант, который так ясно перед ней открывался: информирование о находке отца. Кейша Блейк прикидывала и так, и сяк, но выхода не видела, и вот тогда она, вероятно, впервые в жизни призадумалась о самоубийстве.

— Только не говори, что ты сама купила эту гадость, — сказала мать, — потому что я и представить себе не могу, где ты могла достать деньги.

В ходе допроса Марсия перебрала большинство соседских девочек, прежде чем пришла к довольно болезненному варианту в лице Ли (которую любила) и увидела на лице дочери подтверждение.

34. Разрыв

За этим последовало прекращение отношений между Ли Ханвелл и Кейшей Блейк, на котором настояла Марсия, затем наступило охлаждение, в котором нельзя было винить одну Марсию. Им стукнуло по шестнадцать. Этот период длился

полтора года.

35. Ангст!

В отсутствие Ли — в школе, на улице, в Колдвелле — Кейша Блейк чувствовала себя как улитка, которую вытащили из раковины. До разрыва она не замечала, что положение «подруга Ли Ханвелл» представляло собой нечто вроде паспорта, давало Кейше защищенный доступ в большинство ситуаций. Теперь она оказалась низведенной в концептуальное царство «церковных детей», большинство которых были нигерийцами или какими-то другими африканцами и не разделяли антропологическое любопытство Кейши Блейк применительно к греху или ее любовь к рэпу. Детям из ее прошлого, считала Кейша (бог знает, справедливо или нет), она казалась аномалией, а для рейверов и инди она (в чем у нее не было никаких сомнений) представляла собой изгоя самого неприемлемого сорта. Кейше Блейк не приходило в голову, что такое ощущение отчужденности есть распространенная, совершенно тривиальная судьба молодых людей. Она считала, что подобная доля выпала ей одной, и не будет преувеличением сказать, что ей не удавалось представить себе никого, кроме разве что Джейм-

са Болдуина[43] и Иисуса, кто испытывал бы такие полные изоляцию и одиночество, которые, как она теперь знала, и являются единственной и подлинной реальностью этого мира.

36. Враг твоего врага

Следует признать, что разрыв Кейши Блейк с Ли Ханвелл намечался давно, и Марсия только искала удобный случай. Разрыв совпал с возникшей проблемой секса, которую в любом случае больше нельзя было игнорировать. Простой запрет дал бы обратные результаты — они уже обожглись с Черил, которая в свои восемнадцать находилась на седьмом месяце беременности. Миссис Блейк нашла элегантное решение: подтолкнула дочку навстречу Родни Бэнксу. В тот момент, когда Кейша уже готова была взорваться, из нее вытащили детонатор. Родни жил на том же этаже, ходил в ту же школу. В церкви он был одним из карибских детей. Его мать Кристина была близкой подругой Марсии. «Ты должна обратить внимание на Родни, — сказала мать, подавая Кей-

[43] notes: 43

Джеймс Артур Болдуин (1924–1987) — американский писатель афроамериканского происхождения, активный борец за права человека, последователь Мартина Лютера Кинга.

ше Блейк кухонное полотенце для посуды. — Он похож на тебя, всегда с книгой». Именно по этой причине Кейша всегда настороженно относилась к Родни и старалась его избегать (насколько то было возможно в таком месте, как Колдвелл), исходя из соображения, что тонущему в последнюю очередь нужен другой тонущий, который начнет хвататься за первого, чтобы остаться на плаву.

38. С другой стороны

Нищие не выбирают.

39. Чтение с Родни

Кейша Блейк сидела на кровати Родни Бэнкса, подвернув под себя ноги. Роста в ней было уже пять футов восемь дюймов, тогда как Родни перестал расти предыдущим летом. Чтобы быть христианкой по отношению к Родни Бэнксу, Кейша Блейк в большинстве случаев пыталась сидеть. У Родни на руках был взятый в библиотеке сокращенный вариант скандально известной книги Альберта Камюса. И Кейша Блейк, и Родни произносили «Т» и «С» в его имени, не зная, как правильно — таковы уж недостатки самообразования. Родни Бэнкс читал текст вслух, делая

по ходу собственные скептические замечания. Он называл это «подвергать веру испытанию». Священники любили рекомендовать своей юной пастве такой силовой подход, хотя при этом пастор вряд ли имел в виду Альбера Камю. Родни Бэнкс своим округлым кротким лицом несколько напоминал Мартина Лютера Кинга. Когда он высказывался по какому-то заинтересовавшему его соображению, он делал на полях незаконную маленькую заметку, а Кейша и читала ее, и пыталась восхищаться. Она с трудом сосредоточивалась на книге, потому что была крайне озабочена мыслью о том, когда и как начнется агрессивный петтинг. Это случилось в прошлую пятницу и в пятницу перед прошлой, но оба раза она до самого последнего момента не подозревала, что это произойдет, поскольку они оба почему-то не могли затронуть эту тему вербально или перейти к действиям естественным путем. Вместо этого она оба раза исступленно бросалась на Родни и надеялась на ответную реакцию, которую, так или иначе, получала. «Мы приобрели привычку жить, прежде чем приобрели привычку думать», — прочел Родни, потом сделал у этого предложения замечание: «И что (ложный аргумент)?»

40. Рампол[44]

Период охлаждения между Кейшей Блейк и Ли Ханвелл совпал с выпускными экзаменами, и со стороны Кейши Блейк решение было отчасти прагматическим. Ли Ханвелл к тому времени почти каждый уик-энд принимала популярный клубный амфетамин экстази, а Кейша сомневалась, что может вести такой образ жизни и в то же время сдавать экзамены, которые, как она начала понимать, сыграют важную роль в ее жизни. Это понимание пришло отчасти благодаря усилиям приходящего консультанта по профориентации. Читатель, обрати внимание. Молодая женщина с Барбадоса, начинающий специалист, оптимистичная. Имя не имеет значения. Родни произвел на нее особенное впечатление, она восприняла его серьезно, слушала, когда он говорил о законе. Откуда у Родни Бэнкса появилась сама мысль о законе, сказать было трудно. Его мать работала в школьной столовой. Отец водил автобус.

---

[44] notes: 44
Имя главного героя английского телесериала «Судья Рампол».

41. В скобках

(Гораздо позднее, когда Кейша Блейк предприняла долгую прогулку по Северо-Западному Лондону, ей пришла в голову мысль, что молодой человек, которого она превратила в забавный анекдот для рассказывания за столом на вечеринках, во многом был чудом самосочинительства — молодой человек с огромной силой воли, во много раз превосходящей ее собственную.)

42. Хорошее место / без места

Барбадоска сказала Кейше Блейк и Родни Бэнксу, что они должны составить план. Все трое знали, что у Марсии Блейк есть собственный план: поступление на одногодичные курсы администрирования бизнеса в Академии Колза, которая представляла собой лишь коридор с несколькими кабинетами над старым «Вулвортсом» на Килбурн-Хай-роуд. Мошенническая контора, совершенно неизвестная, в которой удаленно преподавал какой-то знакомый пастора Акинванде по Найроби.

43. Против

Консультант по профориентации с Барбадоса выбрала для Кейши Блейк и Родни Бэнкса пять учебных заведений — пять одних и тех же заведений, поскольку они решили, что не хотят разлучаться, — и показала, как заполнить необходимые формы. Она написала Марсии от имени Кейши. Это не будет ничего стоить. Она получит полный грант от совета. Там есть церковь. Метро подходит прямо до места, она будет в безопасности, она будет не одна. Кейше Блейк посоветовали вести эту кампанию убеждения на протяжении всей зимы. Родни было велено делать то же самое по отношению к своей матери Кристине. Кейша не ожидала, что эти кампании увенчаются успехом. Марсия бывала в «этой деревне» и не считала ее безопасной средой обитания, она предпочитала Лондон, где, по крайней мере, понятно, чего следует опасаться. Потом в апреле этого «несчастного беззащитного мальчика» (Марсия неизменно так его называла) зарезали на автобусной остановке в Этаме, на него набросилась «стая зверей». Кейша Блейк, Марсия Блейк, Огастас Блейк, Черил Блейк и Джейден Блейк собрались у телевизора и смотре-

ли, как после оправдательного приговора белые парни выходят из здания суда, показывая кулаки фотографам. Тело мальчика увезли на Ямайку и похоронили в приходе Марсии.

44. Невозвращение в Брайдсхед

Входная дверь была заперта. Родни прошел прямо в спальню Кейши и Черил Блейк и сказал: «Где оно?», а Кейша ответила: «На кровати». А Родни сказал: «Я хочу посмотреть», и Кейша показала ему странное письмо с печатью и сказала: «Но если ты не поедешь, то и я не поеду», а Родни сказал: «Дай прочту», и Кейша сказала: «Это только приглашение на собеседование. Я не собираюсь ехать. И в любом случае это, наверное, стоит кучу денег», Родни сказал: «Если тебя примут, то за обучение заплатит правительство. Ты разве этого не знаешь?», а Черил сказала: «Вам обоим лучше заткнуться, ребенок спит!», а Кейша сказала: «Я даже не хочу туда ехать!», но Родни сказал: «Я могу его прочесть, бога ради?!», а когда прочел, больше не стал об этом говорить, и Кейша Блейк тоже не стала. Тем вечером они пошли в кинотеатр в районе Суисс-Коттидж посмотреть фильм о мужчине, который одевался как женщина, чтобы присматривать за своими детьми, мысли Кейши

витали далеко, а потому она не поняла, зачем ему это было нужно.

45. Экономика

Собеседования в Манчестере были назначены между 10 и 11 утра. Чтобы добраться до Манчестера с лондонского вокзала Юстон, нужно сесть на поезд, который отходит задолго до половины десятого. Билеты на такой поезд туда и обратно стоят сто тридцать фунтов. Подобная — даже более затратная — проблема исключала поездку и в Эдинбург.

46. Пауза ради абстрактной мысли

В семьях по всему свету, на многих языках это предложение обычно сводится к форме: «Я больше не знаю тебя». Оно всегда там, прячется в каком-нибудь укромном уголке дома, выжидает. То в стопке чашек, то между компакт-дисками или в каком-либо другом окончательном выражении. «Я больше не знаю тебя!»

47. Еще одна пауза

В популярных научных журналах приводится

биологический пример регенерации клеток. Много лет спустя после событий, о которых идет речь, за обедом в ее собственном доме философ, сидевший справа от нашей героини, попросил провести мыслительный эксперимент: что было бы, если бы твои мозговые клетки одна за одной заменялись клетками другого человека? В какой момент ты бы перестала быть самой собой? В какой момент ты стала бы тем другим человеком? Его дыхание пахло отвратительно. Он положил на ее колено руку, которую она не скинула, потому что не хотела устраивать скандал в присутствии его жены. Миссис Блейк к этому времени стала женщиной удивительно примерного поведения. Седоволосая жена философа была королевским адвокатом. Философ с его блестящим умом пришел к выводу, что она слишком стара, чтобы оставаться его женой. И тем не менее.

48. Встреча жителей

На встрече комитета жителей Колдвелла — на которой Ли и Кейша, принужденные к этому родителями, были единственными пришедшими молодыми людьми — Кейша увидела свободное место рядом с Ли, но не пошла туда. В конце концов, она попыталась улизнуть незаметно,

но Ли Ханвелл громко окликнула ее через всю комнату, Кейша повернулась и увидела знакомое открытое улыбающееся лицо, на которое никак не повлияла попытки Кейши Блейк мысленно его ошельмовать.

— Привет, — сказала Ли Ханвелл.

— Ага, — сказала Кейша Блейк.

Они поговорили о скуке, царившей на встрече, о ребенке Черил, но другие темы не могли долго оставаться под спудом.

— Что ты думаешь про Манчестер? Ты видела Майкла Константину? Вы приезжали на собеседование в один день. Но он хотел заниматься медиаведением.

— Мы туда больше не собираемся, — сказала Кейша Блейк. Она намеренно подчеркивала множественное число местоимения. — Либо в Бристоль, либо в Гулль.

— Я вижу Родни на истории. Он все время молчит.

Кейша, восприняв это замечание как личное оскорбление, начала жестко защищать Родни. Ли, казалось, смутилась и принялась теребить три колечка в верхнем хрящике своего уха.

— Нет, я только говорю, что у него нет вопросов, он и без того все знает. Вы двое пройдете — тут

и вопросов нет. У тебя, по крайней мере, такой козырь, как C по математике. У меня-то U. Многие даже и не смотрят на твои пятерки, если ты провалила математику[45]. Я в этом вообще не секу.

Кейша попыталась дать задний ход, смягчить свою чрезмерную реакцию, предложив старой подруге Ли Ханвелл заниматься вместе с Кейшей и ее новым бойфрендом.

— Думаю, мне просто нужно заставить себя и сосредоточиться. Все будет в порядке. Но буду рада с тобой повидаться до переезда. Полин в восторге. Мне все равно, так или иначе, к сентябрю окажусь в Эдинбурге — мы за это молимся. Она ведет себя так, будто сделала мне огромный подарок. Новая жизнь. «Практически это Мейда-Вейл. Лучше поздно, чем никогда, я думаю»[46].

Последние два предложения она произнесла голосом Полин.

---

[45] notes: 45

По шестибалльной английской системе оценок знаний школьников «A» — отлично, «C» — удовлетворительно, «U» — крайне низкие знания.

[46] notes: 46

Мейда-Вейл — один из кварталов Лондона. Преимущественно жилой квартал, застроенный многоквартирными домами в конце XIX — начале XX века.

49. Мобильность

Ханвеллы переезжали в коттедж. Практически в Мейда-Вейл. Кейша уже знала обо всем этом от Марсии: общий сад, три спальни. Что-то под названием «кабинет».

50. Родни пишет заметку

«Наша исключительность: мы живем в век сравнения» (Ницше).

51. Под прикрытием

Родни Бэнкс не становился зачинщиком хаоса в классе и помалкивал; это сочетание делало его невидимым. Кейша Блейк спросила, почему он никогда не разговаривает с учителями. Он ответил, что это стратегия. Он, как и Кейша, любил стратегии. Стратегии были одной из тех вещей, что их объединяли. Хотя следует отметить, что их стратегии строились на совершенно разных принципах. Кейша хотела очарованием добиться того, чтобы ее пропустили через парадную дверь. Родни намеревался незаметно проскользнуть через заднюю. Бэнкс пометил столько страниц

в макиавеллиевском «Государе», что книга превратилась в желтый монолит, и не вернул ее в библиотеку. «Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это бдительно так рубежи охранять меня заставляет»[47]. Он, казалось, повсюду носил с собой эту книгу вместе с Библией — сочетание, в котором он не видел противоречия.

52. Нирвана

Ли наверняка сидит у себя в комнате, сжимает в руках его фотографию, плачет. Кейша обнаружила, что ей не удается подавить чувство удовольствия, которое она испытывала, воображая такой сценарий. Потом в середине новостного репортажа Марсия сообщила нечто невероятное, ссылаясь на доктора в клинике как источник, и на следующее утро Кейша отправилась напрямик в библиотеку, чтобы провести расследование. Она пришла в ярость, когда обнаружила, что, статистически говоря, хвастовство Марсии справедливо: *наши* соплеменники практически никогда этого не делают.

---

[47] notes: 47

Макиавелли в «Государе» приводит слова царицы Дидоны из «Энеиды» Вергилия (перевод С. Ошерова).

53. Паритет

К июлю Ли Ханвелл и Кейше Блейк предложили места в университете. У обеих были любовники. (Любовник Ли играл на контрабасе в оркестре под названием «Нет-нет, никогда».) Оба университета и любовники относились к одному стандарту, несмотря на множество различий между ними. Обе девочки выросли и стали приличными женщинами, не имеющими серьезных проблем с физическим или душевным здоровьем. Обе не испытывали ни малейшего интереса к загару. Ли планировала провести большую часть последнего лета в С-З под тенью дуба в Хэмпстед-Хит на пикниках, и чтобы там было много друзей, алкоголя и немного травки. Она все приглашала Кейшу, которой хотелось пойти. Но Кейша работала на неполную ставку в пекарне на Килбурн-Хай-роуд, а если была не в пекарне, то в церкви, или помогала Черил с ребенком. В пекарне платили двадцать пять фунтов в час. Ей приходилось надевать предписанные туфли без каблука с круглым носком и толстой подошвой и халат в бело-коричневую полоску с поварским колпаком на резинке в нижней части, под которую нужно было убирать все пряди. Резинка

оставляла полоску на лбу. Ей приходилось мыть формочки для круассана и выскребывать сахарную пудру для пышек, которая накапливалась в тоненькой щели между стеклом и прилавком. Ей приходилось делать и всякую другую неприятную работу. Она думала, что это лучше работы в магазине одежды, но в конечном счете даже ее огромная любовь к булочкам с сосиской и булочкам с глазурью не могла победить отвращения. В ящике у Кейши лежал университетский проспект, и во время обеда она часто неторопливо перелистывала его глянцевые страницы.

Каждую вторую субботу она работала полдня, и несколько раз ей удалось ускользнуть одной в Хит. Родни не нравился Хит, и говорить ему об этом не имело смысла, потому что это только привело бы к вопросам о двух разных счетах, пользование которыми теперь вошло у Кейши в привычку. На одних счетах она размещала Родни, Марсию, брата и сестру, церковь и самого Иисуса Христа. На других счетах Ли валялась в высокой траве, пила сидр и спрашивала свою хорошую подругу Кейшу Блейк, использовала бы она возможность убить П. В. Боту[48], если бы

[48] notes: 48

Питер Виллем Бота (1916–2006) — южноафриканский политический и государственный деятель времен апартеида.

тот вдруг оказался рядом с ней. «Я не способна на убийство», — возражала Кейша Блейк. «Все способны на всё», — настаивала Ли Ханвелл.

54. Дальнейшее образование

Осенью Кейша Блейк и Родни Бэнкс начали по рекомендации пастора посещать церковь Святого Духа на окраине Бристоля, идентичную церкви пятидесятников в Килбурне. Большинство знакомств, которыми они обросли, было заведено в первый семестр, их новыми знакомыми стали разные приветливые люди лет шестидесяти-семидесяти. Среди сверстников они были менее популярны. Родни оставлял церковную литературу под каждой дверью в коридоре Кейши; после этого их стали избегать другие студенты, а Кейша и Родни, в свою очередь, стали избегать их. Точек соприкосновения, казалось, не существовало. Студенты устали от вещей, о которых Кейша даже не слышала, и пребывали в ужасе от единственной вещи, которую она знала хорошо: Библии. По вечерам Родни и Кейша сидели по концам небольшого стола в комнате Кейши и готовились, как они готовились к школьным экзаменам: с наушниками в ушах и переписывая все от руки сначала в черновики, а потом в

чистовики — привычка, которую они приобрели в воскресной школе. В подвале общежития Кейши располагался новый компьютерный центр, который мог бы облегчить им жизнь: в первую неделю они отправились туда на разведку. Парень в шляпе с широкими полями, с которых свисал кожаный ремешок, играл в «Doom»: проход, ведущий в темный коридор, снова и снова открывался и закрывался. Остальные либо занимались программированием, либо отправляли письма по какой-то древней внутриуниверситетской электронной почте. Кейша Блейк через плечо бросила взгляд на экран, на котором, как ей показалось, царил хаос.

55. Первый визит Кейши

Их материальные обстоятельства сильно разнились. Кейша обитала в безликом спальном корпусе, построенном в шестидесятые. Ли — в одном из типовых домиков девятнадцатого века с недействующим камином в каждой комнате и девятью другими обитателями. Вместо гостиной — «комната отдыха». Огромные колонки, отсутствие дивана. В первую ночь Кейша не ждала гостей, да и юбки, подходящей для сидения в кресле-мешке, у нее не было. Громкое техно — или

что это была за музыка — превращало разговор в адский труд. Все были белыми. Ли держала речь и не давала холодильнику захлопнуться, благодаря чему на кухне стоял холод. Дверца холодильника давно была открытой. И, казалось, она забыла, по какой причине.

— Слушай, скажем, ты Эйнштейн, и ты думаешь, минута за минутой, и вдруг тебя посещает великая мысль о природе вселенной или еще о чем-то таком. И вот *эта* мысль, она не как другие моменты, потому что, хотя ты и думала в нормальном времени, сама мысль главным образом о природе вселенной, которая вроде как бесконечна. И Кьеркегор называет это «мгновение». Оно не принадлежит обычному времени, как другие мысли. Такого много. Приходится щипать себя на занятиях. Типа: что это я тут делаю со всеми этими умниками? Не сделал ли кто-то где-то ошибку?

Кейша положила немного хумуса на питу и посмотрела в расширенные глаза подруги.

— Я когда-то думала заняться философией, — сказала Кейша, — но потом узнала про всю эту математику.

— Нет там никакой математики, — сказала Ли.

— Правда? А я думала, там математика.

— Нет, — сказала Ли и отвернулась от Кейши, чтобы достать наконец бутылку пива. — Никакой математики.

Парень, который спал с Ли, тоже был какой-то неловкий. Если ему не задавали вопросы о нем или о его короткометражках, он умолкал и смотрел в пространство перед собой.

— О скуке, — объяснил он.

— Это, похоже, интересно, — сказала Кейша Блейк.

— Нет. Напротив. Эта вечеринка, на которой столько интересных людей, идеальный пример. Она абсолютно неинтересна.

— Вот как?

— Они в основном все скучные. Это единственное, что осталось. Нам всем скучно. Разве тебе не скучно?

— В юриспруденции есть много всякого, требующего скучного запоминания. Как и в медицине.

— Я думаю, мы говорим о разных вещах, — сказал парень, который спал с Ли.

56. Семейная любовь

Зазвонил телефон в общем коридоре. Родни кивнул. Кейша встала. Звонили в основном Родни или Кейше — либо Марсия, либо Кристина, и они

подходили к телефону по очереди. Во многом они походили на брата и сестру, если не считать того факта, что иногда занимались сексом. Секс был вещью приятной и знакомой, без всяких намеков на эротику или вагинальные и клиторальные оргазмы. Родни был осторожным молодым человеком, его мысли были заняты кондомами, страхом перед беременностью и болезнью. Когда он наконец позволил Кейше секс, этот переход оказался чисто техническим. Она не узнала ничего нового ни о Родни, ни о его теле, только кучу фактов про кондомы: их относительную эффективность, толщину резины, про правильный момент — самый безопасный момент, — когда их нужно снимать после.

57. Амбиции

Они собирались стать юристами, первыми в своих семьях получившими образование. Они считали, что жизнь — это проблема, которую можно решить с помощью образования.

58. Третий визит Ли

Весна. Впереди период цветения. Миз Блейк ждала на автобусной станции, исполненная вол-

нения и надежды, не в силах вспомнить, почему она всегда испытывала какое-то напряжение в связи с ее ближайшей подругой из дома — Ли Ханвелл. Автобус прибыл, двери открылись. Человеческие фигуры с лицами появились на виду, и мозг миз Блейк принялся искать сходство между недавним воспоминанием и реальностью. Ее ошибка состояла в том, что она держалась представлений, целиком относящихся к предыдущим визитам. Представлениям вроде «рыжие волосы» и «черные джинсы / черные туфли / черная футболка». Мода переменчива. Университет — время экспериментов и метаморфоз. Женщина, ухватившая ее за плечи, уже не походила на музыканта из какой-нибудь группы хеви-метал или на третьестепенного берлинского художника. Она превратилась в пепельную блондинку, в воина, сражающегося за планету, с волосами, которые сами сплетались в дредлоки, в армейских брюках, которые не выдерживали никакой критики.

59. Имена собственные

Миз Блейк, конечно, заметила вокруг белых людей с альпинистским снаряжением, или белых людей на лестницах, обсуждающих наилучший

способ приковать себя к дубу. Она испытывала обычное антропологическое любопытство по отношению к таким делам. Но для нее это было скорее вопросом эстетики, чем протеста. Подробности проекта помнились ей неотчетливо. «Это Джед, — сказала Ли, — а это Кэти и Лиам, а это Пол. Ребята, это Кейша, она…» — «Нет, Натали». — «Извини, это Натали, мы вместе учились в школе, — сказала Ли. — Она учится здесь, она юрист. Видеть вас, ребята, — просто фантастика!» Когда Ли продолжила, предлагая поставить своим спутникам выпивку — «Нет, вы сидите, мы принесем», — Натали Блейк запаниковала: ее бюджет был строго ограничен, не предусматривал покупки выпивки каким-то нахалам, которых она и видела-то в первый раз. Но у стойки Ли вручила бармену двадцатку, а задача Натали состояла только в том, чтобы поставить шесть пинтовых стаканов на круглый поднос, приспособленный для пяти.

— Ли, ты откуда знаешь этих людей?

— Ньюбери!

60. И чешуя отпала от глаз ее[49]

---

[49] notes: 49

См.: Деяния Святых Апостолов, 9:18.

Чтобы предотвратить запланированное властями строительство этой обходной дороги, явно было важно «усиливать давление». Родни слушал, но только указывал на толстые книги на его столе, заключавшие в себе авторитет закона, тысячи страниц в грубых практичных обложках. Ли пыталась найти другой подход: «По существу это юридический вопрос — этим сейчас занимается много ребят-юристов. Это хороший опыт, Родни, даже ты должен согласиться, даже судья Родни Всемирного высокого суда». Натали Блейк поймала себя на том, что улыбается. В тот момент она не могла себе представить ничего лучше, чем посиделки на дереве со своей хорошей подругой Ли Ханвелл за много сотен миль от этой клаустрофобной комнаты. Родни оторвал взгляд от собрания прецедентов по нарушению гражданских норм. На его лице застыла непреклонность. «Нас не заботят деревья, Ли, — сказал он. — Это твоя привилегия. У нас нет времени переживать за деревья».

61. Coup de foudre[50]

— Мистер Де Анджелис, не могли бы вы про-

[50] notes: 50
Любовь с первого взгляда (*фр.*).

должить со слов «сила привычки» вверху второй страницы, — сказал профессор Кирквуд, и в первом ряду встал примечательный молодой человек. Он не учился на юридическом, но оказался здесь, на лекции по «философии закона». Он состоял из частей, на взгляд Натали, взаимоисключающих, она никак не могла понять, как эти части могут сосуществовать. На его лице разместились неожиданные веснушки. У него был очень длинный выдающийся нос разновидности, которая называется римской, о чем она еще не знала. Его волосы были скручены в дредлоки, являвшие собой полную противоположность дредлокам Ли своей чрезмерной невинностью. Они аккуратно обрамляли его лицо и заканчивались под подбородком. На нем были легкие летние брюки, туфли на босу ногу со шнурками по бокам, синий блейзер и розовая рубашка. И говорил он с акцентом, не поддающимся описанию. Он словно родился на яхте в Карибском море и воспитывался Ральфом Лореном.

62. Монтень

В одной стране девственницы открыто демонстрируют свои интимные части, а замужние женщины их закрывают. В другой существуют

мужские бордели. В еще одной женщины носят тяжелые золотые прутья в отверстиях в грудях и ягодицах, а мужчины после обеда вытирают руки о собственные яйца. В некоторых местах нормой считается людоедство. А в других, пока ребенок еще в чреве, отцы решают, то ли его сохранить и вырастить, то ли убить или бросить. Киркву поднял руку, прерывая это изложение. «Естественно, — сказал он, — все эти люди находят свои привычки ничем не примечательными». Несколько студентов рассмеялись. Натали Блейк и Родни Бэнкс судорожно листали страницы их общей (они предпочитали покупать один учебник на двоих, а когда тот становился не нужен, спешили сдать его в какой-нибудь букинистический магазин поблизости) дешевой книги в поисках этой статьи. В оглавлении или указателе названия не было, а тот факт, что они все еще не разговаривали друг с другом, лишь затруднял поиск. «В чем здесь урок для юриста?» — спросил Киркву. Рука необычного молодого человека поднялась. Даже со своего места Натали Блейк увидела кольца на его коричневых пальцах и элегантные часы на ремешке из крокодиловой кожи, который казался старше Киркву. Он сказал: «Хотя вы можете прийти в суд, вооруженные

разумом, мы живем в неразумном мире». Натали Блейк пыталась сообразить, является ли такой ответ интересным. Кирквуд помолчал, улыбнулся и сказал: «Вы очень верите в разум, мистер Де Анджелис. Но вспомните пример прошлой недели. Сотни свидетелей дают показания в суде: добрые друзья, бывшие учителя, бывшие медсестры, бывшие любовники. Все они говорят: «Это Тичборн». Мать встает и говорит: «Это мой сын». Разум говорит нам, что претендент на десять стоунов тяжелее, чем тот человек, за которого он себя выдает. Разум говорит нам, что настоящий Тичборн говорит по-французски[51]. И все же. И почему люди бунтуют на улицах, когда «главенствует разум»? Не слишком надейтесь на разум. Слушайте, я думаю, Монтень более скептичен. Я думаю, его мысль заключается не в том, что вы, юристы, разумны, а они, народ, неразумны, или даже что неразумны законы, по которым судят людей, а в том, что те, кого судят по традиционным законам, имеют по меньшей мере защиту в виде «простоты, покорности и примера», — вы это видите?

[51] notes: 51

Дело Тичборна — скандальный судебный процесс в Англии в 60–70-е годах XIX века, в ходе которого претендент на наследство баронетства Тичборнов был обвинен в лжесвидетельстве и приговорен к длительному сроку тюремного заключения.

Конец третьей страницы? А те, кто пытается их, то есть законы, изменить, обычно в некотором роде ужасны, чудовищны. Мы представляем себя в виде идеальных исключений». Натали Блейк чувствовала себя потерянной. Молодой человек неторопливо одобрительно кивнул — так кивают равному. Его уверенность казалась необоснованной, не вытекала из того, что он сказал или сделал. По аудитории передавался лист бумаги. Студентов просили добавить свое полное имя и кафедру, к которой они приписаны. Натали Блейк, еще не написав свое, сначала посмотрела, что написал он.

63. Разведка

Франческо Де Анджелис. Студент второго курса, кафедра экономики. Известный повсюду как Фрэнк. В следующем месяце баллотируется на пост президента Афро-Карибского общества. Скорее всего, победит. Учился во «второсортной школе-интернате». Информация от того, кто сам учился в «классической средней». Далее: «Его мать итальянка или что-то в этом роде. Отец был, вероятно, каким-то африканским принцем, обычно так бывает».

64. Образовательные скобки

(В некоторых школах ты «учишься». В Брейтонскую ты «ходишь».)

65. 8 Марта

Третий визит Ли совпал с обедом в честь Международного женского дня. Полезное оправдание, чтобы не встречаться с Родни. На Ли — зеленое платье, а Натали надела фиолетовое, они собрались одновременно и рука об руку отправились в банекетный зал. Явное удовольствие, которое они получали друг от друга, их очевидная близость и легкость в общении друг с другом делали их в паре более привлекательными, чем они даже могли рассчитывать поодиночке, и, прекрасно это понимая, они подчеркивали одинаковые рост и сложение, сихронно маршируя длинными ногами. Когда они добрались до своего стола, у Натали кружилась голова от той власти, которую имеешь в двадцать лет, от того, что она почти свободна от мужчины, который ей наскучил, и от того, что вот-вот начнется обед из более чем двух блюд.

66. Меню

Салат с мускатной дыней и креветками

Куриная грудка в беконе с зеленым горошком и картофелем «Джульетта»

Теплый шоколадный пудинг с ванильным мороженым

Сыр

Кофе, мятная карамель

67. Желание

— Кто это? — спросила Ли Ханвелл.

— Декан, — ответила Натали Блейк и слизнула шоколад с зубов. — Если она закончит разглагольствовать, мы сможем отправиться в бар.

— Нет, я говорю про девицу в конце стола. В цилиндре.

— И что?

— Она японка или китаянка?

— Слушай, я ее не знаю.

— Такая красавица!

68. Валентино

Кореянка. В баре она положила цилиндр на

стол, и пока Натали Блейк говорила с кем-то другим в их полукабинете, она, Натали Блейк, часто протягивала руку к этому цилиндру и гладила его атласную ленту. За спиной она слышала, как ее добрая подруга Ли Ханвелл разговаривает с кореянкой по имени Элис, смешит ее, а когда Натали подошла к стойке купить выпивку, у нее появилась возможность без помех разглядеть Ли, и она увидела в ней этакого Лотарио старой школы — одна рука на спинке дивана, другая на колене Элис, вдыхает аромат красивой шеи девицы. Натали Блейк видела, как Ли делает так много раз, но только с парнями, и в этом всегда чувствовалось что-то немного шокирующее и извращенное, тогда как сейчас все выглядело естественно. Это заставило Натали задуматься о себе, о своих отношениях с богом в последнее время, о том, были ли у нее с ним вообще отношения. Она не могла заставить себя отвести глаза, а потом подошла к музыкальному автомату и в надежде расслабиться поставила песню «Электрическое расслабление» в исполнении «Трайб коллд квест».

69. Сотворение любви: часть первая

Фрэнка не было в баре, и вообще нигде не было.

70. Расставания

В автобусе, направлявшемся на автобусную станцию, после того, что (давайте посмотрим правде в глаза) было важным визитом, может быть, даже по статусу приближающимся к драматическому событию, Ли Ханвелл сказала: «Надеюсь, ты не обиделась, что я исчезла. По крайней мере, комната была в твоем и Роддерса распоряжении», — и больше в тот день ни слова о ночи, проведенной Ли Ханвелл с Элис Нхо, и Натали Блейк тоже ни словом не обмолвилась о том, что она не просила Родни прийти к ней той ночью, и больше никогда не попросит. Автобус начал подъем на казавшийся вертикальным склон холма. Натали Блейк и Ли Ханвелл прижались спинами к сиденьям и боками друг к дружке. «Очень рада была повидать тебя, — сказала Ли. — Ты единственный человек, с которым я могу быть самой собой». Это замечание вызвало у Натали слезы. Не из сентиментальности, а из

пугающего знания, что если переадресовать это заявление, то оно практически потеряет смысл, поскольку у миз Блейк нет своего «я» ни с Ли, ни с кем другим.

71. Помощь Ли в поднятии ее тяжелого рюкзака на ступеньки автобуса

Натали Блейк почувствовала желание рассказать подруге об экзотическом персонаже, которого видела на лекции Кирквуда. Но ничего не сказала. Помимо того факта, что двери уже закрывались, она опасалась, что именно разница в социально-экономическом положении между Фрэнком Де Анджелисом и Родни Бэнксом может сказать ее подруге Ли Ханвелл о ней, Натали Блейк, в психологическом плане как о человеке.

72. Языки любви

Многие мужчины, с которыми Натали Блейк имела дело после Родни Бэнкса, были столь же чужды ей в социально-экономическом и культурном плане, как и Фрэнк, и менее привлекательны, но все же она не приближалась к Фрэнку, а он не приближался к ней, хотя оба остро ощущали существование друг друга. Если говорить об этом

поэтически, то получилось бы:

«В их движении навстречу друг к другу существовала некая неизбежность, поощрявшая их неторопливость».

73. Единственный автор

Если выражаться более прозаически, то Натали Блейк была по уши занята созданием собственной идентичности. Она так незаметно и безболезненно утратила бога, что теперь не могла понять, какой смысл она вкладывала в это слово прежде. Она нашла политику, литературу, музыку, кино. «Нашла» — неправильное слово. Она вкладывала в эти вещи веру и не могла понять, почему (именно в тот момент, когда он их обнаружила) ее сокурсники, казалось, считают их (политику и все остальное) мертвыми. Когда другие студенты спрашивали Натали про Фрэнка Де Анджелиса (она не единственная отметила их фундаментальную совместимость), она говорила, что он слишком занят собой, слишком тщеславен, напыщен и расово дезориентирован и вообще совсем не в ее вкусе, но безмолвная и невидимая связь между ними все же укреплялась, потому что кого еще, если не Фрэнка Де Анджелиса (*или какую-нибудь точную копию Фрэнка Де Анджелиса*) она

могла попросить сопровождать ее в том необыкновенном путешествии по жизни, к которому готовилась?

74. Зрелище

В пятом ряду на ночном показе «Черного Орфея» смотрит на его двойника.

75. Активизм

Натали ехала на велосипеде по Юниверсити-уок, когда на ее пути возник молодой мужчина, с которым она спала. У него на лице застыло выражение безумия, и поначалу Натали подумала, что он готовится заявить о своей неумирающей любви. «У тебя есть полчаса? — спросил Имран. — Я хочу показать тебе кое-что». Натали вывела велосипед на Вудланд-роуд, пристегнула его цепочкой у дома, в котором жил Имран. В его маленькой комнате находились две другие девушки с их потока и студент с последнего курса, ей неизвестный. «Это инициативная группа», — сказал Имран и вставил кассету в плеер. Натали, конечно, знала о боснийском конфликте, но, справедливости ради, нужно сказать, что война не особо занимала ее мысли. Она объясняла это

тем, что у нее нет телевизора и бóльшую часть времени она проводит в библиотеке. Подобным же образом в том же году она вдруг в один день из газетной статьи узнала о существовании такой страны, как Руанда, и творившемся там геноциде. Теперь она сидела, скрестив ноги, и смотрела на марширующих солдат, слушала записанную речь сумасшедшего, сопровождаемую криками, прочла титры о расовой чистоте и о несуществующем в природе месте под названием «Большая Сербия». Это происходит сейчас? В наше время? Сейчас? Она подумала обо всех местах, в которых они с Ли воображали себя — в виде мысленных упражнений, — чтобы ответить на вопрос, что бы они делали, например, в Берлине в 1933 году. «Мы собираемся доставить в Сараево машину «Скорой помощи». Помочь с реконструкцией, — сказал Имран. — Ты должна поехать». Поехать означало нарушить первую заповедь семейства Натали Блейк: не подвергай себя излишней физической опасности.

На несколько следующих недель Натали с головой ушла в организацию путешествия и занималась любовью с Имраном, и годы спустя думала об этом периоде как о самом благоприятном времени для радикальной молодежи. Для

секса, протеста, путешествий, всего вместе. То, что она так и не отправилась в это путешествие, казалось в воспоминании почему-то менее важным, чем тот факт, что она абсолютно искренне собиралась ехать. (Ссора с Имраном за несколько дней до отъезда. Он не позвонил. Она не позвонила.)

76. Падшая

Натали Блейк взяла большой студенческий кредит и решила, что будет тратить деньги только на всякие глупости. Еда, такси, нижнее белье. Пытаясь быть наравне с «этими людьми», она вскоре обнаружила, что осталась снова ни с чем, но теперь она засунула дебитовую карточку в щель банкомата в надежде получить пять фунтов, и сделала это без той бездонной тревоги, которую прежде разделяла с Родни Бэнксом. Она культивировала в себе дух декаданса: когда возможное будущее приоткрылось перед ней, овердрафт перестал оказывать на нее то пугающее действие, какое оказывал раньше. Представление, которое имела о подобных людях Марсия Блейк и которое она передала дочери, вытеснилось из Натали изобилием обыденной богохульственной брани, травки и кокаина, инертностью. Неужели это те

же люди, для которых Блейки всегда вели себя наилучшим образом. В метро, в парке, в магазине. Зачем? Марсия: «Чтобы не давать им повода».

77. Зрелище

Одетый как Франц Фанон[52], на лестнице перед вечеринкой, на которую сама Натали вырядилась как Анджела Дэвис[53]. Его костюм состоял из бейджика и белого халата, взятого напрокат у одного из студентов-медиков. Натали предприняла больше усилий: дашики и прическа афро, впрочем, волосы у нее плохо стояли после нескольких лет порчи горячим утюгом. Костюмированная вечеринка состоялась в общем доме четырех студентов-философов, а тема была «Основатели дискурса». Его спутница пришла, одетая под Сапфо.

---

[52] notes: 52

Франц Омар Фанон — франкоязычный вест-индский революционер, социальный философ и психоаналитик. Работал врачом в психиатрической больнице.

[53] notes: 53

Анджела Дэвис — американская правозащитница, деятельница международного коммунистического движения, социолог, педагог и писательница.

78. Теория выслеживания Мишель Холланд

Возможно, тот факт, что «безжалостное сравнение» является основным видом отношения женщин с другими людьми, объясняется той основательностью, с какой капитализм проникает в их умы и тела. Натали Блейк определенно следила за карьерой Мишель Холланд с бóльшим вниманием, чем за собственной, хотя ни разу с ней не говорила. Если не считать Родни, Мишель была единственным человеком в университете из Брейтона. Математический гений. Она не знала привилегий посредственности. Выросшая в жестоких высотках Южного Килбурна, который ничего не мог ей предложить — ни благородной церковной культуры, ни очаровательных зеленых зон Колдвелла, ни (как предполагала Натали) душевных соседей. Кем она могла быть, если не исключением? Отец в тюрьме, мать в дурдоме. Жила с бабушкой. Была чувствительной и искренней, неловкой, обидчивой, одинокой. Натали считала, что ей, Натали Блейк, не нужно знакомиться с Мишель Холланд, чтобы знать все это, что ей достаточно посмотреть на походку Мишель. Я — единственный автор. И потому Натали ничуть не удивилась, когда узнала о за-

кате и падении Мишель в середине выпускного года. Ни алкоголя, ни наркотиков, ни плохого поведения. Просто она остановилась. (Так это интерпретировала Натали.) Перестала ходить на лекции, учиться, есть. Перед ней поставили задачу пролезть в отверстие, в которое могла пролезть только ее часть. (Вывод Натали.)

79. Конец истории

Теперь, когда Натали задумывалась о взрослой жизни (она почти никогда об этом не задумывалась), ей представлялся длинный коридор, в который выходило множество комнат — в каждой отдельный друг — комунальная кухня, одна гигантская кровать, в которой все спят и трахаются, мир, управляемый принципами дружбы. Сказанное выше — метафорическая фигура, но в то же время и по сути — точное отражение представлений Натали в то время. Потому что разве можно обидеть друга? Как можно обмануть друга? Как можно просить друга страдать, если ты сама процветаешь? И из такой простоты (без маршей и лозунгов, без политики, без всякой фигни с выдиранием булыжников из мостовой) родилась революция. Опоздав на вечеринку, Натали Блейк теперь с энтузиазмом воспользовалась советом

своей доброй подруги Ли Ханвелл и принялась обниматься с незнакомцами на танцплощадке. Она посмотрела на маленькую белую таблетку на ее ладони. Что может пойти наперекосяк, когда мы все друзья? Не забудь держать при себе бутылочку с водой. Не жуй. Глотай. Стробоскоп мигает. Музыка продолжается. (Я буду юристом, ты будешь доктором, он будет учителем, она будет банкиром, мы будем художниками, они будут солдатами, и я буду первой черной женщиной, а ты будешь арабской, а она первой китайской, и все будут друзьями, все будут понимать друг друга.) Друзья относятся друг к другу по-дружески, друзья помогают друг другу. Никому не нужно быть исключительным. Друзья знают разницу между адвокатами и барристерами, знают, куда нужно обращаться, чтобы тебя приняли, знают названия соответствующих грантов и стипендий. «Выбирают друзей, семью не выбирают». Сколько раз слышала Натали эти слова?

80. Идеология популярных развлечений

Если кому-то грозила опасность забыть, то самое популярное телевизионное шоу в мире вбило это людям в голову, пять раз в неделю.

81. Безутешная (шестой визит Ли)

— Господи боже, я только что видела Родни в Сейнсбери! — сказала расстроенная Ли, уронив на стол два пакета с продуктами. — Я посмотрела в его корзинку. Он купил мясной пирог, две банки имбирного пива и бутылку такого острого соуса, который добавляют ко всему на свете. Я встала за ним в очереди, а он сделал вид, будто что-то забыл, и кинулся прочь. Через несколько минут я его увидела: он стоял в очереди в самую дальнюю кассу, а в корзинке у него ничего не прибавилось.

82. Охота за головами

Праздничная толкотня привлекает столько же народа, сколько ярмарка первокурсников[54], хотя в этот раз знамена были не самодельные, а вместо названий клубов Толкиена и хоровых кружков на них напечатали мелодичные названия юридических фирм и знакомые названия банков. Девушки в одежде группы поддержки с

---

[54] notes: 54

Неделя перед началом семестра в Великобритании, на протяжении этой недели проходит регистрация и профессиональная ориентация студентов.

логотипами консалтинговой фирмы по менеджменту обходили зал с маленькими вазочками с мороженым и банками энергетиков. Натали Блейк повернула банку в руке, чтобы прочесть надпись на ней «Заяви о своем будущем». Она подцепила кусочек мороженого маленькой деревянной палочкой, глядя, как зеленые воздушные шарики немецкого банка срываются с привязи и медленно устремляются к потолку. Откуда-то до нее донесся голос Родни. Через три стола от нее он сидел с выражением невероятной заинтересованности на самом краю пластикового стула. Довольный человек в костюме и галстуке сидел напротив и делал записи в блокноте.

83. Смешанные метафоры

Полтора года спустя, когда все вернулись или переехали в Лондон, а Натали готовилась к адвокатуре, Родни Бэнкс прислал ей письмо через Марсию Блейк, начинавшееся так: «Кейша, ты говоришь, что всегда идешь туда, куда тебя ведет сердце, но забавно, как твое сердце, кажется, всегда знает, с какой стороны хлеб намазан маслом». Фрэнк Де Анджелис взял это письмо у Натали Блейк и поцеловал ее в висок. «Бедный старина Родни. Он все еще пытается стать юристом, да?»

84. Стадное чувство

Телевизионная реклама армии. Группа солдат спрыгивает на землю с борта низко висящего вертолета. Камера прыгает туда-сюда: мы должны догадаться, что солдат атакуют. Они бегут по суровому ландшафту, ветер поднимает тучи пыли, через пустошь выходят к обрыву. Деревянный мост, по которому они собирались перебраться на другую сторону, наполовину разрушен. Сломанные бревна лежат на дне. Солдаты смотрят в ущелье, друг на друга, на тяжелые рюкзаки на их спинах.

85. Линкольнс-Инн[55]

Толпа новоприбывших в вечерней одежде сидела, смотрела эту рекламу, они расслабились в креслах и на диванах, оживленно беседовали. Натали Блейк тоже новоприбывшая, только застенчивее других. Она стояла в конце комнаты отдыха у стола с закусками и развлекала себя едой. Но вот появился текст, расплавленной

---

[55] notes: 55

Почетное общество Линкольнс-Инн — одна из четырех юридических палат Лондона, в одной из которых непременно должны состоять адвокаты (барристеры) Англии и Уэльса.

сталью вытек на экран. Текст сопровождался голосом строевого сержанта.

ЕСЛИ ТЫ ДУМАЕШЬ:
КАК **МНЕ** ПЕРЕБРАТЬСЯ НА ДРУГУЮ СТОРОНУ,
ТО АРМИЯ НЕ ДЛЯ ТЕБЯ.

ЕСЛИ ТЫ ДУМАЕШЬ:
КАК **НАМ** ПЕРЕБРАТЬСЯ НА ДРУГУЮ СТОРОНУ,
ТО ПОЗВОНИ НАМ.

— Я вот думаю: как вы перебираетесь на другую сторону?

Он показывал на телевизор, и люди вокруг него смеялись. Она сразу же узнала голос, этот пресловутый миланский след.

86. Стиль

Дредлоки исчезли. Его обеденный пиджак был прост и изящен. Накрахмаленный розовый платок выглядывал из нагрудного кармана, а на ногах красовались носки с яркой стрелкой в виде бриллиантов. Его «найки» были немного эпатажными и новехонькими — только что из магазина. Он больше не казался странным. (Теперь чуть ли не все рэперы так одеваются. Его модой были деньги.)

87. Первый спонсорский ужин осеннего семестра

Натали Блейк была «капитаном» своей секции. Она толком не знала, что это означает. Она стояла за своим стулом перед указанным ей столиком и ждала спонсора, имя она знала: доктор Сингх. Она подняла голову к сводчатому потолку. К ней подошла белая девушка в шелковой мантии, встала рядом. «Красиво, правда? Эта величественная крыша украшена золотым огнем! Привет, меня зовут Полли. Я в твоей команде». Рядом с Полли встал парень по имени Джонатан, который сказал, что в обязанности «капитана» входит только следить, чтобы еду подавали слева. Портреты почтенных мертвецов. Тяжелые столовые приборы. Вилки для рыбы. Строем вошли судьи в черных развевающихся мантиях и поклонились. Началась молитва на латыни. Скучающие довольные голоса повторяли слова чужого языка.

88. Сотворение любви: часть вторая

Натали разгладила плотную льняную салфетку на коленях и увидела Фрэнка Де Анджелиса — он опоздал, а теперь, увидев Натали, подошел к ее

столу. Вид у него был убитый, сегодня он больше, чем обычно, походил на Орфея. Его реакция ей польстила. «Блейк? Шикарно выглядишь! Рад тебя видеть. О, капитан! Мой капитан…»[56] Он слегка поклонился и сел чуть не вплотную к ней, бедро к бедру, просмотрел меню, поморщился. «Картофельная запеканка. Я скучаю по Италии». — «Ну, это не смертельно». — «Так вы уже знакомы?» — спросила Полли. В том, как они говорили друг с другом, и в самом деле чувствовалась какая-то интимность: головы наклонены друг к другу, взгляд устремлен вдаль. Натали так легко вписалась в эту роль, что ей приходилось напоминать себе: никакой интимности до этого вечера и в помине не было, она возникала в этот момент вместе со своей историей.

Разлили плохое вино. Для произнесения речи поднялся на ноги древний судья. Его брови взмывали по-совиному с его головы, и он не преминул упомянуть первую постановку «Двенадцатой ночи» или нарисовать кровавую картину, как мародерствующие крестьяне сжигали своды законов: «…и если мы заглянем в омановский пе-

[56] notes: 56

«О, капитан! Мой капитан!» — первая строка стихотворения Уолта Уитмена, написанного в 1865 году на смерть американского президента Авраама Линкольна.

ревод «Anonimalle Chronicle»[57], то, боюсь, найдем там несколько обескураживающее описание профессии… Поскольку загнанные в церковь Темпл наши не столь благородные предшественники мало что сделали, чтобы сдержать обозленную толпу. Если позволите, я процитирую. «Удивительно было видеть, как даже самые престарелые и ветхие из них неслись с резвостью крыс или злых духов…»[58]. В наши дни, позвольте заверить вас, обезглавливание — по крайней мере, в Лондоне — случается, к счастью, редко и злоупотребления адвокатов обычно ограничиваются…» Натали слушала, очарованная мыслью о том, что ее собственное существование может быть связано с людьми, жившими шесть веков назад! Уже больше не случайный гость за столом — а именно такой она себя и представляла до этого дня, — а хозяйка вместе с другими хозяевами, продолжающими традицию. «И таким образом оно ложится на ваши плечи», — сказал судья, а Фрэнк посмотрел на Натали, пытаясь перехватить ее

[57] notes: 57

Анонимная английская хроника, охватывающая период от «легедарного Брута» до конца XIV века.

[58] notes: 58

Имеется в виду эпизод восстания Уота Тайлера, 1382 год, когда восставшие вошли в Лондон и атаковали тюрьмы, разрушили Савойский дворец и Судебные инны в Темпле.

взгляд и комически зевая. Натали увереннее положила руки на стол и повернула голову к судье. Не успела она это сделать, как почувствовала, что совершает предательство. С другой стороны, кто был для нее Фрэнк Де Анджелис? И все же. Она повернулась к нему и чуть подняла брови. Он подмигнул.

89. Время замедляется

Официантка-полька осторожно двигалась между столиков в поисках вегетарианцев. Фрэнк говорил много и беспорядочно, перескакивал с темы на тему. Там, где прежде Натали видела только беспардонную уверенность в том, что мир крутится вокруг него, теперь она обнаружила искреннюю тревогу за все. Неужели это она заставила его так нервничать? Но ведь она не делала ничего, только тихо сидела и смотрела в свою тарелку. «У тебя волосы другие. Настоящие? Это твое масло? Видела Джеймса Перси? Теперь здесь. С первой попытки. Ты хорошо выглядишь, Блейк. Просто здорово. Я думал, ты уже уйдешь, когда я появлюсь. Что ты делала целый год? Вот тебе мое признание с набитым ртом: Я катался на лыжах. Слушай, я еще могу и про юриспруденцию поговорить. Я не совсем пустое

место, как ты думаешь». — «Я не думаю, что ты пустое место». — «Нет, думаешь. Нет, мне мясо, пожалуйста. Да что с тобой такое?» Натали Блейк не каталась на лыжах. Она работала в обувном магазине в торговом центре «Брент-Кросс», экономила деньги, жила с родителями в Колдвелле и мечтала получить мэнсфилдский грант, что фактически…

Наконец-то появилась доктор Сингх с извинениями; и никакого тюрбана, представлявшегося до того Натали, — это была миниатюрная женщина лет тридцати с лишком, с бритой головой, в складках мантии виднелась фиолетовая шелковая блузка. Она села. Судья завершил речь. Аплодисменты прозвучали как недовольный визг.

90. Трудности с контекстом

Натали Блейк перестала флиртовать с Франческо Де Анджелисом и стала перечислять все свои научные достижения доктору Сингх. Вид у доктора Сингх был усталый. Она налила в стакан Натали немного воды. «А как вы развлекаетесь?» Фрэнк подался к ней. «На развлечения нет времени — она рабыня почасовой оплаты». Это явно было сказано ради шутки, пусть и топорной, и

Натали попыталась рассмеяться. Но увидела, как вспыхнула Полли, а Джонатан уставился в стол. Фрэнк попытался спасти себя, сделав обобщение социологического плана. «Конечно, мы все здесь из “Красной книги”». Он оглядел зал, поднеся руку козырьком ко лбу. «Постойте. Тут есть еще один. Таким образом, нас всего должно быть приблизительно шесть. Совсем немного». Он был пьян и выставлял себя дураком. Она ему глубоко сочувствовала. Это «нас» в его устах звучало странно, неестественно. Он даже не знал, как ему быть тем, кто он есть. Зачем это ему? Натали настолько была занята посыпавшимися на нее поздравлениями с тем, что она способна сочувствовать курьезному промаху Франческо Де Анджелиса и правильно его анализировать, что не сразу заметила, как доктор Сингх хмурится, глядя на них обоих.

— У нас здесь очень эффективная расово-культурная общность, — чинно сказала доктор Сингх и повернулась к блондинке слева от себя.

91. Среда, 12.45: адвокатура

Четыре студента и преподаватель заняли места в передней части зала. Истец и ответчик

получили имена «Веселой семейки»[59]: мистер Толстосум-Денежный-Отмывщик, Мистер Факел-Поджигатель. В этот момент Натали Блейк была вынуждена покинуть аудиторию и отправиться на поиски туалета, чтобы поправить волосы. Погода стояла не по сезону теплая, а она к этому не подготовилась. Пот тек от корней ее косичек, распушая их, и чем больше она об этом думала, тем катастрофичнее становилась ситуация. Несмотря на все амбиции, в душе она оставалась девочкой с Северо-Запада и не могла игнорировать надвигающийся кризис. В туалете она наполнила раковину холодной водой, отвела назад волосы и окунула лицо в воду. Когда она вернулась, единственное свободное место оставалось рядом с Франческо Де Анджелисом. Он придерживал место для нее? Сотворение любви, часть третья. Она села и почувствовала его руку на своем колене. Над столом он передал ей карандаш.

— Извини за вчерашний вечер, Блейк. Я иногда идиот. Часто.

Натали Блейк столкнулась с явлением, прежде ей неизвестным: человек по собственной инициативе признавал свою ошибку и извинялся за

---

[59] notes: 59

«Веселая семейка» (*англ.* Happy Family) — американский комедийный сериал.

нее. Уже гораздо позднее, во время совместной жизни, Натали Блейк пришло в голову, что прямота ее мужа, возможно, является следствием тех необычных преимуществ, которые он получил от рождения. Но в тот день она была просто обезоружена его поведением и благодарна.

«Ты поспеши, много чего пропустила». Он начал нашептывать ей в ухо согласованные сторонами факты, делал он это с избыточной уверенностью, а также с преувеличениями и не относящимися к делу комментариями, отчего ей приходилось, тезисно набрасывая основания для апелляции, на ходу редактировать то, что он говорил. «А теперь младший адвокат. Прошу, вам слово». Младший адвокат поднялся с места. Натали повернула голову, чтобы посмотреть на Фрэнка в профиль. Он и в самом деле был самым красивым мужчиной из всех, каких она видела. Широкоплечий, импозантный. Цвет глаз был чуть светлее цвета кожи. Она перевела взгляд на младшего адвоката. Он выглядел неловким, угреватым. Он почти не отрывал глаз от стопки листов формата А4 и дважды назвал женщину-преподавателя «ваше преосвященство».

92. Послеобеденное

— Где мы? Почему я здесь?

— Мэрилебон. Лондон не начинается и не заканчивается Килбурнским шоссе.

— Я получила комнату в Иннах.

— Аргумент Марии[60].

— Фрэнк, забери меня обратно. Я не знаю, где я.

— Неопределенность иногда идет на пользу.

— У нас утром был учебный судебный процесс. Старик, еда была просто отвратительная. И слишком много вина. Ты тоже езжай домой.

— Я дома. Я здесь живу.

— Никто здесь не живет.

— Ах ты маловерная. Это дом моей бабушки. Почему бы тебе не попытаться хотя бы раз расслабиться и получить удовольствие?

93. Simpatica[61]

---

[60] notes: 60

Мысленный эксперимент в философии сознания, предложенный Фрэнком Джексоном в статье «Epiphenomenal Qualia» (1982) и расширенный статьей «What Mary didn't know» (1986). Этот эксперимент является аргументом против физикализма — представления, что все во вселенной, включая ментальное, имеет исключительно физическую природу.

[61] notes: 61

Привлекательная (*um.*).

В холодильнике обнаружилась только большая розовая коробка из «Фортнум энд Мейсон». В коробке лежали четыре ряда миндального печенья приятных пастельных оттенков. Натали Блейк принесла их туда, где сидел Фрэнк, выброшенный штормом на кухонный островок. Белое пространство во всех направлениях. Он взял коробку, положил руки ей на плечи.

— Блейк, попытайся расслабиться.

— Не могу расслабиться в таком дворе.

— Снобизм шиворот-навыворот.

— Ужасно хочу есть. Еда была ужасная. Накорми меня.

— Потом.

Он повел ее наверх мимо картин и литографий, семейных снимков и выцветшего дивана в коридоре. Они вошли в маленькую мансарду на самом верху квартиры. Кровать стояла прямо под свесом крыши; Натали все время билась локтем о книжный шкаф. Тома юридической литературы, Толкиен, куча дешевых ужастиков восьмидесятых годов, мемуары бизнесменов и политиков. Она увидела одинокого друга. «В следующий раз — пожар»[62].

---

[62] notes: 62

Сборник статей Джеймса Болдуина, американского писателя и публициста, борца за права человека.

— Я думаю, он знал мою бабушку в Париже.
— Хорошая книга.
— Я тебе верю, младший адвокат.

94. Радости именования

Может быть, секс — это вовсе не про тело. Может, это функция языка. Движение сами по себе ограниченны, в твоем распоряжении ограниченное число инструментов и ограниченное число мест, где ты можешь их употреблять, и Родни в техническом смысле ни в коем случае не был дефективным. Он был молчаливым. Тогда как глупые, неуправляемые, раскованные, непристойные байки Фрэнка оказались здесь, в спальне, как нельзя кстати.

95. Посткоитальное

— Он был выходец из Тринидада, жил в Южном Лондоне, работал на железной дороге. Она говорит «машинистом», чтобы произвести впечатление, но это неправда. Охранником. Потом работал где-то в офисе. Она познакомилась с ним в парке. Я его никогда не знал. Харрис. Вообще-то я должен был зваться Фрэнк Харрис. Он умер. Это все.

Даже голый он бахвалился. Натали Блейк маневрировала, пока не заняла позицию сверху и не заглянула ему в глаза. На взрослом лице по-прежнему явно читалось мальчишеское выражение уязвимости, гордыни и страха. Именно эти качества и притягивали ее. «Вернулась в Милан, беременная мной. В семидесятые. Потом в Апулию. Потом в Англию в школу. Это не проблема расти так — это была просто сказка. Я любил школу». Единственный ребенок. Легендарная семья, богатая, хотя и не такая богатая, как когда-то. «Когда-то, давным-давно, каждая порядочная семья в Италии имела газовую плиту “Де Анджелис”...» Никто не знал, что делать с его волосами. Разговорным английским не владел. Опасно красив. Восемь лет.

96. Единственный автор

— Но ты делаешь из меня жертву, а я говорю, что прекрасно жил, а это все были мелочи, я, вообще-то, даже не понимаю, почему мы о них говорим. У тебя все вопросы наводящие. Редкий негроидный итальянец имеет счастливое детство, учит латынь, конец фильма. А потом между тысяча девятьсот восемьдесят седьмым и нашими днями не происходит ничего инте-

ресного. — Он театрально поцеловал ее. Может быть, она всегда будет приглядывать за ним, помогать ему становиться настоящей личностью. В конечном счете она ведь сильная! Даже относительная слабость в Колдвелле обращалась в мире во впечатляющую силу. Мир требовал от человека гораздо меньше и имел более простую конструкцию.

97. Nota bene

Натали не дала себе труда подумать, не сделала ли с Франком частная закрытая школа то же самое.

98. Полугодовой юбилей

— Фрэнк, я пошла вниз. Не могу работать, когда телик орет. Можно я возьму «Смита и Хогана»[63]?

— Да. И сожги ее.

— А как ты будешь сдавать этот экзамен?

— Сообразительность.

— Это что такое?

— «MTV Base». Музыкальные клипы — един-

---

[63] notes: 63

Книга Смита, Хогана и Омерольда «Уголовное законодательство» считается главной книгой по уголовному праву в Англии и Уэльсе.

ственная радостная форма современного искусства. Посмотри на эту радость.

Он приподнялся на кровати и ткнул пальцем в танцующую потаскушку в белом спортивном костюме.

— Я был в Апулии, когда он умер. Никто не понял. «Какой-то жирный гангстер? Да и черт с ним!» Так к этому отнеслись. Это даже никакая не музыка, если их послушать.

Все, что он говорил, было великолепно. Ему не хватало только того, что итальянцы называют forza[64], но это обеспечит сама Натали Блейк (см. выше).

99. Фрэнк ищет Ли

Солнце пробилось через жалюзи длинными тенями. Натали Блейк стояла в дверях гостиной; она нервничала, сжимала в руке графин с водкой, готовая залить спиртным любое огорчение. Ли и Фрэнк сидели бок о бок на бабушкином диване. Натали прекрасно видела, что Ли уже миновала стадию гадкого утенка, она стала не долговязая — высокая. Уже не рыжая — каштановая. Период экспериментов закончился. Джинсовая юбка,

---

[64] notes: 64
Сила (*ит.*).

капюшон, сапожки с оторочкой из искусственного меха, толстое золотое кольцо в каждом ухе. Вернулась к корням. Натали Блейк посмотрела на своего бойфренда Фрэнка Де Анджелиса: он распределял на стеклянной столешнице кривые белые линии, а ее хорошая подруга Ли Ханвелл свернула купюру в двадцать фунтов в тонкую трубочку. Она видела, как внимательно он слушал, что рассказывает Ли о человеке, чье имя в ее произношении звучало как «Ми-шел». Они недавно познакомились на Ивисе. Фрэнк воспринимал задачу серьезно. Он понимал, что невозможно любить Натали Блейк, если ты сначала не полюбил Ли Ханвелл.

— Вот что меня интересует: вы, девушки, вы любите ваших братьев из еврошвали. Разве не так? Это странное совпадение. Нас не так-то уж много. Это соревнование?

— Слушай, чувак: ты и есть еврошваль. Он из Гваделупы! Его отец участвовал в подпольном сопротивлении, в конце концов убежал, и всей семье пришлось бежать. Его отец теперь — привратник в школе в Марселе. Мать — алжирка. Она не умеет ни читать, ни писать.

Фрэнк опустил голову и вытянул губы в шутливо-презрительной гримасе.

— Зарабатываешь очко, Ханвелл. Он и в самом деле, похоже, соль земли. Дитя борца за свободу. Я вынужден уступить ему площадку высокой нравственности. Я определенно не соль земли.

Ли рассмеялась:

— Ты кокаин на зеркале. Плохо подстриженный кокаин.

100. Натали ищет Елену

Ланч в Мэйфере. Красивая женщина глотает устрицу. У нее такой тонкий и легкий телефон, что даже не оттягивает шелковый карман ее блузы. «И он много работает?» — спрашивает она. Елена Де Анджелис стряхнула пепел с сигареты на скатерть и искоса посмотрела на Натали взглядом, исполненным непримиримого коварства. Прежде чем Натали Блейк успела пробормотать ответ, Елена рассмеялась. «Не беспокойтесь — я не прошу вас лгать. Ческо, безусловно, не будет заниматься юриспруденицей. Но я надеялась, что это будет полезно вообще, полезно для его характера. Его дядюшке это помогло. Что ж. Он с вами познакомился. Вы первая настоящая женщина, которую он захотел познакомить со мной. Это что-то. Скажите, правду ли говорят, что вы должны обедать определенное число раз

в году, иначе не можете быть барристером?» Натали смотрела, как Елена стряхнула пепел в обеденную тарелку. Она не сомневалась: курить здесь запрещено. Ей очень хотелось узнать, как эта женщина любила и потеряла тринидадца, работавшего охранником в поезде. «Да, — сказала она, — двенадцать раз. В большом зале. Раньше было тридцать шесть». Елена выпустила через ноздри две струйки дыма. «Какая Англия странная страна!» Подошел официант; счет был оплачен без всякого уродливого доставания кошельков и денег. «Ческо, позвони, пожалуйста, кузену. Я сказала, что ты позвонишь, две недели назад, а они не могут вечно держать место. Мне неловко».

101. Вперед, вверх

Фрэнк грандиозно провалил поступление в адвокатуру, явившись на сорок пять минут позже и уйдя на десять минут раньше. Первое, что он сделал после этого, — позвонил матери. Натали видела, как разговор поднял ему настроение. Елена принадлежала к тому типу женщин, которые предпочитают грандиозные катастрофы обычным.

Ли Ханвелл нашла мрачную квартирку к югу от

реки, в Нью-Кроссе, а Натали Блейк из уважения к старой дружбе подселилась к ней. Во время долгих поездок в метро треугольным маршрутом — Нью-Кросс, Линкольнс-Инн, Мэрилебон — она читала резюме судебных дел. Она запрыгивала к Фрэнку в постель, выпрыгивала из нее. Снова запрыгивала. «Который час?» — «Четверть двенадцатого». — «Я должна бежать!» Она пыталась заставить себя подняться, сесть на ночной автобус, едущий на юг. «Твои боссы проводят в этом притоне больше времени, чем ты», — заметил он. Она уронила голову назад — на подушку.

Ощущая приближение неожиданной, трудно-предсказуемой вспышки.

Бестолковый и всегда любящий. Он часто звонил.

Когда она проходила через турникет, зазвонил купленный им телефон: «Натали Блейк, ты в буквальном смысле единственный человек в мире, которого я могу выносить».

В тот год вошло в моду словосочетание «в буквальном смысле».

Фрэнк сидел за столом в «Дурхам энд Маколи инвестментс», покупая на фьючерсном рынке вещи, которые совершенно не мог ей описать. Скорее не вещи, а символы, предположила она,

хотя такого рода, понять который она не в силах.

102. Спасайся

Чтобы объяснить себя себе, Натали Блейк использовала обычный образ. Широкая река. Бурлящая вода. Камешки для перехода. Колдвелл, экзамены, колледж, стажировка в адвокатуре — последняя ступень перед полноценным званием адвоката. Последняя пропасть была чуть ли не слишком широка для прыжка. Ни грантов, ни способа заработать реальные деньги в течение первого полугода стажировки. Нужно было брать еще один кредит, потому что одного накопительного счета в строительной сберегательной кассе, неприкосновенного на протяжении пятнадцати лет, явно не хватит. Строительная сберегательная касса — местный концерн, к тому же действующий на уровне общепринятых представлений.

103. Капиталистические свиньи

Его звали Питер, и у него в спине была щель для монетки. Марсия Блейк вела маленькую красную записную книжку и имела дело с кассирами. Когда набирались определенные суммы (двадцать пять фунтов, пятьдесят фунтов, сто),

ребенок получал своего первого Питера, а потом и других членов фирменной поросячьей семьи этой строительной сберегательной кассы. В семье Блейк эти свиньи считались украшениями, и стояли они все вместе на полке в гостиной. Иногда Марсия предлагала взглянуть краем глаза на «кредитную» колонку с экстраординарной (неприкосновенной) суммой в семьдесят один фунт или вроде того. Натали никогда не прикасалась к этим деньгам, а теперь, двадцать лет спустя, там наконец накопилась определенная сумма. Ах, воспоминания! А, может быть, она даже помнила, как перебирает прежние однофунтовые купюры? Трудно сказать: ностальгия — такая искажающая сила.

— Вы стоите в очереди?

Натали посмотрела на раздражительную пожилую даму у ее локтя, зажавшую в руке маленькую записную книжку. Неопределенно помахала своей красной книжечкой:

— Думаю, да.

Но очередь представляла собой аморфную толпу шумных обитателей С-З с карманными книжицами, все они кричали и толкались. Кто-то сказал: «Нам нужна система в этой очереди, мэм! Тут всегда хаос!» Кто-то другой: «Эти люди не

знают, что такое британская очередь».

Алюминиевые шесты, которые должны были стоять на грязном ковре через определенные интервалы, не были выставлены. Натали видела, что они свалены в кучу в углу у столов кассиров.

— Теперь вы. Идите! — сказала старая дама, и Натали Блейк, не уверенная в том, что правосудие свершилось, пошла к столу, на который ей указали. Там у нее состоялся неприятный разговор с оператором по имени Дорин Бейлс; потом она выбралась из этой толпы на Килбурн-Хайроуд, прислонилась к автобусной остановке и расплакалась.

104. Сто десять процентов

«Я так зла на пастора, — со слезами на глазах сказала Марсия. — Это так ужасно: я давала их ему в доброй вере, а он категорически обещал, что гарантия возвращения денег сто десять процентов, он обещал мне, приложив руку к сердцу, потому что это для церкви и на короткий срок. Мы строим церковь в Лаосе, доносим туда слово божье, там оно особенно нужно. Не верится: я как раз собиралась забрать их и вернуть на место, а ты бы даже ничего не заметила, потому что на короткий срок, это просто мост, так он сказал, а я

ему, конечно, поверила! Он добрый человек. Я так зла теперь на пастора, Кейша! Я слишком доверчива, вот в чем дело, и это хуже всего, потому что я думаю, что люди говорят правду, а они жестоко обманывают, жестоко притворяются. После такого очень трудно кому-то верить. Очень трудно».

105. Романтическая сцена в Грин-парке

Натали установила правило, согласно которому романтическая активность должна предоставляться обеим сторонам. Иногда это вызывало ссору. Сегодня правило не встретило возражений. Воскресные газеты. Интервью со знаменитостями. Кинокритика. Мнение. «Одинокие сердца». Сильное солнце. Ланч навынос. Пиво «Ред Страйпс».

— Да, и я еще говорил с Еленой — она согласна.

— Охранник идет. Фрэнк, давай перейдем на траву — я не собираюсь платить два фунта за шезлонг.

— Ты меня слушаешь? Я говорил с матерью. Мы хотим дать тебе деньги.

Натали положила воскресный журнал, отвернулась от Франческо Де Анджелиса, прижалась лицом к полотну; она думала, что заплачет, что «чувства переполнят ее». Но лицо было сухим, а

мысли странным образом заняты.

106. Парковая жизнь

Женская особь ищет мужскую особь для любовных отношений. И наоборот.

Персона низкого статуса с интеллектуальным капиталом, но без избыточного богатства ищет персону высокого статуса с достаточным избыточным богатством для создания взаимных преимуществ, включая увеличение ожидаемой продолжительности жизни, улучшение пищеварения, уменьшение часов работы и ранний выход на пенсию, а также других выгод.

Человеческое животное, нуждающееся в пище и крыше над головой, ищет человеческое животное противоположного пола для обеспечения ее отпрыском и пребывания с нею, пока независимое выживание вышеупомянутого отпрыска не станет вероятным.

Некоторые гены, стремящиеся к выживанию, интересуются в первую очередь тем, что, скорее всего, приведет к их умножению.

107. Давай не спорить, фу-у

Он все еще говорил. У него было взрослое лицо,

то, которое он ежедневно носил на работе. Он знал, что это фейк. Причина, по которой он не мог рассказать ей, чем занят на работе, состояла не в том, что его обязанности были слишком сложны для понимания (хотя они и были сложны), а потому что он и сам их толком не понимал. Он целыми днями пускал пыль в глаза. Она всегда знала, что его нежное «я» основано на неопределенности, и считала эту его черту — универсальную для мужчин, насколько она понимала из своего жизненного опыта, — малой платой за вышеупомянутые честность, сексуальную открытость и красоту.

— …то, что я сказал Елене: эта девочка заканчивает второй на потоке… даже если бы я ее не любил, совершенно неразумно допускать, чтобы такой талант пропал втуне из-за недостатка средств, это не имеет экономического смысла. Твоя семья по какой-то причине отказывается помочь тебе…

— Они не отказываются помочь мне, Фрэнк, они не могут! — воскликнула Натали Блейк и яростно бросилась на защиту своей семьи, несмотря на то что ни с кем из них она в тот момент не разговаривала.

108. Политика в движении

— Черил могла бы уже перестать рожать детей. Твой брат мог бы устроиться на работу. Они могли бы отказаться от этого культа стяжательства. Твоя семья делает плохие выборы — это факт.

— Тебе бы следовало заткнуться, потому что ты не знаешь, о чем говоришь. Я не хочу говорить об этом в чертовом метро, чувак.

Натали Блейк и Франческо Де Анджелис, казалось, имели разные представления о слове «выбор». Оба верили, что их понимание объективно-взвешенное и ни в коем случае не является производным от их происхождения.

109. Джон Донн, Линкольнс-Инн, 1592

Из комнаты клерков наверху доносится какой-то шум. У Полли есть для этого фразочка: «обсценная симфония на кокни».

— Нат, у тебя когда самолет?

— Завтра утром в семь.

— Слушай, где бы ты предпочла оказаться: в Тоскане или в суде ювенальной юстиции в Западном Лондоне? Я серьезно, беги отсюда, пока можешь.

В комнате стажеров остались только они вдвоем. Все остальные были либо в суде, либо уже в пабе.

— Ты можешь даже взять мою последнюю сигарету. Считай ее частью приданого.

Пока Полли щелкала зажигалкой, Натали натянула на себя пальто, но они спешили недостаточно и потому не смогли избежать клерка по имени Йэн Кросс — он появился внизу лестницы с делом в руках.

— О-па. Ну-ка, потуши сигарету. Сосредоточьтесь. Кто хочет получить это?

— Что это?

Йэн покрутил дело в руках.

— Наркоманы. Ограбление. Небольшой поджог. Это записи на обороте, сделанные рукой молодого мистера Хэмптона-Роу — там, в Бриджстоуне. Ему в последнюю минуту повезло больше. Разбирать кучу говна, что насрал преподобный Марсден. Высший класс.

Натали увидела, как залилось румянцем лицо Полли, которая протянула руку к папке, изображая слабый интерес.

— Преподобный кто?

— Ты шутишь, да? Викарий зарезал шлюху и утопил ее в Камден-Лок. Об этом весь город знает.

Ты что, газет не читаешь?

— Я читаю другие газеты.

— Тебе пора переехать в двадцать первый век, детка. В наши дни есть только один вид газет.

Он улыбнулся, и фиолетовое пятно вокруг его левого глаза жутко сморщилось. Еще одна умная фразочка Полли: «Вся личность выстраивается вокруг синяка».

— Давай мне. Нат не может. Она в воскресенье выходит замуж.

— Поздравления. Это должны делать все. Ни один человек не остров, я всегда говорю.

— Так это ты, значит, сказал? А я все думала, кто. Нат, дорогая, беги отсюда. Спасайся. Выпей за мой счет.

110. Личностные скобки

(Иногда, получая удовольствие от коротких и точных личностных характеристик, которые Пол давала другим, Натали опасалась, что ее собственное — Натали — отсутствие, ее собственная — Натали — личностная характеристика тоже обретают форму в мозгу Пол, хотя она не могла заставить себя по-настоящему бояться такой возможности, потому что в глубине души не могла поверить, что про нее — Натали — вообще можно

говорить так же, как она — Натали — говорит о других и как другие говорят о других. Но ради мысленного эксперимента: вокруг чего выстраивается личностная характеристика Натали Блейк?)

111. Вышивка с коллегами

Натали Блейк поспешила по лестнице мимо комнаты клерков, чтобы избежать еще каких-либо дел. Она вышла на Мидл-Темпл-лейн и пристроилась в зону пониженного давления, образованную движущейся в одном направлении людской массой — в направлении Чэнсери-лейн. Она пошла дальше в общем темпе, обнаружила двоих друзей, потом еще двоих. Когда они дошли до «Семи звезд», компания набралась довольно большая — за одним столом внутри не уместиться. Единственная, кроме нее, женщина — Анита — предложила принести выпивку, и Натали вызвалась помочь. «Водку или пиво?» Они забыли спросить. Анита, еще одна девушка из рабочей семьи, но из Ланкашира, была озабочена мыслью о том, чтобы все делалось как положено; стажеры-женщины, вышедшие из рабочего класса, они всегда были озабочены тем, чтобы все делалось как положено. Натали Блейк взяла на себя

ответственность за двоих. Несколько минут спустя они, скромно одетые в юбочные в костюмы, появились с двумя подносами, залитыми расплесканной пеной. Мужчины выстроились в ряд у ограды Королевского суда, курили. В Лондоне стоял приятный теплый вечер, типичный для позднего лета. Мужчины свистнули. Женщины подошли.

112. Сэр Томас Мор, Линкольнс-Инн, 1496

Кто-нибудь, устройте этой девчонке карусель[65]! Она выходит замуж. Ах, лучшие умирают молодыми. Как его зовут, забыл? Франческо. Итальяшка? Я ходатайствую об отмене приговора. Вообще-то наполовину тринидадец. ЭТО ВЗБЕСИВШАЯСЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ. Нет, Нат, серьезно. Всего самого-самого. Мы все желаем тебе самого-самого. Я не верю в самое-самое. Где мое приглашение? Да, где мое приглашение? Осторожнее с этим стаканом! Никто не приглашался. Даже семья. Мы хотим быть одни. О-о, эксклюзив! Кто-нибудь, поднимите ее. Пол говорит, он хоро-

[65] notes: 65

Шутливая традиция, иногда к ней прибегают на днях рождения: новорожденного поднимают четыре человека и описывают столько кругов, сколько лет виновнику торжества. Иногда виновника подкидывают и ловят над полом тоже по числу празднуемых лет.

шо обеспечен. «Дурхам энд Маколи». На скорую руку в Излингтонской ратуше. Медовый месяц в Позитано. Бизнес-класс. Да, мы все об этом знаем. О да, мы знаем. Блейк не дура. О-па! Мимо. Суть в том, что ты присоединяешься к другой стороне. Вражеский лагерь. Мы будем вынуждены продолжать поиск любви в твое отсутствие. Этот парень, Франческо: он считает, что секс должен быть только после свадьбы? У итальянцев такая традиция. Католик, надо полагать. Да, надо полагать. Фрэнк. Все зовут его Фрэнком. Он только наполовину итальянец. Джейк, возьми ее правую ногу. Эзра, возьми левую. Амита, держи задницу. Опустите меня! Ты дежурная по заднице. Амита, дорогая. Возражение! Как так получается, что Амите достается лучшая часть? Потому что так уж получается. Возражение не принято. Почему джентльмен в наши дни больше не может упоминать заднюю часть тела дамы? Я ТЕБЕ ГОВОРЮ, ЭТО ПОЛНОЕ ОТСУТСТВИЕ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ — да ну его в жопу. Раз, два, три, ПОДНИМАЕМ.

Стажеры-барристеры, улюлюкая, понесли Натали Блейк через дорогу. Ее нос чуть не задевал арки дверных проходов шестнадцатого века. Как далеко от дома!

— ОНА УТРОМ ВЫХОДИТ ЗАМУЖ.

— Послезавтра. Это чья там статуя?

— Моя латынь хромает… ни хера не понимаю… Мы куда идем? На север? На запад! Тебе на какую линию метро, Нат? На Юбилейную?

113. Miele di Luna[66] (две недели)

Солнце.
Просекко.
Выбеленное небо.
Ласточки. Вверх. Вниз.
Голубые камешки.
Красные камешки.
Подъемник к берегу.

Пустой берег. Восход. Закат.
«Ты знаешь, как это редко в Италии?
Вот за это ты и платишь —
за тишину!»
О.
Он плавает. Каждый день.
«Вода идеальна!»
Волна.

Английские газеты. Два пива. Аранчини.

— Ничего, если мы поставим его на эту тележ-

---

[66] notes: 66
Медовый месяц (*ит.*).

ку? Мы сняли номер пятьсот двенадцать. Вот мой паспорт.

— Конечно, мадам, вы в номере для новобрачных. Не возражаете, если я у вас кое-что спрошу? Вы откуда?

Волна.

На руках официанта белые перчатки. Некрологи. Обзоры. От обложки до обложки.

Ром и кола. Чизкейк.

— Я могу записать на наш номер. Тот, другой, сказал, что не возражает. Пятьсот двенадцать.

— Конечно, мадам. Как это называется по-английски?

— Бинокль. Мой муж любит птиц. Странно произносить это слово.

— Бинокль?

— Муж.

Общедоступный берег на стрелке полуострова. Четыре мили отсюда. Улюлюканья. Крики. Смех. Музыка из громкоговорителей. Больше тел, чем песка.

Хотела бы здесь побывать?

Пусто.

Эксклюзивно.

«Это и вправду настоящий рай!»

ой

волна

Одинокая семья. Красный зонтик. Мать, отец, сын. Луи. ЛУУУУ-иииии!

Розовые шорты. ВОЛНА.

Нигде и ничего.

ЛУУУУ-ИИИИИИ!

Коктейль с водкой.

— У вас есть ручка? Вы не знаете, откуда они?

— Париж, синьора. Она — американская модель. Он — компьютер. Француз.

Луи ужалила медуза. Драматическое событие!

Коктейль с ромом. Креветки. Шоколадный торт.

— Пятьсот двенадцатый, пожалуйста.

— Мадам, я вам говорю: это невозможно. Здесь нет медуз. Мы элитное заведение. Вы не плаваете из-за этого?

— Я не плаваю, потому что не умею плавать.

Linguine con vongole, джин и тоник, коктейль с ромом.

— Сеньора, вы откуда? Америка?

— Пятьсот двенадцатый.

— Это ваш бойфренд плавает?

— Муж.

— У него такой хороший итальянский.

— Он итальянец.
— А вы, синьора? Dove sei?[67]

114. La isola che non c'è[68]

— Ты должна хотя бы раз постоять в воде, — сказал Фрэнк Де Анджелис; Натали Блейк посмотрела на прекрасный коричневый торс мужа, с которого капала соленая вода, и вернулась к чтению. — Ты таскаешь с собой эти газеты с самого самолета. — Он заглянул через ее плечо. — Что там такого интересного? — Она показала ему помятую страницу частных объявлений, покоробленную водой. Он вздохнул и надел солнцезащитные очки. — «Родственные души». Che schifo[69]. Не понимаю, почему тебе нравится эта ерунда. Меня от них плющит. Столько одиноких людей.

115. Олд-Бейли[70]

---

[67] notes: 67
Вы откуда (*ит.*)?

[68] notes: 68
Остров, которого нет (*ит.*).

[69] notes: 69
Фу, какая дрянь (*ит.*).

[70] notes: 70
Олд-Бейли (Old Bailey) — традиционное название центрального уголовного суда, расположенного в Лондонском Сити.

Йэн Кросс просунул голову в комнату стажеров. Комната, полная стажеров, вселяла надежду. Кросс посмотрел на Натали Блейк.

— Хочешь увидеть, как плачет взрослый присяжный? В Бриджстоуне ищут случайного стажера для видимости присутствия. Судебный зал номер один, Бейли. С Джонни Говно-Хэмптоном. Не беспокойся, тебе ничего не придется делать. Только хорошо выглядеть. Возьми свой парик.

Она порадовалась, что ее выбрали. Это доказывало эффективность ее стратегии в сравнении, скажем, со стратегией Полли. Не завязывай никаких романтических отношений со звездами уголовного суда. Хорошо делай свою работу. Жди, когда твою хорошую работу заметят. Невинность и гордыня сохранялись ровно до того момента, когда она заняла свое место и увидела на галерке семью жертвы — безошибочно узнаваемых выходцев с Ямайки, мужчин в засаленных серых двубортных костюмах и женщин в широкополых шляпах, засеянных россыпью синтетических цветов.

— Смотри и учись, — прошептал Джонни, поднимаясь для вступительного слова.

116. Вуайеризм

Защита строилась на тех же базовых принципах, что и преосуществление. Кто-то другой воспользовался квартирой викария, чтобы искромсать женщину. Кто-то другой выносил ее тело по частям в мусорных мешках в Камден-Лок в двадцати ярдах от собственной задней двери. Он сказал, что ключ свободно циркулировал между прихожанами, у многих были копии. То, что в жертве обнаружили его сперму, было только свидетельством еще одного совпадения. (Газеты нашли несколько подозрительно похожих друг на друга местных проституток, которые утверждали, что знали викария в библейском смысле этого слова.)

— Но здесь судят не расу, — сказал Джонни, легким движением руки обращая внимание присяжных на Натали Блейк, — а допустить превращение процесса в расовый означает основывать бремя доказывания — а это ваша, как присяжных заседателей, первейшая сфера внимания — на принципах «виновен-потому-что-мы-так-утверждаем», которых придерживается наша достойная сожаления пресса.

Огорченный шепот пробежал по скамьям на

галерке, где сидели, цепляясь друг за друга, члены семьи жертвы, но Натали на них больше не смотрела.

Обвинение представило презентацию в PowerPoint. Жалкий интерьер дома в Камдене. Натали Блейк подалась вперед на своем стуле. Экран был покрыт каплями крови, но ее интересовало кое-что другое. Четыре модных в шестидесятые белых стула, неожиданные в доме священника. Слишком большой рояль в слишком маленькой комнате. Разномастные диван и тахта, дорогущий телевизор. Кухня, оснащенная совсем не по-современному, с пробковым полом — к несчастью, этот материал хорошо впитывает кровь. Натали почувствовала толчок локтя младшего адвоката и начала делать вид, будто записывает, как ей было сказано.

117. В гардеробной

Натали Блейк начала снимать с себя мантию, когда рядом с ней возник Джонни Хэмптон-Роу, ухватил ее блузку, отвел в сторону вместе с бюстгальтером. У нее была замедленная реакция: он пощипывал ее сосок, а она еще даже не успела спросить, с какого это хуя он себе такое позволяет. Тем же движением руки, какое она видела в зале

суда, он превратил факт ее крика в преступление. Он тут же отошел, вздохнул: «Ладно, ладно, виноват». Когда она привела себя в порядок и вышла в коридор, он стоял в дальнем конце — точил лясы с остальными членами команды, обсуждали стратегию на следующий день. Младший адвокат показал на Натали ручкой. «Паб. «Семь звезд». Идешь?»

118. Срочная консультация

Ли Ханвелл договорилась о встрече с Натали Блейк на станции метро «Чэнсери-лейн». Ли работала неподалеку секретарем спортивного зала на Тоттенхем-Корт-роуд. Они прошли в Хантеровский музей. Начался дождь. Ли встала между двумя громадными палладианскими колоннами, посмотрела на латинские надписи, вытравленные в сером камне.

— Мы не можем пойти в паб?

— Тебе здесь понравится.

При входе они сделали скромные пожертвования.

— Хантер был анатом, — сообщила Натали Блейк. — Это его частная коллекция.

— Ты сказала Фрэнку?

— Он бы ничем не помог.

Без всякого предупреждения Натали затолкала Ли в первый подвернувшийся атриум, как это сделал с ней Фрэнк несколько месяцев назад. Ли не вскрикнула, не охнула, не закрыла лицо руками. Она прошла мимо всех носов, подбородков и ягодиц, подвешенных в банках с формальдегидом. Прямо к костям гиганта О'Брайана[71]. Она прижала руку к стеклу и улыбнулась. Натали Блейк последовала за ней, читая проспект, объясняя, всегда объясняя.

119. Члены

Толстые и короткие, немного забавные, отделенные в нескольких дюймах от головки, а может быть, просто сморщившиеся в момент смерти. Некоторые обрезанные, некоторые явно омертвелые. «Не вызывают зависти, — сказала Ли. — А у тебя?» Они пошли дальше. Мимо бедренных костей, мимо пальцев ног и рук, мимо легких, мозгов и вагин, мимо мышей и собак, мимо обезьяны с нелепой опухолью на челюсти. Когда они добрались до плодов на поздних стадиях, они уже слегка впали в истерику. Огромные лбы, узкие

[71] notes: 71

Анатомическая коллекция музея включает скелет так называемого Ирландского гиганта, чей рост составлял около 2,3 м.

маленькие подбородки, закрытые глаза, открытые рты. Натали Блейк и Ли Ханвелл, посмотрев на все это, скорчили друг другу и экспонатам страшные рожи. Ли опустилась на колени, чтобы получше разглядеть какой-то траченный болезнью человеческий материал, на взгляд Натали, не поддающийся опознанию.

— Ты ходила в паб.

— Я посидела там двадцать минут, разглядывая структуру столешницы. Они говорили о деле. Я поднялась и ушла.

— Ты думаешь, он сделал то же с девочкой Пол– ли?

— У них были «отношения». Которые, возможно, начались таким же образом. Может, он со всеми себя так ведет.

— Интрига все круче. Ненавижу интриги. В спортзале то же самое, там полно мудаков, которые так выступают. Я от них бешусь.

— Это что за фигня? Рак?

— Кишечника. Папа от этого умер. — Ли отошла от сосуда и села на маленькой скамеечке в середине зала.

Натали тоже села, сжала ее руку.

— И что ты собираешься делать? — спросила Ли Ханвелл.

— Ничего, — сказала Натали Блейк.

120. Интервенция

Прошло несколько недель. Доктор Сингх прижала Натали Блейк в угол в комнате стажеров. Было ясно, что ее прислали как эмиссара. Некоторые наверху — неназванные люди — «озабочены». Почему она перестала участвовать в жизни коллектива? Не чувствует ли она отчуждения? Не хочет ли поговорить с кем-нибудь, кто «прошел через это»? Натали взяла маленькую карточку. Видимо, не отдавая себе отчета, она закатила глаза. На лице доктора Сингх появилась обида, она провела пальцем под рядом букв: КА, ОБИ, ДФ[72]. «Теодора Люис-Лейн была зачинателем, — подразумевалось, что это должно стать предостережением. — Без нее нас нет».

121. Пример для подражания

Кондитерская на Грейс-Инн-роуд. Натали опаздывала на пятнадцать минут, но Теодора опоздала на двадцать, демонстрируя таким образом, что «ямайское время» ни в одной из них не

---

[72] notes: 72

Королевский адвокат, кавалер ордена Британской империи, доктор философии.

умерло. Она была очарована прической Теодоры (сама она по просьбе Фрэнка недавно избавилась от такой же), специально предназначавшейся для ток-шоу, и почти незаметными гламурными добавлениями к неофициальной женской униформе барристера: золотистой атласной блузкой под блейзером, ободком из страз на черных туфлях-лодочках. Теодоре было не меньше пятидесяти, но она обладала типичным островным даром выглядеть лет на двадцать моложе своего возраста. Как это ни удивительно — с учетом ее грозной репутации, — ее рост составлял не более пяти футов и двух дюймов. Когда Натали поднялась со стула пожать Теодоре руку, та показалась ей смущенной. Но, сев на стул, она вернула себе важный вид. С акцентом, не встречающимся в природе (где-то посередине между акцентом королевы и говорящих часов), она заказала умопомрачительное количество пирожных, после чего без всяких понуканий перешла к истории своего детства в готическом Южном Лондоне и невероятного профессионального триумфа. Когда ее история еще не вполне закончилась, Натали Блейк брезгливо откусила маленький кусок круассана и пробормотала:

— Полагаю, я просто хочу, чтобы мою работу

оценивали по заслугам…

Когда она оторвала взгляд от тарелки, Теодора сидела, положив свои маленькие ручки на колени.

— На самом деле разговор со мной вам не нужен, мисс Блейк?

— Что?

— Позвольте, я скажу вам кое-что, — проговорила она с резкостью, которая не соответствовала улыбке, не сходившей с ее лица. — Я самый молодой королевский адвокат в моем поколении. Это не случайность, что бы вы ни думали. В нашей профессии все очень быстро узнают, что фортуна любит смелых… но еще и прагматичных. Я полагаю, вас интересует адвокатское сообщество, отстаивающее права человека в определенном аспекте. Полицейский произвол? Это ваши планы?

— Я пока не уверена, — ответила Натали, пытаясь казаться бойкой. Она боялась, что расплачется.

— У меня таких планов не было. В моей молодости, если вы становились на такую дорожку, то люди ассоциировали вас с вашими клиентами. Я рано восприняла один совет: «Избегай работы в гетто». Его мне дал судья Уэйли. Уж он-то в этом

знал толк. Первое поколение делает то, что не хочет делать второе. Третье свободно делать, что ему заблагорассудится. Ах, как вам повезло. Если бы только удача сопровождалась толикой вежливого смирения. Так, кажется, здесь подают вино. Выпьете немного?

— Извините. Я не хотела показаться невежливой.

— Это хорошая подсказка для суда: не думайте, что ваше презрение невидимо. Когда повзрослеете, вам станет ясно, что жизнь — двустороннее зеркало.

— Но у меня нет никакого презрения…

— Успокойся, сестра. Выпей немного вина. Я была такой же в твои годы. Ненавидела, когда меня учили.

122. Совет Теодоры

«Когда я начала выступать в судах, мне постоянно устраивали выволочки с судейского места. Я проигрывала дела и не могла понять, почему. Потом поняла следующее: когда перед этими судьями предстает какой-нибудь парень из Суррея, все страстные аргументы воспринимаются как «чистое адвокатство». Они с судьей узнают друг друга. Они понимают друг друга. Вполне вероят-

но, они ходили в одну школу. Но страсть Уэйли, или моя, или твоя воспринимается как «агрессия». По отношению к судье. Вот дом, а ты в нем незваный гость. И позволь сказать тебе: с женщинами это еще труднее — «агрессивная истерия». Первый урок: остынь. Одна зарубка. Вторая. Потому что это не нейтрально. — Она словно сканером обвела рукой свое тело от головы до колен. — Это никогда не бывает нейтральным».

123. Пака пака

привет наконец

это было не так уж трудно правда

не люблю загружать всякие штуки

моя компутер не любить

из интернета на РАБОТЕ. Слабые компьютеры у правительства. Один маленький вирус

моя бояться будущее

и они умирают точняк

точно

прекрати блейк

Это просто охуенно ОЧАРОВАТЕЛЬНО

Привет ханвелл ДОРОГАЯ. Что тебя тянет к интернету в такой прекрасный дегь

день

женщина рядом со мной в прямом смысле

сует нос сюда

пыталась позвонить но ты не отвечаешь

очеравательно

не могу принимать частные вызовы в комнате стажеров что у тебя

большая новость

Тебе попала реклама котов?

совбодна шестого мая?

Будешь ловить рекламу котов шестого мая? Я свободна если не в суде. Я большой адвокат ленюсь в последнее время точняк Большой адвокат женщина господи

говнопечатник

женщина господи я выхожу замуж

!!!!!?????

в мае

здорово! Когда это случилось???

Шестого регистрация как и у тебя но с костями

Я так за тебя рада

С гостями

Гости вощето для мамы

окей

а еще очень его люблю.

Хочу его

Важна для него и он хочет

Ведь именно это люди и делают точняк
извини клерк мин
достаточно оснований?
я думаю надену фиолетовое
Тоже для Полин
И золото как у католического священника
Эй, ты там?
Извини это все просто здорово — поздрав!
И это озча
Означает продолжение рода??
ИДИ В ЖОПУ ЖЕНЩИНА
☺
ИДИ В ЖОПУ СО СВОИМ СМАЙЛИКОМ
не могу поверить, что ты выходишь
что происходит со
я тоже
вселенной?
мы старухи
никакие мы нахер не старухи
ты хотябы чегото добилась. Я медленно умираю
это мой второй год стажировки. Может останусь стажером на всю оставшуюся
умираю от скуки
жизнь
не знаю что это значит

это = не хорошо. Большинство лбдей УЖЕ ЧЕРЕЗ ГОД практикуют

все равно скучно — могу с просить чтобы

ты не обиделась извини

в жопу большинство людей

хаха я теперь на крепком якоре

так могу спросить?

когда ты втюрилась, ты должна бросить всех других

в этом идея, верно?

Дурацкая идея

хаха

Так что число тех кто выкинул белый флаг увеличилось

Это отвечает на твой вопрос большая женщина господи?

Хаха да. Ты такой мозгочтец настоящий

и когда все остальное не помогает:

wwww.adultswatchingadults.com[73]

помогает убить время

ты понимаешь о чем я. Давай, девушка!

Ой подруга не оставляй меня подвешенной!

Извини. Работы до хера пора идти люблю тебя

пака пака

---

[73] notes: 73

Адрес порносайта, название которого переводится как «взрослыесмотрятнавзрослых».

«пака пака»

124. Вопрос об адвокатуре на собрании сообщества

Миз Блейк, вы готовы представлять клиента из БНП?[74]

125. Герой Харлсдена (со скобками)

Натали Блейк и не мечтала, что ей предложат адвокатуру. Чтобы преобразовать внешнее суждение в личный выбор, она рассказывала себе историю об адвокатской этике, о сильном нравственном характере и безразличии к деньгам. Ту же историю она рассказывала Фрэнку и Ли, коллегам-стажерам и всем остальным, кто спрашивал о будущем. Это был ее способ обезопасить будущее. (Все рассказы Натали в конечном счете и имели в виду именно будущее.) А когда вопреки ожиданиям ей и в самом деле предложили адвокатуру, Натали Блейк оказалась в затруднительном положении, столкнувшись с собственной личной этикой, сильным нравственным характером и безразличием к деньгам (или по меньшей мере

[74] notes: 74

Британская национальная партия, праворадикальная организация, расистская, антисемитская и гомофобная.

с тем, что касалось публичного проявления этих качеств), а потому была вынуждена отказаться от предложения и согласиться на параллельную работу в «Р зенб рг, Сл тт и энд Но тон», переговоры о которой она вела уже несколько месяцев. Половина букв из названия этой крохотной харлсденской фирмы, занимающейся оказанием юридической помощи, выпала.

126. Тония ищет Кейшу

Клиенты Натали Блейк звонили в самое неподходящее время. Они лгали. Они обычно опаздывали в суд, редко надевали то, что она им советовала, и отказывались от вполне разумных сделок с обвинением. Иногда они угрожали ей убийством. За первые полгода в РСН трое клиентов были молодыми людьми, которые «ходили в Брейнтонскую школу», хотя и были гораздо моложе, чем сама Натали Блейк. Это наводило ее на мысль, что школа, вероятно, съехала по склону холма, еще больше съехала. Она перехватывала что-нибудь в забегаловке напротив «Макдоналдса», сидела там на высокой табуретке и как только не исхитрялась, чтобы масло не капало ей на костюм. По большей части ее меню состояло из котлет для гамбургера, рыбных

тефтелей и банки имбирного пива. Она пыталась разнообразить этот набор, но дух авантюризма покидал ее у кассы. Долгосрочный план состоял в том, чтобы встретиться с Марсией и ее сестрой Айрин, жившей поблизости, и угостить их ланчем, но эта фантастическая встреча с ее предполагаемыми двумя часами свободного времени и отсутствием срочных дел для ознакомления, казалось, никогда не сможет состояться, и вскоре Натали Блейк поняла, что она так и не состоится никогда. Она довольно часто встречалась со своей кузиной Тонией на Харслден-Хай-стрит. В этих случаях она — несмотря на свой статус гранд-дамы от адвокатуры — ощущала те же беззащитность и неадекватность, которые вызывала в ней Тония своим присутствием в детстве. В тот день на Тоние были спортивные штаны с надписью СЛАДКАЯ на заднице и джинсовая куртка в обтяжку, под которой виднелся желтый бюстгалтер. У нее была фиолетовая челка, серьги-кольца до плеч. Красные туфли на платформе с каблуками в пять дюймов. Несмотря на одного малыша и новорожденного младенца, которых она возила в двойной коляске, Тония сохраняла пропорции супергероини из комиксов. Натали же была прискорбно «маргар», как говорят на

Ямайке. Белые считают, что это означает «худой» или «спортивный», и непременно в положительном смысле. Для Натали же это означало полную бесформенность и непримечательность. Кожа Тонии никогда не имела пепельного оттенка, а всегда была шелковистой и великолепной, и у нее никогда не появлялись отвратительные розовые угри, которые иногда высыпали на лбу Натали, в том числе и сейчас. Если зубы у Натали были маленькие и серые, то у Тонии — крупные, белые, ровные и сейчас выставленные напоказ в гигантской улыбке. Когда Тония приблизилась, Натали была уверена, что у нее, у Натали, вокруг рта масло от тефтелей. Но, возможно, все это вымещение тревоги в физическую область представляло собой женский способ упрощения гораздо более глубокого и более необъяснимого различия, так как Натали считала, что у Тонии есть дар умения жить, тогда как у самой Натали такого дара не было.

— Твои детишки просто преступно хорошо выглядят.

— Спасибо.

— Посмотри на Андре — он бесстыдно знает об этом.

— Это его отец. Отец купил ему цепочку.

— Он у тебя совсем типа: я трехлетний прожигатель жизни.

— Ты просто мои слова повторяешь! Правда-правда.

Под улыбкой Тонии Натали видела, что ее кузина разочарована этим разговором, что она, как обычно, хочет установить более глубокую «связь» с Натали, которая именно этой близости и хочет избежать, а, как следствие, сохранить этакую поверхностную и приятную декорацию отношений с кузиной, чтобы держать Тонию на расстоянии. Теперь Натали поставила Андре и взяла Сашу. Дети не казались Натали реальными, сколько бы она ни держала их на руках. Как Тония могла быть матерью этих двух детей? Как Тоние могло быть двадцать шесть? Когда Тония перестала быть двенадцатилетней? Когда наступила ее взрослость?

— Я, значит, вернулась в Стоунбридж к маме. С Элтоном мы разошлись — точка. Я устала попусту тратить время. Но у меня все хорошо. Я вернулась к учебе — на Долли-Хилл. Колледж Северо-Западного Лондона. Туризм и гостеприимство. Учеба, учеба. Нелегко, но мне нравится. Ты для меня пример!

Тония положила руку на плечо ее, Натали,

уродливого пиджака цвета морской волны. Что это такое было в ее глазах — жалость? Натали Блейк не существовало.

— Как твоя подружка? Эта хорошенькая девочка. Рыжеволосая.

— Ли. У нее все хорошо. Замужем. Работает в совете.

— Правда? Здорово. Дети?

— Нет. Нет пока.

— Вы такие — все на потом откладываете, да?

Тония перенесла руку с плеча кузины на ее голову.

— Что у тебя тут такое, Кейша?

Натали прикоснулась к своему неровному пробору, сухому пучку волос, зачесанных назад, без всяких наворотов.

— Ничего особенного. Вечно не хватает времени.

— А я все это сама делаю. Микрокосички. Приходи, я тебе сделаю. Всего шесть часов. Можем прямо этим вечером. Заодно обо всем поговорим.

127. Связь между хаосом и другими качествами

В «РСН Ассошиэйтс» закон торчал из сломанных папок, которые стояли в коридоре, туалете и

на кухне. Этот хаос был неизбежен. Но в какой-то мере он обладал и эстетическими свойствами, немного преувеличенными адвокатами, имеющими цель продемонстрировать самозабвение, искренность. Натали видела, что ее клиенты находят этот хаос успокоительным, так же как другой тип клиентов находил утешение в фальшивых диванах в стиле королевы Анны и картинах с изображением фоксхаундов в Миддл-Темпл. Если ты работал здесь, то исключительно из любви к закону. Только истинные поборники добрых деяний могли быть так бедны. В дни судебных заседаний клиентов направляли в магазин готового платья Джимми. Победы праздновались корпоративно с дешевым вином, питой и хумусом. Когда солиситор РСН появлялся в камере у клиента, то приезжал он на автобусе.

128. «На передовой»

Время от времени Натали сталкивалась в суде или в полицейских участках с корпоративными солиситорами, которых знала еще по университету. Иногда она разговаривала с ними по телефону. Обычно они театрально хвалили ее юридическую этику, сильный нравственный характер и безразличие к деньгам. Иногда заканчивали

двусмысленным комплиментом, подразумевающим, что улицы, на которых выросла Натали и на которых теперь обитают ее клиенты, на их, солиситоров, взгляд являются безнадежным местом, вроде зоны ведения боевых действий.

129. Возвращение

Езда из дома на работу и обратно убивала ее. Иногда простой выбор слова может дать неплохие результаты. Это «убивала» стало предпосылкой к ее возвращению на С-З. «А как быть с моей ездой туда-сюда?» — возражал Фрэнк Де Анджелис. «Юбилейная линия, — сказала его жена Натали Блейк. — От Килбурна на Кэнари-Уорф». Она аккуратно составила контракт, взяла кредит, разделила депозит на две части. Все это ради дома в Килбурне, который ее муж мог приобрести без всяких проблем, не моргнув глазом. Когда сделка была совершена, Натали купила бутылку кавы, чтобы отпраздновать. В шесть часов, когда она взяла ключи, он все еще был на работе, он все еще находился там в восемь — а потом неизбежный звонок в девять сорок пять: «Извини, полуночница. Езжай без меня, если хочешь». Девиз брака. Натали Блейк позвонила Ли Ханвелл: «Хочешь увидеть, как я перенесу свое тело через порог?»

130. На круги своя

Ли повернула ключ в заедающем замке. Натали вползла следом во взрослую жизнь. Примечательную своей тишиной и приватностью. Электричество так и не подключили. Ясная луна освещала голые белые стены. Натали устыдилась своего кратковременного разочарования: после стольких месяцев жизни в доме у Фрэнка все казалось тесным. Ли прошлась по гостиной и свистнула. Она руководствовалась старым масштабом измерений: в два раза больше колдвелловской двушки.

— Что это там?

— Крыша нижнего этажа. Это не балкон, агент сказал, ты не можешь…

Ли прошла через раздвижное окно на увитый плющом выступ. Натали за ней. Они скурили косяк. На подъездной дорожке внизу сидела жирная лиса, нахальная, как кот, и смотрела на них.

— Твой плющ, — сказала Ли, трогая его, — твой кирпич, твое окно, твоя стена, твоя лампочка, твоя канализационная труба.

— Я владею этим на паях с банком.

— И все же. Эта лиса беременна.

Натали принялась вытаскивать пробку —

та выскочила, ударилась об стену и улетела в темноту. Она сделала глоток из горлышка. Ли подалась к ней и отерла подбородок подруги. «Кава-социалистка»[75]. А теперь смотрим, как Натали переформатирует разговор. Это женское искусство. Она останавливается на полпути к вершине, где находятся друзья Фрэнка, все эти холостые молодые люди с их непостижимыми рождественскими бонусами. Она обнаружила, что ей приятно рассказывать об этом мире Ли, которая почти ничего о нем не знала. Челси, Эрлз-Корт, Вест-Хэмпстед. Лофты и квартиры в кондоминиумах, куда не ступала нога ребенка или женщины, без всякой мебели, по соседству с гетто.

— Поправка: там непременно есть большой диван коричневой кожи, громадный холодильник и телевизор, огромный, как и сама квартира. И офигительная акустическая система. Они не возвращаются домой до двух ночи. «Веселые клиенты». Обычно в стрип-клубах. Квартира так и стоит пустая. Пять спален. Одна кровать.

---

[75] notes: 75

Человек, утверждающий, что придерживается левых взглядов, при этом не отказывающийся от буржуазного образа жизни. В Великобритании — «шампанский социалист», или «кава-социалист», во Франции — «социалист с икрой», в Америке — «либерал в лимузине».

Ли бросила бычок в сторону лисы.

— Паразиты.

Натали вдруг ощутила нечто такое, что определила как «укол совести».

— Многие из них хорошие ребята, — быстро сказала она. — Симпатичные, когда сами по себе. Они забавные. И они чертовски много работают. Ты должна прийти, когда мы в следующий раз устроим обед.

— Ах, Нат. Все симпатичные. Все чертовски много работают. Какое это имеет отношение к чему бы то ни было?

131. Повторный визит

Люди болели.

— Ты помнишь миссис Икбал? Маленькая женщина, всегда со мной немного надменная. Рак груди.

Люди умирали.

— Ты должна его помнить, он жил в Локе. Во вторник взял да помер. Через полчаса его забрала «Скорая».

Люди вели себя скандально.

— Ребенок родился уже две недели как, а они меня так и не впустили. Мы даже не знаем, сколько у них детей. Они их не регистрируют.

Люди не знали, что родились.

— Угадай, сколько на рынке просят за яйца. Органические. Угадай.

Людей видели.

— Я видела Полин. Ли теперь работает в совете. Она всегда очень надеялась на этого ребенка. Забавно, как складывается жизнь. В некотором роде ты достигла гораздо большего, чем она, правда.

Людей не видели.

— Он наверху с Томми. Он теперь все время с ним проводит. Они выходят из комнаты, чтобы пойти куда-нибудь охмурять женщин. Джейден и Томми все время и деньги тратят на охмурение женщин. Больше твой брат ни о чем не думает. Ему нужно найти работу — я ему устала уже говорить.

Люди были не людьми, а всего лишь следствием речи. В одном предложении можно было вызвать их к жизни и убить.

— Оуэн Кэфферти.

— Мам, я его не помню.

— Оуэн Кэфферти. Оуэн Кэфферти! Он поставлял все продукты в церковь. Усатый. Оуэн Кэфферти!

— О'кей, смутно помню. И что?

— Умер.

Все в доме оставалось по-прежнему, но возник-

ло какое-то новое ощущение недостачи. Новое осознание. И воистину увидели они наготу свою и устыдились[76]. Марсия положила на стол веер кредитных карточек. Пока она рассказывала дочери путаную историю каждой карточки, Натали, как могла, делала заметки. Ее вызвали для срочной консультации. Она толком не знала, зачем делает заметки. Единственным полезным делом было бы выписать крупный чек. Но в нынешней своей ситуации она не могла это сделать. Просить Фрэнка было выше ее сил. Какая будет разница, если она обратит цифры в слова?

— Я тебе скажу, что мне нужно на самом деле, — сообщила ей Марсия. — Мне нужно, чтобы Джейден съехал отсюда и женился, чтобы вел собственное хозяйство, а малюткам твоей сестры не приходилось спать в комнате с матерью. Вот что мне нужно.

— Ах, мам… Джейден никогда в жизни… Джейдена не интересуют женщины, он…

— Пожалуйста, не затевай ты опять эту дребедень, Кейша. Джейден — единственный из вас, кто хоть как-то обо мне заботится. Вот так мы и живем. Черил никому не может помогать. Она

---

[76] notes: 76

См.: Бытие, 3:7: «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания».

и себе-то не может помочь. На подходе третий. Я, конечно, люблю этих детишек. Но так мы и живем, Кейша, если правду тебе сказать. Чуть с голоду не помираем. Вот и все дела.

Люди так и жили. Жили так. Жили эдак.

132. Дела домашние

— Я не могу допустить, чтобы они так жили! — воскликнула Натали Блейк.

— Не делай из мухи слона, — сказал Фрэнк.

133. E pluribus unum[77]

Безусловно, случай исключительный, если тебя принимают обратно в Миддл-Темпл, но Натали Блейк во многом была исключительным кандидатом, и несколько членов сообщества неформально считали ее собственным протеже, хотя на самом деле были знакомы с ней лишь шапочно. Что-то в Натали вызывало желание патронировать ей, словно, помогая ей, ты помогал невидимому множеству.

---

[77] notes: 77
Из многих единое (*лат.*).

134. Паранойя

Мужчина и женщина, пара, сидели за столиком напротив Натали и Фрэнка за субботним бранчем в Северо-Западном Лондоне.

— Органический, — сказала Анита, имея в виду кетчуп.

— Дрянной, — сказал ее муж Имран. Он тоже имел в виду кетчуп.

— Он не дрянной. Просто в нем нет четырнадцати ложек сахара, к которым ты привык, — сказала Анита.

— Это называется пикантный вкус? — сказал Имран.

— Можешь есть, можешь не есть, — сказала Анита. — Никого это не колышет.

Вокруг них за другими столиками плакали дети других людей.

— Разве я сказал, что это кого-то колышет? — сказал Имран.

— Индия против Пакистана, — сказал Фрэнк, на шутливый манер упоминая страны, выходцами из которых были его друзья Анита и Имран. — Лучше помолитесь, чтобы не дошло до взрыва.

— Ха-ха, — сказала Натали Блейк.

Они продолжили завтрак. Завтрак, переходя-

щий в бранч.

Они встречались один-два раза в месяц. Сегодняшний бранч показался Натали более оживленным, чем обычно, и более спокойным, словно воссоединившись с коммерческим сообществом и действуя (хотя бы отчасти) в интересах корпораций, она утратила остатки досадной ауры, которая беспокоила ее друзей и вынуждала их быть осмотрительными в ее присутствии.

135. Презрение

Яйца подали с опозданием. Фрэнк по-свойски принялся выражать недовольство официанту, и яйца не включили в счет. В какой-то момент он даже использовал фразу: «Слушай, мы же оба образованные люди». Натали Блейк пришло в голову, что она не очень счастлива в браке. Бестолковый. Отпускает банальные шутки, оскорбляет людей. Он вечно пребывал в благодушном настроении, но был упрямцем. Он ничего не читал и вообще не имел никаких культурных интересов, если не считать старой ностальгической любви к хип-хопу девяностых. Карибы наводили на него тоску. Думая о душах чернокожих людей, он предпочитал думать об Африке

— «Эфиопия Темная «и» Египет Сфинкс»[78], — где два штамма его ДНК вели благородное сражение в древних историях[79] (он знал эти истории только в туманных библейских описаниях). Губы у него были в кетчупе, и поженились они быстро, не успев по-настоящему узнать друг друга. «Она мне вполне нравится, — сказала Анита. — Просто я не особо ей доверяю». Фрэнк Де Анджелис никогда не обманывал Натали Блейк, никогда не лгал ей, никак не обижал. Физически он был красив. Добр. «Это не уход от налогообложения, — сказал Имран. — Это налоговый менеджмент». Счастье не есть абсолютная величина. Это состояние сравнения. Были ли они более несчастными, чем Имран и Анита? Или чем люди, сидящие вон там? Чем вы? «У меня сыпь от всего, в чем есть мука», — сказал Фрэнк. На столе лежала громадная стопка газет. В Колдвелле выбор газеты играл важную роль. Марсия гордилась тем, что Блейки выписывают «Войс» и «Дейли миррор», а не всякую «грязь». Теперь все приходили на

[78] notes: 78

Отсылка к трудам Уильяма Эдуарда Беркхардта Дюбуа (1868–1963), афроамериканского общественного деятеля и писателя; в частности, в его сборнике «Души черного народа» и вводятся понятия «Темная Эфиопия» и «Египет Сфинкс».

[79] notes: 79

Имеются в виду Пунические войны.

бранч с «качественной» газетой, а на гарнир заказывал всякую дрянь. Сиськи, викарии, знаменитости и убийство. Благочестие ее матери — а в общем-то, и ее, Натали, собственное благочестие — казалось старомодным. «Это мятеж», — сказала Анита. Натали вонзила нож в яйцо и стала смотреть, как желток вытекает на бобы. «Еще чая?» — сказал Фрэнк. Все они согласились, что война неприемлема. Они были против войны. В середине девяностых, когда Натали Блейк спала с Имраном, они собирались отправиться в Боснию в конвое машин «Скорой помощи». «Но Ири и не могла стать другой матерью, — сказала Анита. — Я могла это сказать и пять лет назад». Теперь существовало только приватное царство. Работа и дом. Брак и дети. Теперь они хотели лишь вернуться в свои обиталища и жить реальной жизнью домашних разговоров, телевидения, ванны, ланча и обеда. Бранч находился за пределами приватного царства, но неподалеку — просто по другую сторону границы. Но даже бранч был слишком далек от дома. На самом деле бранч даже и не существовал. «Хотите, дам вам совет? — сказал Имран. — Начинайте с третьего эпизода второго сезона». Можно ли было находиться в состоянии боевой готовности постоянно, даже во

время бранча? «У нее теперь дети всех рас. Она как Объединенные нации дураков», — сказал Фрэнк, простым ироническим комментарием возвышая себя над интересом к «сплетням о знаменитостях». «Шалости» с двумя стриптизершами, — прочла Анита. — Ну почему это всегда «шалости»? Я вот никогда в жизни не «шалила»». Сексуальные извращения тоже вышли из моды: они попахивали старыми временами. Это было дело грязноватое, стеснительное, непрактичное в условиях экономии. «Я никогда не знал, что такое «приемлемый», — сказал Имран. — Десять процентов? Пятнадцать? Двадцать?» Глобальное сознание. Локальное сознание. Сознание. И воистину увидели они наготу свою и не устыдились. — «Ты себя обманываешь, — сказал Фрэнк. — Ты не можешь купить ничего в парке меньше чем за миллион». Ошибочно было думать, что деньги точно обозначают конкретное сочетание цемента и кирпичей или являются его эквивалентом. Деньги не за эти жалкие типовые дома с их куцыми задними двориками. Деньги — они за то расстояние, которое образуется между тобой и Колдвеллом благодаря этому дому. «Такая же юбка, — сказала Натали Блейк, — показывая на фотографию в приложении, — только

красного цвета».

Когда бранч перешел в ланч, Имран на американский манер заказал блинчики. После десятилетий разочарования кофе стал наконец настоящим кофе. Разве не будет жестокостью уйти сейчас, когда они уже прошли такой путь? Вся их четверка оказывала услугу остальным посетителям кафе уже одним своим присутствием. Они были «местной достопримечательностью», которую упоминали агенты по торговле недвижимостью. И по этой причине им не требовалось особенно заморачиваться вопросами политики. Они просто представляли собой политические факты, будучи тем, кто они есть. «Полли не придет?» — спросил Фрэнк. Все четверо проверили телефоны — не пришло ли известий от подруги, последней бессемейной в их компании. Ощущение гладкости телефона в руке. Подмигивающий конверт, обещающий связь с внешним миром, работу, участие. Натали Блейк стала лицом, не годящимся для саморефлексий. Предоставленная собственным умственным механизмам, она быстро скатывалась к презрительному отношению к себе. Работа ее устраивала, и если Фрэнк ждал выходных, то она всегда с нетерпением ждала понедельничных утр. Она могла перед

самой собой оправдать собственное существование, только когда работала. Если бы только она сейчас могла отправиться в ванную и провести следующий час наедине со своими имейлами. «Рабочий уик-энд. Опять», — сказал Имран. У него была самая быстрая связь. «Ужас», — сказала Натали Блейк. Но Полли, если бы пришла, то сидела бы и говорила только о своих удачах на работе — полицейских запросах, спорах о гражданском праве, международном арбитраже для развивающихся стран, недавно опубликованных мнениях о соблюдении законов во время войны. Ее услуг искало новое, современное, правильное сообщество, где ей хорошо платили и где она была нравственно безукоризненна. Сбывшаяся мечта. В тот год люди начали говорить «сбывшаяся мечта». Иногда они делали это искренне, но обычно иронически. Натали Блейк, которой тоже платили очень хорошо, открыла для себя, что слушать Полли сейчас — это поддаваться на почти невероятную провокацию.

136. Яблоня в цвету, 1 марта

Удивлена красотой в переднем саду дома на Хоупфилд-авеню. А вчера она была? При более близком рассмотрении — облако белого, разде-

ленное на тысячи крохотных цветков с желтыми серединками, зелеными стрелочками и розовыми пятнышками. Городское животное, она не знала правильных названий для всего, что относится к природе. Она протянула руку, чтобы отломать прутик в цвету — она намеревалась сделать простой, беззаботный жест, — но прутик оказался жестким и зеленым внутри, к тому же недостаточно хрупким, чтобы сломаться. Но она чувствовала: если уж начала, то не может сдаться (на улице был народ, за ней наблюдали). Она положила портфель на чью-то садовую стену, чей-то забор и теперь пыталась отломать прутик двумя руками. То, что отломалось в конечном счете, было веткой с несколькими другими цветущими прутиками на ней, и вандал Натали Блейк поспешила с веткой прочь за угол. Она шла к метро. Зачем ей понадобилась эта ветка?

137. Ход рассуждений

Сценарист Деннис Портер[80] давал интервью по телевизору. Примерно в середине девяностых. Его спросили, что чувствует человек, зная, что

---

[80] notes: 80

Деннис Портер (1935–1994) — английский телевизионный драматург, сценарист и журналист. Умер от рака поджелудочной железы.

ему осталось жить несколько недель. Натали Блейк запомнила ответ: «Я смотрю в окно и вижу цветение. И оно цветистее, чем когда-либо прежде». Она собиралась проверить год и эти ли слова сказал Портер, как только доберется до Интернета. Но опять же, может быть, то, как она запомнила его слова, и имело значение. Ветка лежала, брошенная, возле телефонной будки у «Килбурн-стейшн». На сиденье вагона Натали Блейк чуть-чуть двигалам тазом назад-вперед. Цветы всегда были для Натали Блейк очень цветистыми. Красота рождала в ней особую чувствительность. «Разница между моментом и мгновением». Она не очень хорошо помнила философское объяснение различия, помнила только, что ее добрая подруга Ли Ханвелл когда-то, давным-давно, пыталась понять это и донести понимание до Натали Блейк, они тогда были студентами и гораздо более умными, чем сейчас. И очень недолгое время в 1995 году, возможно, около недели, она считала, что понимает разницу.

138. http://www.google.com/search?client= safari&rls=en&q=kierkegaard&ie=UTF-8&oe=UTF-8

Такой момент имеет особый характер. Он и в самом деле короток и скоротечен, как и любой момент, он преходящ, как и все моменты, он принадлежит прошлому, как любой момент в следующем моменте. И в то же время он судьбоносен и полон вечности. Такой момент должен иметь выразительное название; назовем его «полнотой времени»[81].

139. Двоедушие

Коммерческий барристер Натали Блейк вела несколько дел на безвозмездной основе — оспаривала приговоры к высшей мере на Карибских островах (родине ее предков), она дала поручение бухгалтеру перевести десять процентов ее доходов в равных долях на благотворительность

---

[81] notes: 81

С. Кьеркегор в памфлете «Мгновение» писал: «У такого (экзистенциального) мгновения своя собственная природа. Оно коротко и временно, каковым и бывает мгновение, стремительно проносится, точно миг (der Augenblick), и все же оно — решающее, все же оно исполнено вечного. У такого мгновения должно быть, впрочем, собственное имя; мы хотим назвать его полнотой времени» (см. также гл. 55).

и на поддержку ее семьи. Она полагала, что остатки прежней веры сеют в ней ее раздражение и подозрения на свой счет, сводящиеся к тому, что все ее благодеяния на самом деле являются еще одним завуалированным примером эгоизма и имеют целью только успокоение больной совести. Понимание корней такого подозрения никак его, подозрение, не рассеивало. Не находила она никакого утешения и в лице своего мужа, Фрэнка Де Анджелиса, который возражал против ее действий на совсем другом основании: сентиментальность и туман в голове.

140. Спектакль

Блейк-Де Анджелисы начинали работать рано и часто заканчивали поздно, а в промежутках относились друг к другу с преувеличенной нежностью, словно от малейшего давления вся конструкция грозила развалиться на части. Иногда по утрам они отправлялись в путь вместе, но вскоре расставались — Натали делала пересадку на «Финчли-роуд». Чаще Натали уходила из дома на полчаса-час раньше мужа. Она любила пораньше встретиться с Мелани, стажером, с которой делила кабинет, чтобы подготовиться к делам на предстоящий день. По вечерам пара

смотрела телевизор или искала в Интернете, где провести будущий отпуск, что само по себе служило примером предательства, потому что Натали ненавидела отпуска, предпочитая работу. По-настоящему они соединялись только на выходные, перед друзьями, которым они казались свежими и энергичными (им было всего по тридцать) и полными старого доброго юмора, как артистическая пара комиков, которые разговаривают друг с другом только на сцене.

141. Индекс предложений

Веб-сайт Натали начала тайно посещать приблизительно в это время. Почему человек начинает посещать какой-либо веб-сайт? Антропологическое любопытство. После заявления: «Я знаю, что люди посещают этот сайт», вскоре следует другое: «Не могу поверить, что люди и правда заходят на этот сайт!» Потом следует: «Что же это за люди, если они заходят на этот сайт?» Если сайт посещается многократно, то ответ ясен. Проблема закольцовывается.

142. Технология

«Он у меня для работы». «Он для работы — я за

него не плачу». «Он мне необходим для работы и действительно намного облегчает жизнь». «Это мой рабочий телефон, а так он мне ни для чего не нужен».

143. Настоящее время

Натали Блейк, которая говорила всем, что ненавидит дорогие гаджеты и презирает Интернет, восхищалась своим телефоном и до беспомощности, до навязчивости, до беспамятства подсела на Интернет. Хотя телефон и обладал немыслимой скоростью, но работал слишком медленно. Он еще не до конца загрузил новый сайт ее адвокатской конторы, а дверь лифта на «Ковент-Гарден-стейшн» закрылась[82]. Все двадцать минут поездки экран телефона в ее руке упрямо показывал предложение

высочайшие стандарты юридического сопровождения в нынешнем быстро меняющемся мире.

---

[82] notes: 82

К поездам на этой станции можно попасть по лестнице или с помощью лифтов.

144. Скорость

В какой-то момент мы стали осознавать свою принадлежность к «современности», к быстрым изменениям. К тому, что будущее наступает сегодня. Джон Донн тоже принадлежал к современности и наверняка видел перемены, но мы чувствуем свою принадлежность острее, а изменения происходят быстрее. Даже незыблемость стала быстрее. Даже цветение. Покупая самсу в грязной лавке на «Чэнсери-лейн-стейшн» (одним из напоминаний о ее детстве была готовность покупать еду у кого угодно и где угодно), Натали Блейк еще раз проверила сайт. К этому времени она проверяла, заходила на него два или три раза в день, хотя никаких предложений не делала.

145. Совершенство

Почему-то этот намечавшийся пикник был важен для Натали Блейк, и она тщательно его планировала. Она начала готовить все с нуля. Остановилась на корзинке с настоящей посудой и стаканами. Заказывая все по Интернету, Натали понимала, что «это перебор», но она уже проложила маршрут и теперь не находила в себе

сил изменить направление. На работе она по уши погрязла в разборе конфликта между китайской IT-компанией и ее британским дистрибьютором. На первой видеоконференции китайский генеральный директор не мог скрыть удивления. Она не должна идти на пикник. Она должна сидеть в офисе и разбираться в новых вскрывшихся фактах относительно другой стороны. Натали продолжала двигаться своим путем. Она выбрала наряд. Роскошные сандалии, серьги-кольца, браслеты, длинную юбку цвета охры, коричневую жилетку и прическу афро в виде гигантского одуванчика, удерживаемого от падения на лицо одной отрезанной от черных колготок ногой, которую она завязала на затылке. Она оставила в своем наряде африканские детали, хотя на ней не было ничего из Африки, кроме, возможно, концептуальных сережек и браслетов. В момент, когда она пыталась втиснуть еще одну коробку с кухонными принадлежностями от «Таппервер» в выложенную салфеткой корзинку, приобретенную по такому случаю, мимо кухни прошел ее муж.

— Господи Иисусе. Это наше?

— Она моя старейшая подруга, Фрэнк.

— Они оба будут в спортивных костюмах.

— Пикник — это не трава и сандвич из супермаркета. Мы с ними теперь почти не встречаемся. День прекрасный. Я хочу, чтобы все было хорошо.

— О'кей.

Он демонстративно обошел ее. Врач, опасающийся психа. Открыл холодильник.

— Не ешь. Это пикник. Поешь на пикнике.

— Когда ты начала печь?

— Не трогай. Это имбирное пирожное. По-ямайски.

— Ты знаешь, я не ем ничего с мукой.

— Это не для тебя!

Он молча вышел из кухни, и было не совсем понятно, то ли это начало ссоры, то ли нет. Может быть, он решит потом, в зависимости от того, какие практические преимущества можно будет получить от распрей. Натали Блейк уперлась руками в стол и долго смотрела на желтую кухонную плитку перед глазами. Для кого это? Для Ли? Для Мишеля?

146. Черил (L.O.V.E.)

— Убери-ка это. — С Карли, орущей на ее бедре, Черил нагнулась, чтобы сбросить Барби и рекламные листовки на пол. Натали нашла ка-

кой-то ежегодник в твердой обложке и поставила на него кружки с чаем. — Дай-ка попробую уложить это чудо спать, тогда мы сможем перейти в гостиную.

Они сидели друг против друга на своих старых одинаковых кроватях. Натали казалось, что у нее осталось воспоминание, как она лежит рядом с сестрой на одной из этих кроватей, считывает с голой спины сестры буквы, похожие на паучьи лапки, а Черил потом произносит их уже в виде слов. Черил дала Карли ее бутылочку. Она сидела очень прямо и держала на руках своего третьего ребенка. Взрослая со взрослыми заботами. Натали по-детски скрестила ноги и оставила свои дорогие воспоминания при себе. Нет ли вообще в понятии «дорогие воспоминания» чего-то подросткового?

— Киш, передай мне этот коврик. Она на него блюет.

На закрытых жалюзи было напечатано изображение Покахонтас. Солнце золотило индейскую принцессу. С прежних времен комната мало изменилась, вот только теперь она была приблизительно разделена на мужскую и женскую зоны; первая красно-синяя и спайдерменовская, вторая — принцессово-розовая, украшенная стразами.

Натали подняла самосвал, покатала его вверх-вниз по бедру.

— Двое против одного.

Голова Черил устало поднялась; ребенок капризничал и не хотел есть.

— Верно, война розового с синим. Бедняга Рей не выжил бы теперь, когда есть Клео и Карли.

— Не выжил бы? Это ты о чем?

— Ни о чем. Извини, продолжай.

На каждой поверхности лежали одни вещи поверх других, вещи были повешены, свернуты, втиснуты. Ни один Блейк никогда ничего не выкидывал. То же творилось и в комнате Натали, только там высоченные башни дешевого хлама стояли за дверями шкафа, скрытые лучшим способом хранения.

Черил вытащила бутылку изо рта младенца и вздохнула:

— Ну, не хочет она спать. Давай тогда погуляем, что ли.

Натали пошла за сестрой по узкому коридору, проход по которому стал почти невозможен из-за стираного белья, висевшего по обе стороны на натянутых струнах.

— Могу я что-нибудь сделать?

— Да, возьми ее на минутку, пока я пописаю.

Карли, иди-ка теперь к тетушке.

Натали знала, как управляться с детьми, — опыт у нее в таких делах имелся достаточный. Она посадила Карли себе на бедро, а другой рукой позвонила Мелани, чтобы дать необходимые инструкции, что вполне можно было отложить до момента, когда обе приедут в офис. Во время звонка она непринужденно ходила туда-сюда по комнате, покачивала ребенка, говорила громко и уверенно. Ребенок, казалось, почувствовал ее чрезвычайную компетентность, затих и посматривал на тетушку восторженными глазами, в которых Натали даже увидела некоторое сожаление.

— Но дело в том, — сказала Черил, вернувшись, — что Джея нет, и места теперь здесь хватает. А я не хочу оставлять маму на ее мошенников.

— В конечном счете Гас все же достроит дом. Она собирается вернуться на Ямайку.

Черил уперла обе руки в ягодицы, выставила вперед живот этаким доминирующим материнским жестом, который Натали ни за что не сможет повторить (она в этом не сомневалась), если и когда станет матерью.

— На это мало надежды, — сказала Черил и

зевнула, потягиваясь. — Он присылал фото. Не по мейлу — фотографии в конверте. Это коробка из гофрированного металла без крыши. Там из ванной растет пальмовое дерево.

Напоминание о простодушии их отца, о его оптимизме и некомпетентности вызвало улыбку на лицах сестер и приободрило Натали. Она прижала племянницу к груди, поцеловала ее в лобик.

— Мне невыносимо видеть, как вы все тут живете.

Черил села на старый стул их отца, покачала головой, глядя в пол, и неприятно рассмеялась.

— Опять двадцать пять.

Натали Блейк, которая больше всего боялась оказаться выставленной в смешном свете — или хоть на одну секунду попасть на неверную сторону в вопросе морали, — сделала вид, что не слышала слов сестры, и улыбнулась ребенку, подняла девочку над головой, попыталась вызвать у нее смех, а когда из этого ничего не получилось, вернула ее к себе на колено.

— Если ты так сильно ненавидишь Колди, то чего вообще ты сюда приперлась? Серьезно, чувиха. Никто тебя не звал. Возвращайся в свой новый особняк. Я занята, и времени сидеть и болтать с тобой у меня тоже нет. Ты, Кейша, иногда меня

просто бесишь. Никто не бесит, только ты.

— Когда я работала в РСН, — твердым голосом сказала Натали, тем голосом, которым она выступала в суде, — знаешь, сколько у меня было клиентов из Колди? Нет ничего плохого в том, что я хочу, чтобы ты и дети жили в каком-нибудь месте получше.

— Это хорошее место. Есть куда хуже. Ты отсюда и неплохо устроилась в жизни. Кейша, если бы я хотела выбраться, то я бы выцарапала у совета другое место, а к тебе не стала бы обращаться, если откровенно.

Свое следующее замечание Натали адресовала четырехмесячному младенцу:

— Не знаю, почему твоя мамочка так со мной говорит. Я ее единственная сестра!

Черил занялась пятном на своих легинсах.

— Брось, Кейша, мы никогда не были так уж близки.

В сумке Натали у двери, во внутреннем кармане рядом с бумажником, лежали три таблетки снотворного.

— Между нами разница в четыре года, — услышала она свой голос, тонкий, карикатурный.

— Ну да, но дело было даже не в этом, — сказала Черил, не поднимая глаз.

Натали вскочила со стула. Встав, она обнаружила, что Карли на руках ограничивает ее драматические возможности. Девочка заснула на ее плече.

— Извини, забыла: в этой долбаной семейке никому не позволено иметь друзей.

По мере того как Натали Блейк раздражалась, ее сестра Черил успокаивалась. Такая динамика не изменилась с детства.

— Сначала семья. В этом моя вера. Сначала бог, потом семья.

— Да пошла ты на хуй. Тоже мне, Дева Мария. Если ты никак не можешь найти отцов своих детей, это еще не говорит о непорочном зачатии.

Черил встала и выставила в лицо сестре палец.

— Ты выбирай слова, Кейша. И почему ты все время так грязно выражаешься, чувиха? Сохраняй достоинство.

— Почему меня нужно наказывать за то, что мне кое-что удалось в жизни?

— Господи боже. Да кто тебя наказывает, Кейша? Никто. Это у тебя в голове. Ты параноик!

Но остановить Натали Блейк было невозможно.

— Я работаю до седьмого пота. Я начала без всякой репутации, без всего. Я выстроила серьез-

ную практику — ты хоть представляешь себе, что лишь единицы…

— Ты что, в самом деле пришла сюда, чтобы рассказывать, какая ты стала крутая?

— Я пришла сюда, чтобы попытаться тебе помочь.

— Никому здесь не нужна твоя помощь, Кейша! Хватит. Не нужна. И точка.

Теперь им нужно было перенести Карли с плеча Натали на плечо матери — странно тонкая операция посреди кровопролития.

Натали безнадежно изыскивала ресурсы для прощального выстрела.

— Тебе нужно как-то изменить свое отношение, Черил. Правда. Тебе нужно обратиться к кому-нибудь, потому что это настоящая проблема.

Как только ребенок оказался на руках матери, Черил отвернулась от сестры и пошла по коридору в спальню.

— Тут уж ничего не поделаешь, если честно, пока у тебя не будет своих детей, тебе не о чем со мной говорить, Кейша.

147. Индекс предложений

На этом сайте она была тем, что все искали.

148. Будущее

Когда появилась электронная почта, Натали Блейк и Ли Ханвелл было по двадцать восемь. В течение следующих нескольких лет объем электронной переписки вырос экспоненциально. Приложения в виде фотографий женщин с ошарашенными выражениями лиц и больничными бирками на запястьях, детей, лежащих на материнских грудях, с волосиками, необъяснимым образом промокшими насквозь. Они словно перешагнули через пропасть в иной мир. Совершенно не исключалось, что ее собственная мать приходила в дома этих новых матерей в переднике с приколотым к нему бейджиком с ее именем, брала кровь из пяточки младенца или накладывала швы лежащей на боку новоявленной матери. По законам статистики Марсия, вероятно, видела одну-двух из них. Они были новыми жителями в их районе. Они не принадлежали к тому сорту людей, которые выключают свет или спят на полу. Мать и дитя прекрасно себя чувствуют, устали. Словно никто никогда прежде в человеческой истории не рожал детей. И все говорили именно эти слова, это вошло в обиход: «Будто никто никогда прежде не рожал детей». Натали

переправляла эти электронные письма Ли. *Будто никто никогда прежде не рожал детей.*

149. Природа становится культурой

Многие вещи, которые их матерям казались самоочевидными элементами мира, где преобладает здравый смысл, теперь поражали Натали и Ли своей неожиданностью или оскорбительностью. Физическая боль. Существование болезней. Различие детородных возрастов мужчины и женщины. Сам возраст. Смерть.

Их собственная материальность представлялась скандальной. Плотским фактом.

Натали Блейк, будучи сильной, решила бороться. Идти на войну против этих явлений, как солдат.

150. Индекс предложений

Просмотрев электронное письмо о ребенке, она зашла на сайт и сделала предложение. Потом поднялась в спальню и легла спать.

151. Исправление

— Ты куда собралась?

Натали Блейк стряхнула руку мужа со своего колена и поднялась с кровати. Она прошла по коридору в гостевую спальню, села перед компьютером. Ровными движениями, как пианист, играющий гаммы, набрала адрес в браузере. Удалила предложение.

152. Прошлое

— Натан?

Он с двумя девочками и мальчиком сидел на парковой эстраде, курил. С двумя женщинами и мужчиной. Но одеты они были как дети. Натали Блейк была одета, как успешный адвокат, едва перешагнувший тридцатилетие. Будь они вдвоем, они могли бы обойти парк по периметру, поговорить о прошлом, она, возможно, сняла бы свои ужасные туфли, они бы сели на траву, и Натали покурила его косячок, а потом по-матерински посоветовала ему бросать эти дела, а он бы кивнул, улыбнулся, пообещал бросить. Но в таком обществе она понятия не имела, как себя вести.

Чертовски жарко, сказал Натан Богл. И вправду, согласилась Натали Блейк.

153. Брикстон

Приглашение поступило давно, но она не позвонила и не прислала эсэмэску, чтобы известить о своем приходе. На «Виктория-стейшн» ее просто будто стукнуло что-то. А пятнадцать минут спустя она шла по Брикстон-Хай-стрит, уставшая после судебного заседания, все еще в костюме, путаясь под ногами веселых людей, у которых только начинался их пятничный вечер. Она купила цветы в киоске на заправке, вспомнила все сцены из фильмов, в которых люди покупают цветы в киоске на заправке, подумала, насколько лучше не приносить вообще ничего. Она нашла дом и нажала кнопку звонка. Дверь открыл женоподобный парень с африканскими волосами, выкрашенными в блонд.

— Привет. Джейден дома? Я его сестра, Нат.

— Конечно, сестра. Ты похожа на Анджелу Бассетт!

На кухне было обескураживающе много народа. Он, что ли, тут «королева»? Или этот белый парень? Или китаец? Или вот этот, другой?

— Он в душе. Водка или чай?

— Водка. Вы собираетесь уходить?

— Мы только что пришли. Единственная

правильная еда сейчас — вот эти бисквитные пирожные.

154. Сила природы

Когда она в последний раз так напивалась? В компании мужчин, не имевших по отношению к ней никаких намерений, было что-то, толкавшее к крайностям. Она узнавала о своем младшем братишке много такого, о чем и не подозревала. Он был знаменит тем, что пил «Белых русских». Он был влюблен в Натана Богла. Он любил фэнтези. Он мог отжаться на одной руке столько раз, сколько ни один человек в этой комнате.

Водка закончилась. Они выпили по рюмке какой-то синей жидкости, которую нашли в шкафу. Натали поняла, что в этом доме не было какого-то особого или избранного человека. Джейдену удалось найти для себя именно такой легкий и компанейский образ жизни, о котором она мечтала тысячу лет назад. Если он и не мог чувствовать себя совершенно счастливым, то лишь потому, что такой образ жизни был вне времени (такую жизнь никак не определяли временны́е ограничения), что, в свою очередь, было следствием одного ключевого условия: в эту схему не была включена ни одна женщина. Женщины

приносили с собой время. Натали принесла время в этот дом. Она не могла не упоминать время, не беспокоиться о нем. Если бы она только могла освободиться от своего тела и присоединиться к ним в Воксхольской таверне[83], чтобы продолжить веселье! Но она уже получила десять эсэмэсок от Фрэнка, и ей пора было домой. Время пришло.

— И все за одну неделю, — сказал Джейден. — Все за одну неделю: она сказала этому хмырю нахальному, который занимался моим делом в нашем районе, чтобы он поумерил пыл, просто отвадила его. И это сразу после ее последнего экзамена. Одни отличные отметки. Ну просто такая сучара. Сеструха просто стихия, уж поверьте!

Комната покачивалась и вращалась. Натали не узнавала эту историю. Она не думала, что эти две вещи и в самом деле случились, по крайней мере, уж точно не за одну неделю и, вероятно, в разные годы. Она определенно не получала одни отличные отметки. За этот вечер такое случилось не один раз, конфликтующие между собой версии, и она поначалу пыталась поправить или оспорить их, но теперь сидела в объятиях человека по име-

---

[83] notes: 83
Место встречи геев в Центральном Лондоне.

ни Пол и поглаживала его бицепс. Какое имело значение, правду он говорит или привирает?

155. Некоторые наблюдения о телевидении

Она смотрела бедняков вместе с Марсией. Реалити-шоу в муниципальном жилье. Муниципальное жилье по телевизору было немного хуже того муниципального жилья, в котором она сидела и смотрела шоу про муниципальное жилье. Марсия время от времени указывала ей, какие грязные квартиры у людей по телевизору и как тщательно она убирает в своей, несмотря на всю грязь, которую разводит Черил. «Гиннесс». В десять утра!» — сказала Марсия. Натали, которая раньше не видела это шоу, спросила про эволюцию образа одного из участников. Марсия ухватилась покрепче за подлокотники и закрыла глаза. «Она на крэке сидит. У нее одна забота в жизни — косметика и одежда. Ее брат получает пособие по инвалидности, но с ним все в порядке. Он сплошной позор. Отец в тюрьме за воровство. Мамаша наркоманка». В этом шоу бедность подавалась как личностная характеристика. «Нет, ты посмотри! Посмотри на эту ванную. Позорище. Какие люди станут так жить? Ты видела?» Натали изображала невинность. Она все время прове-

ряла свой телефон. «Ты только и делаешь, что проверяешь телефон. Ты пришла меня повидать или проверять телефон?»

Натали посмотрела на экран. Парень с голым торсом, держа в руке бутылку пива, пробежал по вытоптанной лужайке между двумя высотками, а потом бросил бутылку в единственное уцелевшее окно сожженной машины. Его действия сопровождались музыкой. В этом чувствовалась своеобразная красота.

«Ненавижу, когда камера скачет все время туда-сюда, — сказала Марсия. — Нельзя вдруг на минуту прерывать действие. Почему они теперь все время так делают?»

Вопрос поразил Натали своей глубиной.

156. Мелани

Натали Блейк сидела в своем кабинете, записывала замечания, касавшиеся таинственного смысла некоторых положений закона о собственности в части, касающейся незаконного владения, когда вошла Мелани, попыталась что-то сказать, но разрыдалась. Натали не знала, как себя вести с плачущим человеком. Она положила Мелани руку на плечо.

— Что случилось?

Мелани отрицательно покачала головой. С кончика носа у нее капала жидкость, в уголке рта надулся пузырь.

— Проблемы дома? — О домашней стороне жизни Мелани Натали знала только то, что у нее бойфренд-полицейский и есть дочь, которую зовут Рафаэлла. Ни полицейский, ни Мелани итальянцами не были.

— Возьми салфетку, — сказала Натали. У нее была соплефобия.

Мелани опустилась на стул. Вытащила телефон из кармана. Она, казалось, пыталась найти что-то в нем в паузах между душившими ее рыданиями. Натали следила за ее большим пальцем, бешено вращавшим трекбол.

— Просто на самом деле мне нужно быть не здесь! — Эта проблема казалась интересной и довольно неожиданной в устах откровенной, надежной Мелани, которую Натали часто называла «моя скала». (В тот год все говорили про того или иного человека «моя скала».) Но теперь Мелани стала вкрадчиво-практичной: — Не все время! Дело в том, что у меня есть Рафс, и я ее люблю, и я не хочу больше делать вид, что у меня нет Рафс! Посмотрите на нее — она такая ужасно умненькая, а ей всего два.

Натали наклонилась, чтобы посмотреть на фотографию на экране. Знатная сеньора, к которой пришел испуганный крестьянин с признанием о неурожае.

157. С видом на парк

Натали Блейк была озабочена спором о кашмирской границе, по крайней мере, в той части, что касалась импорта стереоаппаратуры в Индию через Дубай от имени ее клиента, одного из японских гигантов — производителей электроники. Ее муж Фрэнк Де Анджелис отсутствовал — развлекал клиентов. Они были «ограничены во времени». У них даже не хватало времени получить последнее вознаграждение за все их тяжкие труды. Марсия любезно сходила за ключами до того, как агентство по продаже недвижимости закрылось, и Натали встретила мать и Ли у дверей. Входя, они говорили шепотом. Почему — никто не мог сказать. На окнах еще не появились шторы, а потому человеческие тени поднимались по стене над камином до самого потолка. Натали провела Марсию и Ли по дому, показывая, где должны стоять диваны, кресла, столы, какие стены снесут, что останется, где постелят ковры, что будет ободрано и отполировано. Натали сподвигла мать

и подругу подойти к окну и восхититься видом на парк. Она признавала потребность полностью подчинить себе окружающий мир.

Она чуть забежала вперед, чтобы восхититься спальней. Посмотреть на оригинальные свесы. Вот действующий камин. Она дождалась, когда мать и Ли присоединятся к ней. Поковыряла ногтем кусок отслоившейся штукатурки. Когда она стажировалась и защищала «нехорошую» сторону, Марсия хотела, чтобы дочь «подумала о семье жертвы». Теперь, если бы какая-нибудь крупная ТНК дала ей такое поручение, пришлось бы слушать ханжеские дилетантские рассуждения Ли о зле, которое несет глобализация. Один Франк и поддерживал ее. Только он, казалось, ею гордился. Чем более высокое положение занимали клиенты, тем большее удовольствие это ему доставляло. Черил много лет назад: «Каждый раз, когда я пытаюсь вернуться в школу, Коул пытается меня обрюхатить». Упаси меня Боже от такого несчастья. В минуты волнения всегда было полезно вспомнить Черил. Хорошо хоть, Натали Блейк и Фрэнк Де Анджелис не действовали друг против друга и не соперничали. Они были объединением. Саморекламой. Позвольте, я покажу вам саморекламу. Вот окно, вот дверь.

И повтор, повтор.

Она открыла дверь в комнату, в которой задумала сделать свой кабинет; Марсия сделала вполне невинное замечание: «Места достаточно для целой семьи», — но Натали учинила из него целый скандал и никак не желала угомониться. Она смотрела, как мать идет по коридору, выложенному черной и белой плиткой, к двери, уже более не непреклонная госпожа ее детства, а маленькая седая женщина в помятой шерстяной шляпке, заслуживающая более мягкого отношения, чем получала.

— Ты в порядке? — сказала Ли.

— Да-да, — сказала Натали. — Обычное дело.

В кухонном шкафу Ли нашла чайные пакетики и единственную чашку.

— Люди обычно думают, что я молодой блестящий королевский адвокат. Для нее это ничего не значит. Единственное, что для нее можно сделать, — это вернуться в ее квартиру. Сегодня Черил — ее ангел. Они живут душа в душу.

— Ей трудно тебя понять.

— Почему? Что во мне такого трудного?

— У тебя работа. У тебя Фрэнк. У тебя друзья. Ты очень успешная. Никогда не бываешь одна.

Натали попыталась представить себе женщи-

ну, о которой говорит Ли, а та села на ступеньки и сказала:

— Можешь не сомневаться: Полин такая же.

158. Заговор

Натали Блейк и Ли Ханвелл считали, что окружающие принуждают их к размножению. Родственники, прохожие, люди в телевизоре — все. На самом деле заговор распространялся глубже, чем думала Ханвелл. Блейк оказалась двойным агентом. Она не собиралась выставлять себя в смешном виде, не сделав того, чего все от нее ждали. Для нее это был лишь вопрос времени.

159. В парке

Ли опаздывала. Натали сидела в кафе за деревянным столиком под открытым небом, защищенным от дождя широким зеленым зонтом. Первые десять минут она провела в телефоне. Проверяла индекс предложений, проверяла почту, проверяла газеты. Она положила телефон в карман. Десять следующих минут никто с ней не говорил. Появлялись и исчезали из поля зрения белки и птицы. Чем дольше она оставалась одна, тем более неясной для себя становилась.

Жидкость, вылитая из кувшина. Она видела, как соскальзывает со стула на землю и принимает форму животного. На четырех лапах она добралась до конца влажного асфальта, перешла на землю, поросшую травой. Она бежала все дальше, уже быстрее, приноровлялась к роли четырехногого локомотива, завывая, быстро пробежала по лужайке и искусственным холмикам, по Тихому саду и клумбам и — с воем, в кусты, через дорогу, к железнодорожной ветке.

— Извини, извини, извини. Центральная линия. Господи боже, тут настоящий детский сад.

Натали посмотрела на детей, оценила хаос за каждым столиком, нейтрально улыбнулась подруге и подумала, в какой момент во время встречи за ланчем лучше всего сообщить Ли новость.

160. Время ускоряется

В мире действует система образов. Мы ждем какого-нибудь происшествия, достаточно крупного или жестокого, чтобы оно нарушило или совсем ее сломало, но этот момент никогда не наступает полностью. Может быть, этот момент наступает в самом конце, когда все рушится и больше никакие образы не возможны. В Африке,

предположительно, эти образы, которые придают форму и смысл жизни, в размеры которых человек вписывает себя — путь от сына в вожди, от дочери в защитницы, — берутся из мира природы и коллективного воображения народа. (Когда Натали Блейк сказала «в Африке», она имела в виду «в более ранний момент времени».) При таких обстоятельствах, вероятно, есть нечто прекрасное в единении одного со многими.

Беременность принесла Натали только больше сломанных образов из огромной массы культурных отложений, в которые она погружалась каждый день с помощью некоторого количества устройств, часть которых умещалась в руке, а часть — нет. Поведение, отвечающее поведению этих образов, утомляло ее. Отклонение же наполняло ее старой тревогой. Ее тревожило, что ее не тревожат вещи, которые должны вызывать у тебя тревогу. Уже одна ее невозмутимость вызывала у нее тревогу. Казалось, это никак не соответствует системе образов. Она пила и ела, как прежде, изредка покуривала. Наконец, она обрадовалась появлению форм, разнообразивших ее прямые линии. Что касается грядущих родов, то ее старая подруга Лейла, родившая троих детей, сказала: «Это как встретить саму себя в конце темного

проулка».

Это не устраивало Натали Блейк. Анестезия, которую она попросила, была удивительной, невероятной; конечно, до экстази далеко, но отдаленно она все же напоминала прозрачность и радость тех счастливых дней. Натали испытывала эйфорию, она словно отправилась по клубам и не могла остановиться, все ходила и ходила, вместо того чтобы отправиться домой, когда кто-то более благоразумный предлагал ей сесть на ночной автобус. Она вставила в уши наушники и принялась танцевать вокруг больничной кровати под рэп Биг Пана. Событие было не очень драматическое. Часы сжались в минуты. В жизненно важный момент она довольно спокойно смогла сказать себе: «Я, смотрите-ка, я рожаю».

А это все равно что сказать, что жестокое осознание реальности, на которое она так надеялась, которого так желала — даже не понимая, что на него рассчитывает, — так к ней и не пришло.

161. Инаковость

Был, однако, момент — через несколько минут после события: младенца только-только омыли и вернули ей, — когда ей почти подумалось, что, кажется, это чувствует. Она посмотрела в разум-

ные черные глаза существа, которое ни в коей мере не было идентично сущности Натали Блейк и которое отчасти служило доказательством того, что никакой такой обособленной сущности и не существует. И в то же время было ли это существо неотъемлемой частью Натали Блейк? Ее продолжением? В этот момент она расплакалась и почувствовала ужасающее смирение.

Почти сразу же после этого появились цветы, открытки, фотографии, друзья, семья; они пришли с подарками, демонстрировавшими разные степени вкуса и чувства, а вместо таинственного черноглазого инакого существа появился умильный семифунтовый младенец по имени Наоми. Приходили люди с советами. Колдвелцы чувствовали, что все будет хорошо, если ты в буквальном смысле не забросишь ребенка куда-нибудь на звезды. Неколдвелцы чувствовали, что ничего не будет хорошо, если не делать все, что положено, идеальным образом, да и в этом случае никаких гарантий нет. Она никогда не была так рада видеть колдвелцев. Она не могла хоть как-то определить место Ли Ханвелл в этой конструкции, поскольку труднее всего пародировать людей, которых ты любишь сильнее, чем других. Ли пришла с мягким белым кроликом,

посмотрела на Натали, словно та перепрыгнула через пропасть в другой мир.

162. Свидетельство

Через четырнадцать месяцев после рождения первого ребенка Натали Блейк родила второго. Его собирались назвать Бенджамин, но он появился с маленьким хохолком на макушке, похожим на рожок, и его три дня называли Спайком, а потом вспомнили романтический бездетный день трехлетней давности, который они провели за просмотром новой версии фильма «Ей это нужно позарез»[84].

Фрэнк смеялся, забывал о практичности, и некоторое время Натали казалось, что ей придется обходиться с ним как с третьим ребенком, четвертым ребенком — если считать еще и няньку, — которого она будет направлять и наставлять вместе со всеми остальными, чтобы максимально эффективно использовать время и чтобы все добрались туда, куда надо. Только Натали было позволительно тратить время впустую, и она сидела за столом, разглядывая

---

[84] notes: 84

Spike — здесь «хохолок»; «Ей это нужно позарез» — фильм знаменитого режиссера Спайка Ли.

цифровые изображения своего выводка. Действо, если рассматривать его объективно, было идентично случаям, когда от нее требовалось изучать фотографии места преступления. Как-то утром Мелани застала ее за этим забытьем и не могла скрыть своего удовольствия. За изображением Спайка было открыто еще одно окно — с индексом предложений. Натали, хотя и не без раздражения, позволила себя обнять.

163. Архитектура как судьба

Ли называла это общей комнатой, Натали — гостиной, Марсия — залой. Свет всегда был приятным. И ей по-прежнему нравилось стоять у эркерного окна и восхищаться видом на парк. Оглядывая расставленные в доме вещи, купленные ею и Фрэнком, Натали нравилось думать, будто они рассказывают историю своих жизней, в которой реальность дома несущественна, но, конечно, не исключалась и вероятность того, что именно дом представляет собой безусловную реальность, а Натали, Фрэнк и их дочка — всего лишь человеческие контуры на стене театра теней. Тени ходили по стенам этого дома с 1888 года, они сидели, жили, бездельничали. В хороший день Натали кичилась мелочами,

отличавшими от нее прошлых обитателей дома и нынешних соседей. Посмотрите только на эти африканские маски. Абстрактное изображение кингстонского переулка. Минималистский столик с четырьмя похожими на троны стульями. В другие дни — особенно когда нянька уходила с Наоми, а она в одиночестве сидела в гостиной и кормила младенца — ее охватывало пораженческое ощущение, будто ее собственная тень ничем не отличается от всех остальных — и от теней в соседнем доме, и от теней в доме, соседнем с соседним.

Той осенью звуки детского плача до глубокой ночи не давали погасить свет в домах по всей улице. В доме Натали с видом на парк потрясение кризиса выбило из стены кусок штукатурки в форме кулака и приостановило планы строительства подвала. Натали Блейк, временно оставившая работу и горящая желанием быть полезной, дождалась, когда Спайк уснет, открыла «Ворд» и создала документ под названием

Отслеживание расходов: отчет жены

Она профессионально умела выражать свои мысли и приходила в ярость, слыша по радио и телевизору атаки на то, что ей казалось хорошей

репутацией ее мужа. Словно бедняга Фрэнк — чей бонус, пропорционально говоря, был мизерным — ничем не отличался от всех этих сказочных аферистов и мошенников.

Она едва дождалась, когда Фрэнк вернется домой, чтобы поговорить с ним на эту тему. Он поднял голову от своего купленного в ресторане на вынос ужина.

— Ты никогда не спрашивала меня о работе, ни разу.

Натали возразила, хотя, по существу, он был прав. Во имя журналистики она продолжала гнуть свое.

— Нельзя вести речь о моральных качествах той или иной личности, верно я говорю? Речь следует вести о законодательном регулировании.

Фрэнк положил палочки для еды.

— С чего это ты об этом заговорила?

— Это история. А ты ее часть.

Фрэнк открестился от принадлежности к истории. Он вернулся к рагу по-китайски. Остановить Натали Блейк было невозможно.

— Многие члены нашего сообщества пишут статьи для онлайн-газет. Умные мысли. Мне тоже следует этим заняться. По крайней мере, этим я могу заниматься дома.

Фрэнк взял пульт.

— Мы можем теперь посмотреть телевизор? Я чертовски устал.

Отдохновения в телевизоре он не нашел.

— Выключи его, — сказал Фрэнк после пяти минут новостей.

Натали выключила.

— Если Сити завтра закроется, — сказал Фрэнк, не глядя на жену, — то эта страна рухнет. Все, конец истории.

Сверху донесся детский плач.

В следующие несколько дней Натали удалось добавить к своим попыткам социальной критики всего несколько строк:

Я прекрасно осознаю, что я не то, что имеет в виду большинство людей, когда они думают о «жене банкира». Я чернокожая женщина, получившая отличное образование. Я успешный юрист.

Вину за свою нерадивость она возлагала на Спайка, но на самом деле ребенок спал хорошо, к тому же она наняла польскую няньку, Анну. Времени у нее было хоть отбавляй. Неделю спустя, просматривая почту, она обнаружила этот документ на рабочем столе и потихоньку спровадила его в ту часть своего компьютера, где он вряд ли

имел шанс попасться ей на глаза. Она смотрела телевизор в гостиной и кормила ребенка. Дни становились все короче и короче. Листья пожухли, пооранжевели, позолотели. Лисы подвывали. Иногда она просматривала индекс предложений. Молодые люди в телевизоре расчищали свои столы. Выходили с коробками в руках, держали их перед собой, как щиты.

164. Полуотстраненная

Каждый раз, когда она возвращалась к работе, задача была абсолютно ясна: придать случившемуся такой вид, будто оно никогда не случалось. Об этом феномене много писалось в «женском» разделе приложений в «Санди», и Натали с интересом читала эти материалы. Ключом ко всему делу был тайм-менеджмент. К счастью, Натали отличал дар тайм-менеджмента. Она обнаружила, что много времени можно сэкономить за счет простой двойственности. У нее не имелось однозначного мнения, что должны есть дети, что носить, смотреть, слушать или какую емкость использовать, чтобы пить молоко или что-то, кроме молока.

Иногда она с удивлением наталкивалась на себя в каком-нибудь темном переулке. Она ис-

полнялась страха и ярости, если видела, как ее избалованные дети сидят на полу, просматривают прошлые изображения, двигающиеся изображения самих себя на телефоне папы, получают опыт самоосмысления, неизвестный прежде в истории человечества (до недавнего времени чудесный, существовавший разве что в мечтах). До вчерашнего дня.

165. Сценические ремарки

Интерьер. Ночь. Искусственное освещение.

Сзади слева и справа наверху одно маленькое окно. Закрытые жалюзи.

Справа спереди дверь, открыта. Справа и слева книжные шкафы.

Простой стол. Складной стул. На нем книги.

В дверь входит Нат. Смотрит наверх на окно. Стоит рядом с окном.

Открывает жалюзи. Закрывает жалюзи. Уходит. Возвращается. Уходит.

Пауза.

Взволнованно возвращается, открывает жалюзи. Снимает книги со стула. Садится. Встает.

Идет к двери. Возвращается. Садится. Открывает ноутбук. Закрывает. Открывает.

Набирает текст.

ФРЭНК: [механический тон, за сценой] Кровать. Идешь? [пауза] Идешь?

НАТ: Да. [быстро набирает текст] Нет. Да.

166. Время ускоряется

Теперь, когда столько работы, — теперь, когда почти вся ее жизнь, по существу, превратилась в работу, — Натали Блейк чувствовала спокойствие и удовлетворение, которые раньше испытывала только при подготовке к экзаменам в университете или во время предварительных слушаний. Если бы она только могла замедлить все это! Она бы сто лет прожила восьмилетней. Она пробыла тридцатичетырехлетней семь минут. Ей довольно часто приходила в голову диаграмма, нарисованная мелом на доске, давно, когда вещи еще двигались во времени с нормальной скоростью. Часовой циферблат, обозначавший историю вселенной в двенадцатичасовом масштабе. В полдень раздался большой взрыв. Динозавры появились примерно в середине дня. Все, что касается человека, уложилось в пять минут до полуночи.

167. Сомнение

Спайк заговорил. Его любимыми словами были: «Это моя мама». Ударение могло меняться. «Это *моя* мама. Это моя *мама. Это* моя мама».

168. Эндшпиль в африканском мини-марте

У нее появилось стремление к чему-то новому, не только к движению вперед. Она хотела законсервироваться. С этой целью она принялась искать еду ее детства. По утрам в субботу сразу после посещения громадного британского супермаркета она тащилась по шоссе с двумя детьми в двойной коляске и без всякой помощи в маленький африканский мини-март, чтобы купить такие продукты, как батат, соленая треска, плантан. Шел дождь. Горизонтальный дождь. Оба ребенка вопили? Могло ли быть страдание благороднее, чем ее?

Наоми закидывала в тележку то, что попадало ей под руку. Натали все это выкидывала. Наоми возвращала все назад. Спайк вымазывался в грязи. Люди смотрели на Натали. Она смотрела на людей. Они обменивались параноидально презрительными взглядами. Замерзало все снаружи,

замерзало внутри. Им удалось встать в очередь. Едва. Им едва удалось встать в очередь.

— Я расскажу тебе историю, Ном-Ном, если ты прекратишь так делать, я расскажу тебе историю. Ты хочешь услышать историю? — спросила Натали Блейк.

— Нет, — сказала Наоми Де Анджелис.

Натали отерла холодный пот со лба шарфиком и посмотрела вокруг — восхищается ли кто-нибудь ее материнским спокойствием перед лицом такой невероятной провокации. На глаза попалась женщина в очереди впереди нее. Женщина выворачивала карманы на прилавок, предлагая вычесть этот товар, тот. Четыре ребенка вились вокруг ее ног.

Натали Блейк совершенно забыла, что такое быть бедной. Она больше не могла говорить на языке бедности, даже его не понимала его.

169. Ланч с Лейлой

Ее старая подруга Лейла Томпсон носила теперь фамилию Дин. Она покинула церковь на много лет раньше Натали. Она работала на «Черном и азиатском радио» начальником отдела подготовки музыкальных программ. Она была замужем за человеком, который владел двумя

интернет-кафе / копировальными салонами в Харлсдене и управлял ими. Дэмиен. Трое детей. Когда Натали Блейк спорила с кем-нибудь об образовании (а она постоянно об этом спорила), то во всех возможных случаях она приводила в качестве положительного примера свою старую подругу Лейлу.

Используя Лейлу в качестве положительного примера таким образом, она обычно забывала упомянуть, что уже пару лет как ее не видела. У Лейлы были дети, а у Натали тогда еще не было детей, и в этот период Натали считала ланчи с Лейлой обременительными, заботы Лейлы казались такими ограниченными, такими мелкими. Теперь, когда у Натали были свои дети, ей пришло в голову, что неплохо бы снова регулярно встречаться. У нее накопилось столько всего, чем она могла поделиться с Лейлой и больше ни с кем другим. Договорились о ланче. И теперь она поймала себя на том, что говорит очень быстро и вовсю пользуется гостеприимством Лейлы в прекрасном афроамериканском ресторане на Камден-Хай-стрит. Она пребывала в настроении, в котором ей казалось, что как бы быстро она ни говорила, все равно не сможет выложить всего, что хочет сказать.

— «Какое это облегчение не быть обязанной делать вид, что тебя интересуют новости», — сказала Натали Блейк, цитируя другую женщину и поглощая из маленькой китайской миски креветки в бульоне из кокосового молока. — И я просто сидела в кругу этих фриков и думала: я здесь чужая. Покажите мне, где выход. Мне нужны люди, с которыми я могла бы танцевать. Снаружи пронеслась машина; звучала «Билли Джин».

— Я буду с тобой танцевать, Натали.

— Спасибо! Мой брат говорил, что где-то в Фаррингдоне устраивают вечера олдскул-хип-хопа. Можем пойти туда в следующую субботу. Я могу пригласить мою подругу Аниту. Она так поет «Старик Макдональд»![85]

— Мне нравятся детские классы. Я все время на них ходила.

— Здесь другое. Здесь шик-блеск. Но вот что мне совсем поперек горла, так это когда все они… — начала Натали и не останавливалась на протяжении всего основного блюда.

Официанты приносили пунш, они выпивали пунш. Ее стакан никогда не был пуст больше, чем наполовину, и никогда не был полон больше, чем

---

[85] notes: 85

Имеются в виду известные английские детские стишки про фермера Макдональда и его корову.

наполовину, но всегда пополнялся. Официанты приносили пунш. Снаружи пронеслась машина; из нее звучало «Не останавливайся, пока не получишь достаточно».

— Что? — спросила Натали Блейк. Она и в самом деле была слишком пьяна, чтобы возвращаться на работу. Ее подруга Лейла улыбалась немного печально. Она сидела, уставившись на скатерть.

— Ничего. Ты все та же.

Натали как раз набирала эсэмэску Мелани — предупреждала, что не сможет прийти до завтрашнего утра.

— Верно. Дело же не в том, что я должна стать другим человеком, только потому…

— Ты всегда не оставляла никаких сомнений в том, что ты не такая, как все мы. Ты и сейчас это делаешь.

Подошел официант спросить, будет ли десерт. Хотя Натали Блейк ужасно хотелось десерта, она чувствовала, что не может его заказать. Ее охватил страх. Сердце колотилось как сумасшедшее. Ее переполняла девчоночья потребность наябедничать официанту на Лейлу Дин, урожденную Томпсон. Лейла ужасно со мной поступила! Она меня ненавидит! Снаружи пронеслась машина; из нее звучало «Хочу начать кое-что».

Лейла не подняла взгляда на официанта, и он ушел. Она обеими руками мяла плотную белую салфетку.

— Даже когда мы пели песни, ты была со мной, но в то же время не со мной. Выставляла себя напоказ. Фальшь. Кривлянье. Знаки мальчишкам в зрительном зале или что-нибудь такое.

— Лейла, ты о чем?

— Ты и сейчас продолжаешь делать то же самое.

170. В чужой одежде

Одежда дочери. Одежда сестры. Одежда матери. Одежда жены. Одежда адвоката. Богатая одежда. Бедная одежда. Британская одежда. Ямайская одежда. Для каждого случая — свой гардероб. Но, размышляя над этими разными положениями, она пыталась понять, какой из ее нарядов самый настоящий или, может быть, самый ненастоящий.

171. Я, я сама, только я[86]

Натали посадила Наоми в детское кресло,

---

[86] notes: 86

Название целого ряда песен (*англ.*: Me, myself and I) разных авторов и исполнителей.

пристегнула. Натали посадила Спайка в автомобильное детское кресло, пристегнула. Натали села в гигантскую машину. Натали закрыла все окна. Натали включила кондиционер. Натали включила «Обоснованное сомнение»[87]. Натали попросила Фрэнка убирать звук, когда и если звучит чудовищная нецензрущина.

172. Перед ящиком

Когда Натали Блейк шла по Килбурн-Хай-роуд, ею овладело сильное желание заскользнуть в жизни других людей. Понять, как это желание можно осуществить практически и что оно означает (если только оно что-то означает), было затруднительно. «Заскользнуть в» — какая-то неясная мысль. Последовать за сомалийским ребенком в дом? Присесть с русской старушкой на автобусной остановке у «Паундленда»? Подсесть к украинскому гангстеру за столик в кондитерской? Местная подсказка: автобусная остановка у килбурнского «Паундленда» — место многочисленных, и самых занятных, разговоров, которые можно услышать в Лондоне. Добро пожаловать.

---

[87] notes: 87

Обоснованное сомнение (Reasonable Doubt) — юридический термин и дебютный альбом американского рэпера Джей-Зета.

Подслушивать было недостаточно. Натали Блейк хотела узнавать людей. Быть глубоко вовлеченной в их жизни.

А тем временем:

На работе как у Натали, так и у Фрэнка все были глубоко вовлечены в жизнь группы афроамериканцев (в основном мужского пола), которые сбывали по двадцать долларов ампулы с крэком в кустах между рядом кварталов ужасающей архитектуры, застроенных жилыми башнями в переживающем упадок и забытом городе с одним из самых высоких в Штатах уровнем смертности по причине убийств. То, что все оказались так глубоко вовлечены в жизни этих молодых людей, раздражало Фрэнка, хотя он так и не мог толком понять, почему это его раздражало, а потому он в знак протеста исключил себя и свою жену из того, что, как ни посмотри, представляло собой всеобщее исступленное телевизуальное сумасшествие.

А тем временем:

Натали Блейк просмотрела индекс предложений. Дала ответы на полученные ответы.

173. На детской площадке

Курить на детской площадке нельзя. Это очевидно. Любой хоть немного цивилизованный человек должен это знать.

Да, соглашалась Натали. Да, конечно.

Он все еще курит? Спросила пожилая белая дама.

Натали подалась вперед на скамейке. Он все еще курил. Лет восемнадцати. С ним были еще двое парней: белый парнишка с ужасными угрями и симпатичная девушка в сером спортивном костюме и неоново-желтых «найках». Девушка делала то, что Натали и ее друзья называли «лениться» или «безделить», то есть сидела между ног белого паренька, уперев локти в его колени в ленивом летнем объятии. Вместе они, расположившиеся в этой ленивой позе на карусели, выглядели очень мило. Но невозможно было не заметить: на карусели стоял курящий парень. Курящий.

Я сейчас их вразумлю. Сказала пожилая белая дама. Они все из этого чертова района.

Старуха направилась к группе ребят, и в тот же момент от бассейна прибежала Наоми с криком ПОЛОТЕНЦЕ ПОЛОТЕНЦЕ ПОЛОТЕНЦЕ. Если у вас

возник вопрос, то да, это тот самый бассейн, в котором много лет назад произошло драматическое событие. Натали Блейк завернула дочку в полотенце, надела ей на ноги пластиковые сандалии.

Пожилая дама вернулась.

Он все еще курит? Он очень грубо говорил со мной.

Да. Сказала Натали Блейк. Все еще курит.

ПОТУШИ ЕЕ. Прокричала пожилая дама.

Натали взяла Наоми на руки и пошла к карусели. Когда она приблизилась, к ней присоединилась женщина средних лет, устрашающего вида раста в гигантской зулусской шляпе. Они вдвоем остановились у карусели. Раста сложила руки на груди.

Ты должен потушить сигарету. Это детская площадка. Сказала Натали.

СЕЙЧАС ЖЕ. Сказала раста. Вы даже и находиться здесь не должны. Я слышала, как вы говорили с дамой. Эта дама вам в бабушки годится. Вам должно быть стыдно.

Потуши ее. Сказала Натали. Тут мой ребенок. Сказала Натали, хотя она не слишком возражала против пассивного курения, в особенности под открытым небом.

Слушайте, если кто обращается ко мне неува-

жительно, сказал парень, то я их посылаю в жопу. Разве она ко мне обратилась уважительно? Не врите, потому что все вас слышали, и вы обратились неуважительно.

ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА КУРИТЬ НА ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКЕ. Прокричала старуха. Со скамейки.

Ну почему она так вот нахально ко мне обращается? Спросил парень.

Она имеет право! Настаивала раста.

Потуши сигарету. Сказала Натали. Здесь детская площадка.

Слушайте, мне не нравится, что вы тут ошиваетесь. Это мои владения. Нам не нравится, что вы тут. В Куинс-парке. Вы и говорить-то со мной не имеете права. Я из Хэкни. Ясно?

Риторически говоря, это был неумный ход. Даже отдыхающая девица застонала.

Ну уж НЕТ. Сказала раста. Ничего подобного. Нет нет нет. Ты смеешься? Я из Хэкни? Ясно? ЯСНО? Слушай, ты можешь попытаться засирать мозги кому угодно, но мне не удастся, солнышко. Я тебя знаю. Насквозь вижу. Я не Куинс-парк, деточка, Я ХАРЛСДЕН. Ты с какой это стати так про себя говоришь? Ты с какой это стати так о своей территории говоришь? Ну, ты меня и разозлил, мальчик. Я из Харлсдена — сертифицированный

сотрудник по работе с молодежью. Двадцать лет стажа. Мне за тебя сейчас стыдно. Ты причина, по которой мы там, где мы есть. Позор. Позор!

Да да да да да да да да. Сказал парнишка. Девица рассмеялась.

Ты думаешь, это смешно? Сказала раста. Продолжай смеяться сестренка. И к чему, ты думаешь, это приведет? Сказала раста девушке.

Меня? Да я тут вообще ни при чем? С какой стороны я тут при чем?

Ни с какой. Сказала Натали. Ни с какой. Ни с какой. НИ С КАКОЙ.

Мама, перестань кричать! Сказала Наоми.

Натали понять не могла, почему она кричит. Она стала бояться, что выставляет себя в глупом свете.

Мне вас жалко, ей-богу. Сказал прежде молчавший индиец, который присоединился к кружку осуждающих. Вы явно очень несчастные, неудовлетворенные молодые люди.

Господитыбожемой, не заводите вы эту херню! Воскликнула девица.

Белый парень, с которым она отдыхала, осмотрел собравшихся и широко раскрыл глаза. Он засмеялся.

Вы меня рассмешили. Сказал он.

Да как вообще дошло до такого? Со смехом спросила девица. Я тут просто сижу отдыхаю! С какой стороны я тут при чем? Маркус, чувак, на тебя просто слетаются как мухи на мед. Это все про тебя. Гляжу, еще немного, и я начну Джереми Кайла[88] поливать.

Почему вы смеетесь? Спросила белая старуха, которая теперь тоже подошла к карусели. Не думаю, что это так уж смешно.

Ну, все, это надолго. Сказала девица. Эта снова-здорово. Старая матушка Хаббард[89] снова взялась за свое. Просто дурдом какой-то долбаный!

Вот вся эта хрень? Спросил Маркус. Из-за сигареты. Оно и правда того стоит? Да сядьте вы уже туда, где сидели, и охолоните. Займитесь своими делами. Сядьте, люди.

Дураки. Сказала девица.

Потуши ее, чувак. Сказала Натали. Она давненько не заканчивала предложений словом «чувак».

Маркус. Сказала девица. Потуши ты свой окурок, пусть эта баба заткнется. Это все уже не

---

[88] notes: 88

Джереми Кайл (1965) — английский телеведущий, журналист, писатель.

[89] notes: 89

Старая матушка Хаббард — персонаж детских стишков.

смешно даже.

Вам должно быть стыдно. Сказала пожилая дама.

Я хотела поговорить с тобой, так? Сказала раста. Как взрослый со взрослым, и попытаться понять твою точку зрения. А ты ответил всей этой чепухой. Стыдно, брат. И грустно, потому что я знаю, к чему такое ведет.

Обо мне можете не беспокоиться. Сказал Маркус. Я зарабатываю. У меня все в порядке. Сказал Маркус.

Маркус поднял воротник. Неубедительным жестом.

Я зарабатываю, все в порядке. Повторила Натали. Ее губы искривились в брюзгливом недовольстве. Я зарабатываю, все в порядке. Повторила она. Да, конечно, ты зарабатываешь. Я адвокат, парень. Вот где заработки. Настоящие заработки.

Эти люди долбанутые. Сказала девица.

Если бы она подошла и уважительно попросила, да? Я бы так и сделал. Возразил Маркус. Я вообще-то вежливый молодой человек. Но когда ко мне без всякого уважения, когда со мной неуважительно, вот тогда я начинаю горячиться.

Если бы у тебя было настоящее самоуважение или самооценка, возразила Натали, то когда

к тебе подходит человек и просит потушить сигарету на долбаной детскойплощадке, ты не видел бы в этом нападки на твое драгоценное маленькое эго.

Собралась небольшая толпа, другие родители, озабоченные граждане. Последнее соображение Натали получило поддержку публики, и она почувствовала, что победа у нее в кармане, так же уверенно, как если бы присяжные охнули при виде припрятанных до времени фотографий в ее руке. Смиряя торжество, она случайно встретилась взглядом с Маркусом — отчего на миг дрогнула, — тут же нашла пустоту над его правым плечом и все дальнейшие замечания адресовала этому ускользающему месту. Разговор вокруг них свелся к отдельным маленьким диспутам. Девица спорила со старухой. Ее парень — с растой. Несколько человек присоединились к Натали и добивали беднягу Маркуса, который к тому времени уже докурил сигарету и казался совершенно поверженным.

174. Персик, пионы

Она никак не могла найти нужный ей адрес и несколько раз прошла мимо неприметной панельной двери с двойным остеклением, втис-

нутой между «Хабитатом» и «Уэйтрозом»[90] на Финчли-роуд. Обветшалое строение тридцатых годов. Она нажала кнопку звонка, и дверь тут же открылась. Она помедлила, разглядывая искусственные цветы в холле, необычные в своей правдоподобности. Четыре этажа. Без лифта. Натали Блейк долго стояла у внутренней двери. Чтобы нажать кнопку, она должна была совершить действие, которое позже стала про себя называть «покинуть собственное тело». Через стекло она видела персикового цвета ковер и персикового цвета стены, угол гостиной, где стоял мягкий кожаный диван с ножками и подлокотниками из орехового дерева. Напротив дивана она увидела выполненные в том же стиле кресло и гигантский пуф. На столе в коридоре лежала газета. Она напрягла зрение и пришла к выводу, что это экземпляр «Дейли экспресс», частично закрытый старомодным дисковым телефоном, тоже кремового цвета, с медной трубкой. Она подумала об индексе предложений, в котором говорилось о «высоком уровне» этой пары. К двери приблизились две фигуры. Она ясно видела их через стекло. Гораздо старше, чем они заявили.

---

[90] notes: 90

«Хабитат», «Уэйтроз» — названия сетевых английских магазинов.

За шестьдесят. Ужасная морщинистая кожа с синими венами. Все ищут друга от восемнадцати до тридцати пяти. Почему? Что, по их мнению, мы можем сделать? Что такого есть у нас, что нужно им? Она услышала их голоса: Возвращайтесь!

175. Крематорий Голдерс-Грин

Одеться для похорон — это для Натали Блейк не представляло никаких затруднений. У большинства предметов ее одежды имелась похоронная составляющая. Вот одеть детей было труднее, и она вплотную занялась этим, распахивала двери шкафов, вываливала все, что попадалось, на пол.

Ее муж Фрэнк Де Анджелис спросил в машине:

— Он был хороший парень?

— Не ведаю, что это значит, — сказала Натали Блейк.

Они заехали на парковку, она посмотрела в зеркало заднего вида и не увидела ни одного лица, которое было бы ей незнакомо, хотя имен она и не помнила. Люди из Колдвелла, люди из Брейтона, люди из Килбурна, люди из Уиллздена. Каждый знаменовал определенный период. Безусловно, она тоже была для них не более чем самовлюбленной формой измерения времени. И все же. Она вышла из машины во двор. Подруга матери

прикоснулась к ее руке. Она двинулась к саду памяти. Человек, который возглавлял Ассоциацию жителей Колдвелла, положил широкую ладонь ей на шею и сжал. Неужели к тем людям, которые хранят для тебя время, невозможно испытывать ничего, кроме презрения? Неужели любить их невозможно? «Как дела, Кейша?» — «Натали, рада тебя видеть». — «Жизнь бьет ключом, подруга?» — «Давненько не виделись, мисс Блейк». Странные кивки узнавания, которыми обмениваются люди на похоронах. Они подтверждают не только смерть Колина Ханвелла, но и то, что сотня людей, которая делила с Ханвеллом одну квадратную милю улиц, признают теперь связь с ним, которая была одновременно близкой и случайной, тесной и от случая к случаю. Натали толком не знала Колина (знать Колина толком было просто невозможно), но она в свое время еще узнала, что это такое — знать Колина. Иметь Колина в качестве объекта, представленного ее сознанию. Каким его имели все остальные.

Люди говорили. Люди пели. И ступала ль в

древности нога[91]. Натали была вынуждена подходить и уходить, когда кто-нибудь из ее детей начинал бузить. Наконец занавес открылся и гроб исчез. Пыльный Спрингфилд. Есть вещи, которые узнаешь о людях только после их смерти. Прихожане выходили цепочкой, а Ли стояла у дверей вместе с матерью. На ней были ужасная длинная черная юбка и блуза — вероятно, кто-то дал. Натали слышала, как доброжелательные незнакомые люди нагружают Ли долгими неуместными воспоминаниями. Историями.

— Спасибо, что пришли, — говорила Ли каждому, кто проходил мимо. Она была очень бледная. Ни сестер, ни братьев. Ни дальней родни. Ни одного человека, который помог бы.

— Ах, Ли! — воскликнула Натали Блейк, когда подошла ее очередь, и расплакалась, и очень крепко прижала к себе свою добрую подругу Ли Ханвелл.

Если бы только кто-нибудь мог заставить Натали Блейк каждый день приходить на чьи-либо похороны!

---

[91] notes: 91

Начало стихотворения Уильяма Блейка «And did those feet in ancient time», ставшего неофициальным гимном Англии; в основу стихотворения положена апокрифическая легенда о том, что Иисус на короткое время посетил Англию.

176. Забвение

Крэнли-Истейт, Камден. Скорее С, чем С-З. Худой человек, который называл себя «ДжейДжей» и своим видом напоминал ее дядюшку Джеффри. И иранская девушка с не менее невероятным прозвищем «Хани»[92]. Всем было немного за двадцать, и все они потерпели крах. Натали Блейк думала, это крэк, но вполне возможно, что это опять был метамфетамин или что-то еще. У Хани не было одного зуба. Их гостиная едва ли заслуживала своего названия. Жуткий, грязный матрас, постоянно включенный телевизор. Вся квартира пропахла травой. Они сидели в креслах-мешках, почти в отключке и смотрели «Кто хочет стать миллионером». Казалось, они ничуть не нервничали. ДжейДжей сказал: Ты отдохни пока немного. Я только пришел, без задних ног. Он не предложил ей стул. Всегда уступчивая Натали Блейк нашла себе место на полу между ними.

Она попыталась сосредоточиться на шоу — никогда прежде не видела его. Телефон все время извещал ее о входящих эсэмэсках с работы. У ДжейДжея была сложная конспирологическая

---

[92] notes: 92
Honey (*англ.*) — «мед», «милая, дорогая».

теория о порядке, в котором стоят чемоданы в студии. Единственное, что она могла, — это взять предложенный косяк и отдаться на волю травы. Вскоре она потеряла счет времени. В какой-то момент программа кончилась, и ДжейДжей, неся всякую чепуху, принялся играть в видеоигру: гоблины, мечи и эльфы. Натали, сказав, что ей нужно в туалет, вышла. Она открыла не ту дверь, увидела ногу, услышала крик. Это Келвин, сказал ДжейДжей, он теперь здесь ширяется. Работает по ночам.

Сиденье на унитазе было из прозрачного плексигласа с напечатанными на нем золотыми рыбками. Из крана текла ржавая вода. «Хед энд шолдерс». «Радокс». И тот, и другой — пустые.

Натали вернулась в комнату. ДжейДжей деловито разговаривал с экраном. Скажи-ка мне, где этот долбаный склад зерна. Загадочная приятная женщина улыбалась ему в ответ. Натали попыталась завязать разговор. Делал ли он раньше что-нибудь подобное? Несколько раз, сказал он, когда ни хера другого не подворачивалось. Они обычно уродины жуткие, и я их вышвыриваю прежде, чем они войдут в дверь. О, сказала Натали. Она ждала. Заскучавшая Хани повернулась к гостье. Чем ты занимаешься, Кейша? Ты, похоже,

хорошая девчонка. Я парикмахер, сказала Натали Блейк. Ой, слушайте, она делает прически. Вот это здорово. Я из Ирана. ДжейДжей скорчил гримасу: Ось зла! Хани шлепнула его по щеке, но любовно. Она погладила лицо Натали. Ты веришь в ауры, Кейша.

Свернули еще, покурили. В какой-то момент Натали вспомнила, что Фрэнк тоже работает допоздна. Она отправила эсэмэску Анне, попросила ее за полуторную плату остаться до одиннадцати и уложить детей в кровать. ДжейДжей прибыл в замок, где ему вручили новый список задач. Хани стала спрашивать о порошке МДМА, который она где-то оставила в обертке из-под жвачки. Натали сказала: Я не думаю, что мы-таки дойдем до этого. ДжейДжей сказал: Вероятно, не дойдем, если уж откровенно.

177. Зависть

Ли попросила Натали Блейк выступить на благотворительном аукционе коллектива молодых чернокожих женщин, деньги на который помогала собирать Ли. Она носилась с этой идеей. Но зал, который им удалось снять для такого случая, находился на юге от реки.

— Я не бываю на юге, — возразила Натали

Блейк.

— Дело действительно доброе, — настаивала Ли Ханвелл.

Натали Блейк поблагодарила Ли, которая представила ее, и встала перед подиумом. Она произнесла речь о планировании рабочего времени, определении целей, работе до седьмого пота, об уважении к себе и супругу, о важности хорошего образования. «Все, что основано на одной чувственности, обречено на провал, — прочла она. — Чтобы выжить, супруги должны направить свои устремления в одну сторону». Настанет день, и она, возможно, услышит, как говорит нечто подобное, обращаясь к Ли Ханвелл. Не сейчас, но когда-нибудь. Она, конечно, смягчит свою речь. Бедняжка Ли.

Приблизительно между верхом второй страницы и началом страницы три она, вероятно, читала вслух, и в ее словах был здравый смысл, речь, вероятно, воспринималась целостной — никто из публики не смотрел на нее, как на сумасшедшую, — но вдруг она почувствовала, что ее мысли уходят к непристойной сцене. Она представляла себе, что Ли и Мишель, которые, казалось, всегда прикасаются друг к другу, делают, уединившись в кровати. Отверстия, позиции,

оргазмы. И только отказавшись загонять себя в искусственные рамки, — объяснила Натали Блейк собранию молодых черных женщин, — я смогла полностью реализовать свой потенциал.

178. Улей

Из громкоговорителей кафе в парке доносился приятный голос. Натали Блейк и ее подруга Ли Ханвелл давно сошлись на том, что у этого голоса тембр Лондона — в особенности северной и северо-западной его частей, — словно его владелец был святым покровителем их районов. Разве голос — это что-то, чем можно владеть? Дети Натали и много других детей подпрыгивали и танцевали под песню, а их родители незаметно кивали. Солнце стояло высоко в небе. К сожалению, Ли Ханвелл, как всегда, опаздывала, и вскоре песня закончилась; Наоми что-то кричала, а Спайк проснулся, и Ли пропустила идеально поставленную демонстрацию радости жизни — в частности, семейной жизни. «У нее настоящая депрессия, — сказала Натали Фрэнку, пока они ждали. — Она думает, я не замечаю. Я все замечаю. Ее просто с головой засосало. Застой. Она, кажется, не в состоянии выбраться из дыры, в которой застряла». Но не успела Натали это сказать,

как ей пришла в голову мысль, что, возможно, это ее суждение всего лишь возникло из песни и на самом деле представляет собой лишь последнюю строку, которую сама Натали и добавила экспромтом, что, произнеся эти слова вслух, она только выставила себя в глупом свете. Фрэнк оторвался от газеты и увидел ее лицо, застывшее в ужасе. «Ли и Мишель без ума от счастья», — сказал он.

Некоторое время спустя Натали услышала интервью певицы по телевизору: «В детстве я не думала, что представляю собой что-то особенное. Я думала, петь умеют все». Ее голос был тем самым чудом, которое Натали однажды слышала через окно паба в Камдене. Но женщина, которая владела или не владела этим голосом, полностью исчезла. Натали смотрела на кривоногую девушку-ребенка, которой почти и не было, почти на ничто.

179. Афоризм

Какая это нелегкая вещь для женщины — талант! Она накажет себя за то, что получила его.

180. Все удобства

Чудный Примроз-Хилл. После долгих перего-

воров по электронной почте была достигнута договоренность о дневной встрече: в три часа. Женщина открыла дверь и сказала: Ну и ну! Ткань, платье, каблуки, красота, безошибочно африканка. Ее основная цель состояла в том, чтобы обнять Натали Блейк за талию и вместе с ней удалиться в гигантский дом, пока никто не увидел. Что касается одежды, то Натали вела ту же линию: золотые серьги в виде колец, джинсовая юбка, замшевые туфли с кисточками, поднятые волосы, схваченные заколкой в виде черно-белой игральной кости, рабочая одежда в рюкзаке за спиной. Увидев себя в громадном зеркале с позолоченной рамой, она сочла, что выглядит убедительно. В этот момент она чувствовала решимость. По крайней мере, они привлекательны. В этот момент Натали Блейк все еще верила, что привлекательность имеет значение.

Коридор цвета «зеленая утопия» (матированного) от «Фэрроу энд Болл»[93]. Африканская настенная скульптура. Современные минималистские штучки. «Золотой диск» в рамочке. Фотография Боба Марли в рамочке. Первая страница газеты в рамочке. Повсюду разновидность

---

[93] notes: 93
Британская фирма, производитель красок.

жуткого «хорошего вкуса». Натали Блейк подняла голову и увидела мужа или бойфренда наверху лестницы. Он по-особенному красивый, с бритой головой изящной формы. Приятная пара, они были похожи друг на друга. Как на американской рекламе страхования жизни. Он улыбнулся Натали, показав ряд сияющих, идеально ровных зубов. Шелковый халат. Дешевка. Мы так рады, что ты пришла, Кейша, мы не были уверены, что ты настоящая. Ты веришь, что она настоящая? Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Иди сюда, сестренка, чтобы я мог по-настоящему тебя разглядеть. Наверху звучал соул. Детский высокий стульчик специальной серии 2009 года парил в кухне, словно космическая станция. Открытый «макбук эйр» на кухонном столе. Другой мак, постарше, закрытый стоит на лестнице. Он протянул руку. Красивая у вас колыбелька, сказала Натали Блейк. Ты красивая, сказал он. Натали почувствовала руку его жены или подруги у себя на спине.

Наверху ей показали кровать в виде санок, какие были в моде лет пять назад. Обувной шкафчик стоял открытым. Красные подошвы от пола до потолка. Над кроватью висела слишком хорошо знакомая карта метро, на которой станции

заменены звездами прошлого тысячелетия, собранными в группировки и движения. Натали нашла Килбурн: Пеле. На кровати айпад (именно тогда Натали впервые увидела эту технологическую новинку) показывал порно: секс втроем. Две девицы вылизывали одна другую, а мужчина сидел на столе, держа член в руке. Они все были немцы.

Красивая африканка не закрывала рта. Откуда ты? Училась в колледже? Кем хочешь стать? Никогда не сдавайся. Главное — мечтать о великом. Дерзать. Работать до седьмого пота. Не принимать ответ «нет». Быть тем, кем ты хочешь.

Чем дольше Натали Вуд стояла там, полностью одетая и никак не реагирующая, тем сильнее они нервничали, тем больше говорили. Наконец Натали спросила, где у них ванная. Смежная со спальней. Она забралась в восстановленную викторианскую ванну, облаченную в медь и фарфор от «Уотер монополи». Она знала, что никогда отсюда не выйдет. Легла. «Аква ди Парма». «Шанель». «Молтон Браун». «Марк Джейкобс». «Томми Хилфигер». «Прада». «Гуччи».

181. Пасха

Анна на несколько дней уехала в Польшу повидать семью, но теперь из-за извержения не могла вернуться. Натали погуглила. Уставилась на огромное облако пепла.

— Ты гибче меня, — возразил Фрэнк и вышел из дома.

На повестку дня вернулся подвал. Повсюду были строители. Фрэнк работал до седьмого пота, чтобы все вернулось на круги своя. Они оба работали. Они заслуживали всего, что шло им в руки.

Еще чаёк у тебя есть, солнышко? Лучше, чтобы дети тут не толклись. Обязательно как-нибудь покалечатся. Они что, печенье так выпрашивают?

К десяти часам она оказалась в выкрашенной белым коробке с двумя таинственными черноглазыми другими, которые, казалось, хотят получить что-то от нее, но ни понять, ни дать то, чего они хотят, она не имела ни малейшей возможности. Мужчины в оранжевых жилетах ходили туда-сюда. Молоко кончилось, солнышко. Есть джем? Она подхватила детей на руки и покинула стройплощадку, ее кухню. Она отправилась с ними в квартиру матери. В парк. В зоосад. На килбурнский рынок. В африканский минимарт.

В криклвудский магазин игрушек. Домой.

Наоми пересказала эту одиссею отцу, когда тот вернулся, в гораздо больших подробностях.

— Ты удивительная, — сказал Фрэнк и поцеловал Натали Блейк в щеку. — Я бы просто сидел тут бездарно весь день, играл с ними.

182. Любовь в руинах

Они были хорошими ребятами и явно удивились, что кто-то ответил на их предложение. Натали не сомневалась, что они отправили письмо со злости. Родственники? Братья? Дом пятидесятых годов постройки на одну семью, в Уэмбли с фасадом к Северной круговой с двойным остеклением, доживающий последние деньки. Дом был семейный, но семья отсутствовала. Брейтонские детишки называли его «Вилла «Угловая лавка»[94]. Натали Блейк не могла объяснить, откуда она знала, что они не собираются ее убивать. Она должна была признаться себе, что абсолютно иррациональная вера в то, что тот или иной человек имеет в отношении тебя намерение убийства, — это одна из тех вещей, которую «ты

[94] notes: 94

Стереотипное английское представление об «угловом магазинчике», который непременно принадлежит выходцам из Азии.

просто видишь» в людях. Естественно, ей помогло и то, что, когда они открыли дверь, вид у них был более испуганный, чем у нее. Господи боже. Я тебе говорил, Динеш. Я тебе говорил. Я тебе говорил, это никакой не парень. Заходи, солнышко. Заходи, Кейша. Боже мой, боже мой. Ты в полном порядке, смотрю. Ты это зачем говоришь! Почему нет? Она знает, и мы знаем. Она знает, и мы знаем. Никаких сюрпризов. Боже мой! Проходи сюда, красавица. Никто тебя не обидит, мы хорошие. Ай-ай-ай, никто же в это не поверит, чувак. Я сам не верю. Проходи сюда. Мы как, по очереди или как? Что? Я не хочу видеть тебя голым, братишка! Эта какая-то гейская дурь. Да, но она хочет групповушку. Не один после другого! Оба-два — понял? — одновременно чтобы оба-два. И в обе-две. Ты что, не знаешь, что такое в обе-две, братишка? Ты сам не знаешь, чего несешь. В обе-две! Заткнись, дурак.

Натали слушала их препирательства в коридоре. Она сидела в ожидании на кухне. Вокруг холодильника разлилась большая лужа. На дверях была надпись: ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД. Они вернулись. Стеснительно предложили разойтись по спальням. С учетом обстоятельств в их стеснительности была некая странность. Они постоянно

переругивались. Здесь. Ты чокнутый? Я тут не буду. Тут Биби спит! Вот прямо здесь, братан. Шеф. Иди за мной, Кейша, устраивайся, как тебе удобнее, да? Динеш, братан, тут даже простыней нет! Принеси простыни! Прекрати называть меня по имени! Никаких имен. Мы сейчас принесем простыню, подожди прямо здесь, не двигайся.

Натали Блейк лежала на матрасе. На шкафу стояла куча коробок бог знает с чем. Бог знает с чем, за которым никто не возвращался. Дополнение к требованиям. Во всем этом месте было что-то ужасно печальное. Ей хотелось достать все эти коробки, просмотреть их содержимое, сохранить то, что нужно сохранить.

Дверь открылась, и появились молодые люди в одних «калвин кляйнсах» — один в черных, другой в белых, как боксеры легкого веса на ринге. Не старше двадцати. Они принесли ноутбук. Идея, казалось, аналогична рулетке. Кликаешь — и в реальном времени появляется человеческое существо. Кликаешь еще. Кликаешь еще. В восьмидесяти случаях из ста у них получался пенис. Остальные были тихие девушки, играющие своими волосами, группы студентов, желающие поговорить, бритоголовые громилы перед своими национальными флагами. В редких случаях

появлялась девушка, и они сразу же начинали набирать: ПОКАЖИ СИСЬКИ. Натали спросила: мальчики, мальчики, мы зачем это делаем? У вас есть настоящее прямо здесь. Но они продолжали рыскать в Интернете. Натали казалось, что они тянут время. Или они ничего не могли без Интернета? Попробуй ты, Кейша, попробуй, посмотри, что у тебя выпадет. Натали села к ноутбуку. У нее появился одинокий парень из Израиля, который набрал: ТЫ ХОРОШЕНЬКАЯ, и вытащил свой пенис. Ты любишь, когда на тебя смотрят, Кейша? Тебе это нравится? Мы его оставим здесь, на туалетном столике. Ты как хочешь, Кейша? Ты нам скажи, и мы сделаем. Что угодно. И Натали по-прежнему знала, что никакая опасность ей не угрожает. Делайте что хотите, сказала Натали Блейк.

Но ни один из них ничего толком не мог, и вскоре они начали валить вину друг на друга. Это он! Это потому, что я смотрю на него, чувак. Он лезет в мою канавку. Не слушай его, нет у него никакой канавки.

Их устраивали подростковые игры. Натали горела от нетерпения. Она больше не была подростком. Она знала, что делает. Она не считала, что должна ждать в надежде, что ей наконец вста-

вят. Она могла принять. Удержать. Отпустить.

Она посадила парня в черных трусах на край кровати, обнажила его головку, устроилась на нем, посоветовала не трогать ее и вообще никак не двигаться, пока она не скажет. Тонкий член, но не уродливый. Он сказал: Ты такая решительная, Кейша. Знаешь, что тебе нужно. Так о сестрах говорят, правда? На это Натали Блейк ответила: Мне насрать, что там говорят. Она видела: парнишка не попадает в нужный ритм, — им обоим будет лучше, если он просто посидит спокойно. Она ввинчивалась в него. Раскачивалась. Он кончил очень быстро, хотя и не так быстро, как его обрезанный дружок по другую сторону кровати; тот тихонько застонал, выпустил жидкую струйку себе в ладонь и исчез в туалете. Динеш, ах ты, маленький мошенник. Ну-ка возвращайся. М-м-м. Немного странно. Куда он исчез? Только ты да я. Ты уже кончила, да? Справедливо. Знаешь что, не думаю, что смогу еще раз вот прямо сейчас, подряд, Кейша. Я немного разгорячился и разволновался, если по-честному.

Она выпустила его. Парнишка вяло выскользнул из-под нее. Она засунула его член назад в трусы. Она начала одеваться. Второй появился из туалета, посмотрел застенчивым взглядом. У нее

остался косяк из Камдена, они вместе покурили. Она попыталась разговорить их, чтобы они рассказали ей что-нибудь о людях, которые живут в этом доме, но они не желали отвлекаться от того, что называли «болташка». Мы должны боготворить эту женщину, чувак. Сестренка, ты готова к тому, чтобы тебя боготворили? В моих глазах ты богиня. Всю ночь, детка. Пока ты не попросишь меня перестать. До шести утра. Динеш, чел, я в восемь должна быть на работе.

183. Обмен новостями

Натали Блейк уволила Анну и наняла Марию, бразильянку. Подвал достроили. Мария переехала туда. Жалованье за работу пойдет теперь в другой карман. Натали и Ли сочувствовали ирландцам.

— Что у тебя? — спросила Ли Ханвелл.

— Ничего особенного, — сказала Натали Блейк. — А у тебя?

— Все то же.

Натали рассказала про парня, курившего в парке, подчеркивая собственное героическое неприятие злостной грубости. Она рассказала, какой подлой и отвратительной стала их общая знакомая Лейла Дин, рассказала так, чтобы тонко

польстить самой Натали Блейк. Она рассказала историю подготовки детей к карнавалу, не сумев обойтись без демонстрации счастливой полноты жизни.

— Но Черил хочет, чтобы все «родственники» были на церковной телеге. Я не хочу быть на церковной телеге.

Ли защитила право Натали не принимать религию, маскирующуюся под карнавальные забавы. Ли рассказала, какая у нее невозможная мать. Натали защитила право Ли приходить в ярость от глупых поступков ее матери, пусть и самых ничтожных. Ли рассказала забавную историю о Неде сверху. Она рассказала забавную историю о ванных привычках Мишеля. Натали с тревогой отметила, что истории Ли не особенно важны или осмысленны.

— Ты потом еще видела эту девицу? — спросила Натали Блейк. — Ту, которая тебя кинула… которая пришла к твоим дверям?

— Да я ее все время вижу, — сказала Ли Ханвелл. — Просто все время.

Они выпили на двоих две бутылки белого вина.

184. На месте преступления

— Это что? «KeishaNW@gmail.com?!» Что это еще за хуйня? Игры разума?

Они стояли друг против друга в коридоре. Он размахивал перед ее носом листом бумаги. В шести футах от них их дети, Черил с детьми и Джейден заучивали танцевальные па к карнавалу. Марсия помогала вшивать блестки и перья на флуоресцирующие трико. Услышав громкие голоса, многочисленные члены семьи Натали Блейк бросили свои дела и поспешили в коридор.

— Пожалуйста, давай пройдем наверх, — сказала Натали Блейк.

Они поднялись по лестнице в гостевую комнату, выполненную в изысканном марокканском стиле. Муж Натали Блейк очень крепко ухватил ее запястье.

— Кто ты?

Натали Блейк попыталась вывернуть запястье из его хватки.

— Внизу два твоих ребенка. Ты считаешься взрослой, еб твою мать. Кто ты? Это все по-настоящему? Что это еще за хуй — Бешеный Уэмбли? Что это в твоем компьютере?

— Зачем ты лазаешь в мой компьютер? —

спросила Натали Блейк писклявым, смешным голосом.

185. Последствия

Фрэнк сидел на кровати спиной к ней, закрыв глаза рукой. Натали Блейк встала, покинула гостевую комнату и закрыла дверь. Когда она спускалась по лестнице, ею овладело странное ощущение спокойствия. На первом этаже, в коридоре, она столкнулась с бразильянкой Марией, которая посмотрела на нее с тем же идиотским смятением, что и на прошлой неделе, когда только приехала и обнаружила, что ее нанимательница на несколько оттенков чернее, чем она сама.

Она прошла по коридору мимо ноутбука, все еще открытого и включенного — читай, кто хочет. Мимо семьи, которая окликала ее. Она услышал, как Фрэнк бегом спустился по лестнице. Увидела свое пальто на перилах с ключами и телефоном в кармане. У дверей у нее была еще одна возможность взять что-нибудь с собой (на столике в коридоре лежали ее сумочка, проездной, еще один набор ключей). Она вышла из дома, не взяв ничего, и закрыла за собой дверь. Из эркерного окна наверху Фрэнк Де Анджелис спросил свою

жену Натали Блейк, куда она собралась. Куда она идет, ебанарот. «Никуда», — сказала Натали Блейк.

Перекресток

С Уиллзден-лейн на Килбурн-Хай-роуд

Она повернула налево. Дошла до конца своей улицы и конца следующей. Быстро пошла в сторону от Куинс-парка. Вышла к тому месту, где Уиллзден пересекается с Килбурн. Прошла мимо дома Ли, потом в Колдвелл. Кухонное окно в старой квартире было открытым. Пуховое одеяло, украшенное логотипом какого-то футбольного клуба, сушилось на балконе. Она, не глядя, куда идет, стала подниматься по холму, который начинается в Уиллздене и кончается в Хайгейте. Она издавала странный плачущий звук, похожий на лисий. Когда она переходила улицу, перед ней резко остановился автобус 98 — она подумала: еще чуть-чуть, и он бы перевернулся, — и поначалу казалось, что он каким-то образом излучает красный и голубой цвета, окрашивающие белые полосы зебры. Потом она увидела полицейскую машину, припаркованную в тени; ее мигалка неторопливо поворачивалась. Альберт-роуд перекрывали, полицейские машины, установленные под прямыми углами друг к другу. По другую

сторону перекрытия собралась группа людей, посреди этой группы стоял высокий полицейский в тюрбане и отвечал на вопросы. Но я живу на Альберт-роуд! сказала молодая женщина. В руках она держала множество пакетов, еще несколько висели на ее запястьях, бечевки впивались в кожу. Какой номер? спросил полицейский. Женщина ответила. Вам придется обойти. В конце вы увидите полицейских, они проводят вас до дверей. Черт бы вас побрал, сказала женщина, но секунду спустя пошла в указанном направлении. Могу я пройти туда? спросила Натали. Происшествие, сказал полицейский. Оглядел ее. Не по размеру большая футболка, гетры, грязные красные тапочки, как у наркоманки. Он посмотрел на часы. Сейчас восемь. Эта дорога будет перекрыта еще около часа, сказал он. Она попыталась подняться на цыпочки, чтобы увидеть, что там, за ним. Но увидела только еще полицейских и белую полотняную палатку слева на тротуаре напротив автобусной остановки. Что за происшествие? Он не ответил. Она была никем. Не заслуживала ответа. Парнишка на триал-велосипеде спросил: Кого-то сбили, да?

Она развернулась и пошла назад в сторону Колдвелла. Ходьба — это то, чем она теперь зани-

малась, ходьба — это то, чем она была: не больше и не меньше, чем феномен ходьбы. Без имени, без биографии, без характеристик. Все вмиг исчезло, превратилось в парадокс. Остались некоторые физические воспоминания. Она все еще чувствовала припухлости под глазами, осознавала, что у нее саднит в горле от криков и воплей. У нее осталась отметина на запястье, где ее сильно схватили. Она потрогала руками волосы и поняла, что они растрепаны, они повсюду, и в пылу ругани она выдрала клок с правого виска. Она дошла до ограды Колдвелла. Прошла какое-то расстояние вдоль задней стены, глядя вниз на зеленую кромку, поднимавшуюся от низкого бассейна до уровня улицы. Прошла вдоль, от одного конца до другого, потом снова назад. Она, казалось, ищет какое-то указание на отверстие в стене. Осматривала один и тот же небольшой участок Она поднимала ногу, чтобы вскарабкаться, когда ее позвал мужской голос.

Кейша Блейк.

Через дорогу и слева от нее. Он стоял под конским каштаном, глубоко засунув руки в карманы своей худи.

Кейша Блейк. Постой.

Он перебежал через дорогу, делая на бегу ка-

кие-то нервные движения: руки к носу, ушам, к затылочной части шеи.

Натан.

Ты пытаешься перелезть?

Он запрыгнул на стену.

Я не знаю, что делаю.

Даже не хочешь меня спросить, как я поживаю. Круто.

Он присел на корточки и заглянул в ее лицо.

Неважно выглядишь, Кейша. Дай мне руки.

Натали сложила руки в запястьях. Натан посмотрел на ее дрожащие пальцы. Вытащил ее наверх. Они вместе спрыгнули на другую сторону, легко приземлились в кустах. Он выпрямился и посмотрел через плечо на улицу.

Идем.

Он сполз по кустам на небольшую поросшую травой площадку, где парковались местные. Прислонился к какой-то старой машине. Натали сползла медленнее, цепляясь за ветки кустов, скользя в своих тапочках.

Ты просто ужасно выглядишь.

Не знаю, что я здесь делаю.

Ругаешься со своими мужчинами, да?

Да. Как…

По твоему виду не скажешь, чтобы у тебя были

серьезные проблемы. Присоединяйся ко мне. Я летаю.

Теперь она обратила внимание на его зрачки, огромные и мутные, и потому попыталась выступить в своей прежней роли. Хоть чем-то заместить отсутствие ощущений — это ничто. Она положила руку ему на плечо. Ткань худи была жесткой, грязной.

Ты летаешь?

Он произвел горлом какой-то звук, словно поперхнулся. Мокрота мешала ему дышать, и он долго прокашливался. Кашляя, он уперся руками в колени, а когда перестал, посмотрел на нее и выслушал те слова, что у нее остались. Его лицо. Полное фиаско. Она не понимала, как можно показать такое лицо другому человеку и после этого оставаться жить. Но вот он стоял перед ней, продолжал существовать. Его челюсти сжались. Появилась прежняя улыбка. То, на что он подсел, делало свое дело.

Тут либо летай, либо сдохни ночью. Ты к матери?

Нет. На север.

На север?

Хотела сесть на метро «Килбурн». Так там дорога перекрыта.

Правда? Идем прогуляемся. Не хочу я тут сейчас находиться. Долго проторчал в этом месте.

Они стояли в центре колдвелловского бассейна. Пять кварталов, соединенных дорожками, мостами, лестницами и подъемниками, которых следовало избегать почти сразу после постройки. Смит, Хоббс, Бентам, Локк, Рассел[95]. Вот дверь, вот окно. И снова, и снова. Некоторые жители выставили на балконы красивые горшки с геранями и африканскими фиалками. Другие окна были закрыты коричневой бумагой, грязными тюлевыми занавесками, квартиры без номеров на дверях, без звонков. Напротив, на длинном бетонном балконе во всю длину дома Бентам — толстый белый мальчишка с телескопом на треноге, телескоп смотрит вниз, на парковку, а не вверх, на луну. Натан взглянул на мальчишку и так и остался смотреть. Мальчишка сложил телескоп, сунул треногу под мышку и поспешил внутрь. Повсюду пахло марихуаной.

Давненько не виделись, Кейша.

Давненько.

У тебя есть сигаретка?

Натали провела ладонями по телу, демонстри-

---

[95] notes: 95

Вымышленный лондонский район Колдвелл застроен домами, названными в честь знаменитых британцев.

руя отсутствие карманов. Натан остановился и вытащил сигарету не из пачки, а из заднего кармана. Он разрезал ее посередине длинным ногтем большого пальца, желтым и толстым, с широкой трещиной по центру. Табак просыпался в его руки. Сухие черные морщины рассекали обе ладони. Он сунул руку в карман джинсов и вытащил большую пачку «Ризлы» и маленький пластиковый пакет, ухватил его зубами.

Так где, ты говоришь, жила?

В Локке. А ты?

Он кивнул в сторону Рассела.

Встань здесь.

Натан взял Натали за плечи и подвинул так, чтобы она стояла прямо перед ним. Стать объектом действия — что ж, в этом было какое-то утешение. Не совершая никаких ошибок, она могла послужить полезным барьером между ветром и двумя «ризлами», аккуратно сворачиваемыми в косяки.

Потерпи минутку. Ой, ты плачешь?

Над ними пронеслись свет и механический рев: на малой высоте пролетел вертолет.

Да. Извини.

Да брось, Кейша. Твой муж не такой уж зверь. Примет он тебя назад.

Он говорил, задрав голову к ночному небу.

Не надо бы ему этого делать.

Людям много чего не надо бы делать, что они делают. Готово.

Он протянул ей косяк, смотря в ночное небо.

Нет. Мне нужно, чтобы голова была ясная.

Не прикидывайся хорошей девочкой, Кейша. Я знаю тебя по прежним временам. Знаю твою семью. Черил. Угощайся.

Он сунул косяк себе за ухо.

Тут не одна только трава. Еще несколько сюрпризов. Попробуй. Мы найдем себе тихое место. Тут недалеко.

Он двинулся. Натали пошла за ним. Ходьба — вот чем она теперь занималась. Она шла и пыталась вернуть людей на места, в дом, в нынешний поток ее мыслей. Но ее отношения с каждым стали теперь неузнаваемыми для нее, а ее фантазия — по причине долгого процесса небрежения, почти такого же долгого, как ее жизнь, — не имела созидающей силы, чтобы сотворить альтернативное будущее. Она видела там только позор, удушающий все. Она думала налево, думала направо, но выхода нигде не было. Может быть, через Джейдена? Может быть, через Джейдена что?

Который час, Кейша?

Не знаю.

Мне давно надо бы свалить отсюда. Я иногда сам себя не понимаю. Кто меня держит? Никто. Нужно было свалить в Далстон. Теперь уже слишком поздно.

Из-за припаркованного черного такси появился мальчик лет девяти; он ехал на велосипеде, не держась за руль, ехал очень медленно и мастерски. Следом шли два мальчика не старше шести лет и девочка лет четырех. У них были удлиненные лица и глаза в форме сливы. Натали решила, что они сомалийцы, и их скука была ей знакома, она ее помнила. Девочка пинала перед собой помятую консервную банку. Один мальчик держал в руке длинную ветку и ударял ею обо все, что встречалось у него на пути. Они прошли мимо с недовольным видом, разговаривая на своем языке. Палка сбилась с траектории в сторону Натана, но стоило тому посмотреть на нее, как мальчик неторопливо поднял палку над их головами и увел в сторону.

Что мы делаем? Натан? Что мы делаем?

Бредем. На север.

А.

Ты ведь туда хочешь, верно?

Да.

Между скукой и стремлением к хаосу есть связь. Несмотря на многочисленные маскарадные одеяния и блеф, она, возможно, всю жизнь только и стремилась к хаосу.

У тебя есть песни, Кейша?

Что?

Мы должны вернуться в твой двор и взять несколько песен. ЛОКК!

Он крикнул, показывая в ту сторону, словно, произнеся название, вызвал дом к жизни.

Кейша, назови кого-нибудь из Локка.

Ли Ханвелл. Джон-Майкл. Тина Хейнс. Родни Бэнкс.

Натали столько сил потратила на произнесение этих имен, что ей пришлось сразу же сесть. Она легла, положила голову на землю так, что теперь не видела ничего, кроме луны, и не думала ни о чем, кроме луны.

Я видел Родни, давно. В Уэмбли. У него там теперь химчистка. Процветает. Но он в норме, Родни, все такой же скромник. Поболтал со мной. Некоторые ведут себя так, будто в первый раз тебя видят. Вставай, Кейша.

Натали приподнялась, опершись на локти, посмотрела на него. Она сто лет не лежала на

тротуарах.

Давай-ка вставай. Поговори со мной. Как обычно. Давай, старуха.

Второй раз за вечер она соединила руки в запястьях и почувствовала, как ее поднимают, словно ее там почти и не было, словно она почти превратилась в ничто.

Ли. Она была одержима тобой. Одержима.

Я ее видел. Но по другим делам. С цифрами порядок.

У Ли?

У меня, чувиха! У меня был порядок. Ты же помнишь. Большинство людей не помнит, какой я был. Ты помнишь. Целыми днями получал призы.

Ты во всем была хорош. Таким я тебя помню. С тобой произошел несчастный случай.

Точно. «Рейнджеры Куинс-парка». Все говорили, что у них произошел несчастный случай. У меня был настоящий.

Я знаю. Твоя мать сказала моей.

Слабые связки. Я играл. Мне никто не говорил. Многое пошло бы по-другому, Кейша. Многое. Так вот. Так вот оно. По правде говоря, не люблю вспоминать о том времени. Вот в конце концов оказался тут, на улице, мотаюсь туда-сюда. Гну

хребет. День да ночь, сутки прочь. Пытаюсь заработать. Я нехорошие вещи делал, Кейша, не буду тебе врать. Но ты-то знаешь, я не такой. Ты знаешь меня по старым денькам.

Он ударил ногой по трем пивным банкам, и они, грохоча, полетели в траву. Они дошли до конца ностальгии. Здесь пограничная стена была почти разрушена, словно ее кто-то разобрал вручную, кирпич за кирпичом. Они перешли на другую сторону улицы, миновали баскетбольную площадку. В дальнем углу стояли четыре темные фигуры, огоньки их сигарет светились в темноте. Натан приветственно поднял руку. Они ответили тем же.

Постой здесь. Я покурю.

О'кей, я тоже.

Он прислонился к высоким воротам кладбища, огляделся. Вытащил из-за уха недавно скрученный косяк, закурил, они передавали его друг другу, после затяжки выпускали дым через прутья решетки. Что-то, подмешанное в табак, горчило. Нижняя губа Натали онемела. Верхушку ее головы снесло. Рот затвердел, плохо ее слушался. Перевод мысли в звук стал затруднителен, так же как понимание того, какие мысли могут быть преобразованы в звук.

Вернись вернись вернись. Кейша, вернись.

Что?

Пошевеливайся.

Натали почувствовала, что он подталкивает ее в плечо, и через несколько футов они оказались в точке, максимально удаленной от двух фонарных столбов. По другую сторону ограды на клумбы проливал слабый свет единственный жалкий викторианский фонарь. Когда Наоми была крошкой, Натали пристегивала дочку ремнями к груди и описывала восьмерку по этому кладбищу, надеясь, что ребенок поспит днем. Местные говорили, что где-то здесь похоронен Артур Ортон. Сколько восьмерок она ни описывала, его могилу так и не нашла.

Войдем. Я хочу туда перебраться.

Постой. Кейша, ты спятила.

Идем. Ну же. Я не боюсь. Ты чего боишься? Покойников?

Не знаю я про призраков, Кейша. И знать ничего не хочу.

Натали попыталась вернуть ему косяк, но Натан направил его прямо в рот Кейше.

И вообще, почему ты здесь, Кейша? Ты должна быть дома.

Я не пойду домой.

Ну как хочешь.

У тебя есть дети, Натан?

У меня? Нет.

Послышался тихий стрекочущий звук; он становился все громче, потом перешел в скрежет. Перед ними резко, с разворотом остановился велосипед. Молодой человек, с давно не мытыми косичками и одной закатанной штаниной, положил велосипед на бок, подошел к Натану, прошептал что-то ему на ухо. Натан выслушал, помолчал секунду-другую, отошел назад.

Отвали, чувак. Слишком поздно.

Парень пожал плечами, взял велосипед, поставил ногу на педаль. Натали проводила его взглядом — велосипед проехал мимо старого кинотеатра и исчез из виду.

Это смертный приговор.

Что?

Дети. Если они родились, то должны умереть. Вот что ты даешь им в конце концов. Мне нравится с тобой болтать, Кейша, правда. Мы всегда так умно разговаривали, ты и я.

Жаль, что мы не разговаривали больше.

Я на улице, Кейша. Мне не повезло в жизни. Новлен не говорит людям правду. Но я не буду врать. Сама видишь. Вот он я. Что видишь, то и

получаешь.

Натали все смотрела в направлении, в котором исчез мальчик на велосипеде. У нее выработалась привычка смущаться перед несчастьями других людей.

Некоторое время назад я столкнулась с Новлен на дороге.

Умная Кейша.

Что?

Она тебе сказала, что больше не впускает меня в дом? Наверняка не сказала. Давай, умная Кейша. Скажи мне что-нибудь умное. Ты ведь теперь адвокат, верно?

Да. Барристер. Это не имеет значения.

У тебя парик на голове. Молоток в руке.

Нет. Это не имеет значения.

Ну да, но ты преуспела. Моя мать любит мне про тебя рассказывать. Умная Кейша. Ой, посмотри-ка на эту лису! Ишь как промелькнула.

У него на телефоне был фонарик, и он посветил через решетку. За стволом дуба исчез кончик уродливого хвоста, словно погнутая старая кисть.

Пройдохи. Лисы, эти твари, повсюду. Если хочешь знать мое мнение, то они тут травят бал.

Лиса была худая и бежала через могилы как-то

боком. Натан светил ей вслед, сколько хватало мощности фонарика, а потом животное прыгнуло в никуда и исчезло.

Как ты попала в этот бизнес?

В юридический?

Да. Как ты туда попала?

Не знаю. Так случилось.

Ты всегда была умная. Заслужила.

Одно из другого не вытекает.

Вон она опять! Ну эти лисы — быстроногие твари!

Мне пора.

Силы оставили Натана. У него подкосились ноги. Сначала он оперся о прутья ворот, потом соскользнул набок, на Натали. Она не ожидала, что ей придется кого-то поддерживать. Они вместе сползли по прутьям на землю.

Господи Иисусе, тебе нужно бросать курить.

Кейша, останься и поболтай со мной чуток. Поболтай со мной, Кейша.

Они вытянули ноги поперек тротуара.

Люди больше со мной не говорят. Смотрят на меня так, будто видят в первый раз. Люди, которых я знал, люди, с которыми я бегал.

Он приложил ладонь к груди.

Слишком большая скорость в этой штуке.

Сердце бежит. Этот маленький вождь. Не знаю, почему я уделял ему время. Это все он. Всегда все принимал близко к сердцу. Но как мне остановить Тайлера? Тайлера должен остановить Тайлер. А я с тобой и болтать даже не должен, я должен быть в Далстоне, потому что это все не про меня, а про него. Но я смотрю на себя, спрашиваю себя: Натан, почему ты все еще здесь? И я даже не знаю, почему. Я даже не шучу. Я должен просто убежать от себя.

Успокойся. Дыши глубже.

Дай я тебе напрямик скажу, Кейша. Идем вместе.

Он сбросил капюшон, снял шапку. На шее сзади было пятнышко белой кожи размером с монету.

Давай, пошли.

Через секунду он встал на ноги. По кладбищенской стене проскользил свет, красный с белым.

А с этим как?

Падай на землю. Ну же. Быстро.

С Шут-Ап-хилл на Фортьюн-Грин

Они остановились во дворике перед станцией метро там, где Шут-Ап-хилл встречается с Килбурн-Хай-роуд.

Подожди здесь.

Натан оставил Натали у билетных автоматов и пошел к цветочному киоску. Она дождалась, когда он исчезнет из виду, а потом пошла следом, остановилась у края навеса. Он стоял в дверях китайской закусочной, продававшей еду навынос, разговаривал с двумя девицами, перешептывался с ними. На одной была короткая лайкровая юбка и худи, вторая была низенькая, в спортивном костюме с косынкой, которая сползла почти на затылок. Все трое стояли плотной группкой. Передавали что-то из рук в руки. Натали увидела, как он прикоснулся к голове невысокой девицы.

Что я только что сказал? Не заставляй меня повторять всякую херню дважды.

Я ничего и не говорю.

Хорошо. Так и продолжай.

Натан отошел от двери, увидел Натали, застонал. Девицы пошли в другую сторону.

Кто эти девушки?

Никто.

Я разбираюсь в таких делах. Было время, я каждый день ходила в камеры на Боу-стрит.

Они теперь закрылись. Теперь людей возят на Хорсферри.

Это верно.

Я тоже кое в чем разбираюсь, Кейша. Со мной шутки плохи. Ты здесь не одна умная.

Я это поняла. Что это за девицы?

Пойдем-ка по Шут-Ап-хилл, а там срежем.

Улица была длиннее и шире, чем всегда. Частные и муниципальные многоквартирные дома стояли здесь вдали от проезжей части, напоминая собой убежища, словно живущие в них люди все еще боялись разбойников, которые и дали когда-то название этому месту[96]. Натали казалось невероятным, что они когда-нибудь дойдут до конца улицы.

У тебя есть с собой деньги?

Нет.

Могли бы купить пару банок.

У меня с собой ничего нет, Натан.

Некоторое время они шли молча. Натан держался поближе к стенам, никогда не двигался посередине тротуара. Натали вдруг поняла, что она больше не плачет, что ее не трясет, что страх не сравним ни с одной другой эмоцией на земле в том смысле, что за него невозможно держаться больше мгновения. Она не могла не обращать

[96] notes: 96

Название улицы (Shoot Up Hill) можно перевести как «перестрелочная горка».

внимания на эту демонстрацию различных поверхностей, существующих в мире: белый камень, зеленый дерн, красная пыль, серый сланец, коричневое говно. Идти в никуда стало чуть ли не приятно. Они, Натали Блейк и Натан Богл, перешли на другую сторону и продолжили движение вверх мимо узких многоквартирных домов из красного кирпича, вверх, к деньгам. Мир муниципального жилья остался далеко внизу, у подножия холма. Возникли викторианские дома, поначалу одинокие, потом их число стало увеличиваться. Свежий гравий на подъездных дорожках, белые деревянные жалюзи на окнах. Рекламные щиты агентов по торговле недвижимостью, прикрепленные к воротам.

Некоторые дома стоят в двадцать раз больше, чем они стоили десять лет назад. В тридцать раз.

Неужели.

Они шли все дальше. Через равные промежутки совет посадил вдоль тротуара оптимистический ряд платанов; стволы маленьких деревьев были защищены пластиковой оболочкой. Один платан уже вытащили с корнями и сломали пополам.

Из Хэмпстеда в Арчвей

Та часть Хита, где главная дорога идет точно по прямой и тротуар исчезает. Было темно, и моросил дождик. Они шли по асфальту гуськом. Совсем рядом, справа от себя Натали чувствовала машины, а слева — травянистые ягодные заросли, кустарник. У Натана для защиты были капюшон и шапка; ее волосы, сплетенные в косички и собранные в наполовину уничтоженную подкову, промокли до кожи. Время от времени он кидал ей через плечо предупреждение. Держись левее. Собачье говно. Скользко. Лучшего спутника она и пожелать не могла.

Если бы я правил миром!
(Представьте это.)
Я бы освободил всех моих сыновей.
Черных бриллиантов и жемчужин.
Если бы я правил миром![97]

Он напевал эту песню.

---

[97] notes: 97

Песня, исполнявшаяся многими певцами, написана в 1985 году Куртом Уолкером, более известным как Кёртис Блоу — американским рэпером и продюсером.

Дождь усилился. Они остановились в дверях паба «За́мок Джека Стро».

Эти туфли наживка.

Это не туфли, это тапочки.

Они приманка.

Что с ними не так?

Почему они такие красные?

Не знаю. Наверное, мне нравится красное.

Да, но зачем они такие яркие? Не убежишь, не спрячешься.

Я не пытаюсь спрятаться. Я не думаю, что прячусь. Почему мы прячемся?

Не спрашивай.

Он сел на мокрую каменную ступеньку, скинул капюшон с головы, потом снял шапку. Потер глаза, вздохнул.

Наверняка есть люди, которые там живут, в лесу, сеструха.

В Хите?

Да. Там, в чаще.

Может быть. Не знаю.

Живут там, как животные. Я сыт этим городом по горло. Устал от него дальше некуда. Невезение меня преследует, Кейша. Вот в чем дело. Не я преследую невезение. Невезение — меня.

Я не верю в везение.

Ты должна в него верить. Оно правит миром.

Он снова запел. Он то пел, то читал рэп, хотя так тихо, грустно и почти неотличимо от пения, что Натали почти не чувствовала разницы.

Опять эта ебаная вертушка.

С этими словами он вытащил из кармана пакет «Золотой Вирджинии», расправил на коленке «ризлу». Натали подняла голову. Натан попытался плотнее прижаться к двери. Они вдвоем смотрели на вращающиеся винты, которые прорезали одеяло туч. Они курили и курили. Она никогда еще в жизни не была под таким кайфом.

Дождь не переставал.

Я могла бы показать тебе дневник. Твое имя. Каждая третья строчка — твое имя. Моя подруга Ли, ее дневник. Таким, по сути, было мое детство — слушать, как она говорит о тебе! Она этого никогда не признает, но парень, за которого она вышла, — он на тебя похож.

Неужели.

Мне странно, что ты мог быть настолько важен для другого человека и так об этом никогда и не узнал. Ты был так… любим. Почему ты это делаешь? Ты мне не веришь?

Не, так оно и есть. Это такая истина, которую все время повторяла моя мать. Всякий влюблен

в своего друга, когда ему десять лет. С его маленькой круглой головкой. Такого умненького и живого. Все любят друга, когда ему десять. А потом с ним начинаются проблемы. Невозможно всегда оставаться десятилетним.

Нельзя такие страшные вещи говорить ребенку.

Ну, это как ты видишь, а я вижу по-другому. Для меня это просто истина. Она пыталась донести до меня что-то истинное. Но кто станет слушать? Когда тебе хочется слышать какую-нибудь другую хрень. Ах, Натан, я помню, ты был такой и сякой, и ты был такой маленький заебыш, ну, такой сладкий, ты меня понимаешь? Чудные воспоминания. В последний раз, когда я был на твоем дворе, мне было десять, сестренка. Твоя мать после этого меня в калитку не пускала, уж ты поверь.

Это неправда!

Когда мне стукнуло четырнадцать, она на другую сторону переходила так, будто даже не видела меня. Вот так я помню. В этой стране взрослому невозможно жить. Никак невозможно. Ты им не нужен, твоей родне ты не нужен, никому не нужен. С девчонками иначе, это мужская штука. Вот она тебе, правда жизни.

Неужели ты не помнишь…

«Ах, Натан, а ты помнишь то, ты помнишь се…» Правду говорю, Кейша, я не помню. Я выжег все это из моей головы. Другая жизнь. Какой мне от нее прок. Я больше не живу в высотке, я теперь на улице, другая жизненная позиция. Выживание. Вот оно. Выживание. И больше ничего. Разговоры о том, что «мы ходили в одну школу». И что? Что ты знаешь о моей жизни? Когда ты была на моем месте? Что ты знаешь о той жизни, которой живу я, о том, что такое расти, как рос я? Сидишь на своей скамье, судишь меня. Спрашиваешь «кто эти девицы?» Не суй нос в чужие дела, детка. Ты и твоя долбаная подружка-лесба. Пригласи ее сюда, я ей то же самое скажу. «Ты хорошо играл в футбол, тебя все любили». Что мне от этого проку? Ты пойдешь домой, на свой газон, к своей жизни, а где мой газон, моя жизнь? Сидишь на своей скамье. Мелешь обо мне всякую ерунду. «Что человек чувствует, если он одна сплошная проблема?» Что ты об этом знаешь? Что ты обо мне знаешь? Ничего. Кто ты такая, чтобы со мной болтать? Никто. Ничто.

Перед ними на лист уселась промокшая птичка, отряхнулась всем телом. Проезжающая машина резко срезала угол, подняв стену воды.

И что ты теперь плачешь? Нехер тебе плакать.

Оставь меня. Я знаю, куда иду. Мне не нужно, чтобы ты шел со мной.

Драма. Ты такая. Любовная драма.

Я хочу, чтобы ты ушел. УХОДИ!

Да никуда я не пойду. Ни бежать не могу, ни прятаться. Слушай, ни к чему тебе так уж переживать из-за того, что я сказал немного правды.

Я хочу остаться одна!

Хочешь жалеть себя. Рассорилась со своим мужиком. Он полукровка, твой мужик. Я видел, как он садится в метро в Килбурне с портфелем наперевес. Посмотрите на нее — как ей себя саму жалко. Плачешь тут над кучей говна, хотя знаешь, что сама ее насрала. Я смеюсь над тобой.

Я себя не жалею. Я вообще к себе ничего не чувствую. Я просто хочу остаться одна.

Ну да, только человек не всегда получает то, чего хочет.

Натали встала и попыталась бежать. Почти сразу же ее мокрая тапка попала в ямку на дороге, и она упала на колени.

Ты куда? Брось, старуха! Брось! Сколько тебе говорить?

Дождь пошел сильнее прежнего. Она увидела, что он протягивает ей ладонь, проигнориро-

вала его, уперла руки в колени, подпрыгнула. Встряхнула руками и ногами, как спортсмен. Выпрямилась и пошла со всей скоростью, на какую была способна, но, когда оглянулась через плечо, увидела сзади его.

Хэмпстед-хит

Я смотрю, ты пытаешься меня вымотать.

Ничего я не пытаюсь. Смотри вперед!

Ну что, больше не можешь? А силенок у тебя хватает.

Женщине больше нужно.

Ты лучше поспеши. Вон какой-то клоун с собакой.

Чего!

Ничего. Успокойся.

Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

А я ничего и не говорю.

Говоришь.

Пикничок подоспел. Давайте-ка устроим пикничок.

И что? Я сюда приезжала на пикник. Пикники. У тебя был когда-нибудь пикник? Я пытаюсь тебе объяснить, что такое нормальная жизнь.

Да. Любишь ты объяснять.

Я сюда приходила с моей церковью.

Опять ты за свое.

За что за свое? Ты здесь никогда не был?

Не.

Никогда. Ты никогда не был в Хэмпстед-хит. Когда мы были детьми. Ты никогда не приходил сюда.

Зачем мне сюда приходить?

Не знаю — тут свобода, тут красота. Деревья, свежий воздух, пруды, трава.

Это был не мой пейзаж.

Что значит не твой? Он всех пейзаж! Это природа!

Успокойся. Подтяни штанишки.

Угол Хорнси-лейн

Перестань ходить за мной. Ты все время говоришь. Я не слышу собственных мыслей. Я теперь должна побыть одна.

Но это не я в твоем сне, Кейша. Это ты в моем.

Я серьезно. Мне нужно, чтобы ты ушел.

Нет, ты не понимаешь. Слушай: мой сон — это мой сон. Ты поняла? Твой сон — это твой сон. Ты не можешь видеть мой сон. Ты можешь хоть гору съесть, мне от этого срать не сесть. Поняла? Это мой сон — тебе в него не влезть.

Господи боже, ты говоришь, как волшебный

негр[98].

Я чистый волшебник.

Иди домой!

Никуда я не пойду.

Если ты хочешь меня обидеть, то это лишено смысла. Ты опоздал.

Зачем ты мне вообще такое говоришь? Мы тут идем — хорошо идем, по-дружески. Я не такой уж плохой человек, Кейша. Почему ты ведешь себя так, будто я такой плохой. Ты меня помнишь. Ты знаешь, кто я.

Я не знаю, кто ты. Я ни про кого не знаю, кто он. Перестань за мной ходить.

Почему ты со мной такая грубая? Что я тебе сделал? Я тебе ничего не сделал.

Кто была та девица? Маленькая? В косыночке?

А что такое? Почему она тебя так волнует?

Ты с ней живешь?

Вот в чем твоя проблема: ты хочешь влезть во все чужие сны. Мы друзья — мы так хорошо и по-дружески шли. Что ты теперь ко мне пристаешь?

Она из Брейтона? Что-то она мне показалась знакомой. Ее зовут Шар?

---

[98] notes: 98

Клише американского кино: черный, который приходит на выручку белому в трудной ситуации.

Я ее тогда не знал. Я ее по-другому зову.

Как ты ее зовешь?

Мы в суде? Я своих девиц как хочу, так и зову.

И что ты делаешь со своими девицами? Отправляешь воровать? Ты ими торгуешь? Ты вызваниваешь женщин? Угрожаешь им?

Ой-ой-ой, сбавь обороты, старуха. Ты мне мозги выкрутила. Слушай, мы с девицами держимся друг за друга. А больше тебе ничего и не нужно знать. Они мне прикрывают тыл. Я им. Нас много, но мы одно. Пять пальцев на одной руке.

Ты от кого-то прячешься, Натан? От кого ты прячешься?

Ни от кого я не прячусь! Кто сказал, что я прячусь?

Кто эта девица, Натан? Что ты делаешь со своими девицами?

У тебя с головой не в порядке. Несешь какую-то белиберду.

Отвечай на вопрос! Неси за себя ответственность! Ты свободный человек!

Не, старуха, вот тут ты ошибаешься. Не свободный я. И никогда не был свободен.

Мы все свободны!

Но я не живу, как ты.

Что?

Я не живу, как ты. Ты обо мне ничего не знаешь. Ничего не знаешь о моих девицах. Мы одна семья.

Странная семья.

Другой нет.

Хорнси-лейн

Хорнси-лейн. Сказала Натали Блейк. Вот куда я шла.

Так оно и было на самом деле. Хотя можно сказать, что правдой это стало, только когда она увидела мост. Натан огляделся. Почесал болячку у себя на шее.

Тут никто не живет. Ты кого здесь хочешь найти? Тут вообще край света.

Иди домой, Натан.

Натали пошла к мосту. Фонарные столбы по обе стороны были из литого железа, вокруг их оснований пристроились рыбы с разверстыми пастями, а вокруг стволов обвились драконьи хвосты. Каждый фонарный столб заканчивался наверху оранжевым стеклянным шаром. Шары сияли, а размером не уступали футбольному мячу. Натали забыла, что мост имел не чисто ути-

литарное назначение[99]. Она, хотя и старалась изо всех сил, не могла полностью игнорировать его красоту.

Кейша, иди сюда, старушка. Я с тобой говорю. Не будь такой.

Натали ступила на первый невысокий карниз всего в нескольких дюймах над землей. Она помнила всего один уровень препятствий, но шестифутовое ограждение перед ней наверху было усажено пиками, как средневековое укрепление: пика вверх, пика вниз, железное подражание колючей проволоке. Так они, вероятно, препятствовали уходу людей в никуда.

Кейша?

Вид, расчерченный решеткой. Собор Святого Павла в одной секции. Лондонский огурец[100] — в другой. Половина дерева. Половина машины. Купола, шпили. Квадраты, прямоугольники, полумесяцы, звезды. Сложить из этих деталей целое было невозможно. Оттуда через весь город проходила автобусная полоса — ужасающий красный шрам. Из всего, что она видела, лишь

---

[99] notes: 99

У моста Хорнси-лейн в Лондоне репутация моста самоубийц.

[100] notes: 100

Шутливое название одного лондонского небоскреба на Сент-Мэри-Экс, 30.

квартал башен имел какой-то смысл — башни были отделены одна от другой, но в то же время связаны. С такого расстояния в них виделась логика, каменные столбы, вбитые в древнее поле в ожидании, когда на них что-нибудь водрузят — может быть, статую или платформу. К перилам возле Натали подошли мужчина и женщина и остановились. Прекрасный вид, сказала женщина. Она говорила с французским акцентом. Она вовсе не казалась убежденной в своих словах. Минуту спустя пара пошла вниз по склону.

Кейша?

Натали Блейк посмотрела вдаль и вниз. Она пыталась найти дом у подножия холма к западу отсюда. Ряды одинаковых краснокирпичных труб тянулись до самых окраин. На этом мосту ей требовалось только формальное завершение установленного факта, но чувство, которое привело ее в такую даль, уже принадлежало прошлому. Налетел порыв ветра, стал сотрясать деревья внизу. Ей казалось, что она находится за городом. За городом, если женщина не может посмотреть в глаза своим детям, или друзьям, или семье — если стыд покрыл ее с головы до ног, — то ей остается, вероятно, только лечь на поле и уйти, слившись сначала с травой под ней,

потом с землей под травой. Дитя города, Натали Блейк всегда была наивной в том, что касалось сельской жизни. Но в том, что касалось города, она не ошибалась. Здесь годится только обрыв — резкое и полное обрушение. Она ясно представляла себе это действие, оно возникло перед ней, словно какой-то предмет в руке, а потом ветер еще раз сотряс деревья, и ее ноги коснулись асфальта. Действие так и осталось перспективой для Натали или кого угодно, тем, что всегда можно осуществить. Кто-нибудь наверняка вскоре заявится сюда и востребует его как вероятность, так и само действие, как делали это с мрачной регулярностью сразу же после постройки моста. Но в этот конкретный момент не осталось никого, кто бы это сделал.

Кейша, тут холодно. Мне нужно согреться. Идем, старушка. Кейша, не капризничай. Поболтай со мной еще. Спускайся. Она согнулась, уперлась руками в колени. Ее трясло от смеха. Она подняла голову и увидела Натана — он смотрел на нее, наморщив лоб.

Слушай, я все. Мне нужно двигаться. На хер мне такая обуза? Ты идешь или что? Спросил Натан Богл.

До свидания, Натан. Сказала Натали Блейк.

Она увидела ночной автобус и пожалела, что у нее нет денег. Она не знала, что именно было спасено или кем.

Посещение

Женщина была голой, мужчина одет. Женщина не понимала, что мужчине куда-то надо идти. За их окном раздался шум карнавальной телеги, проверяющей свою звуковую систему, где-то на западе, в Кенсал-райз. На уличном жаргоне это называют «мурда». После нескольких тактов музыка прекращается, вместо нее слышится позвякивание фургона с мороженым. Вот мы идем по шелковичным зарослям. Женщина села и посмотрела на письмо, которое в ранний утренний час оставила на той части кровати, где прежде лежал мужчина. Ей понадобились целый день и большая часть ночи, чтобы «привести в порядок мысли». Наконец, когда начался понедельник, она облизала клейкую кромку конверта, положила его на подушку. Он, не открывая конверт, переложил его на стул. Она теперь смотрела, как ее муж надел изящные итальянские туфли с кисточками, низко натянул на свои кудри бейсболку. «Ты не собираешься его открывать?» — спросила Натали. «Я ухожу», — сказал Фрэнк. Женщина встала на колени в молящую

позу. Она с трудом верила, что, проснувшись, осталась в том же положении, что и вчера, что и днем раньше, что сон не смог ничего стереть. Что и завтра она будет в том же положении. Такой стала теперь ее жизнь. Безмолвные враги, таскающие детей за собой. «Меня не будет несколько часов, — сказал мужчина. — Вернусь и заберу детей. Ты должна найти себе какое-нибудь другое место». Женщина взяла конверт, протянула его мужчине. «Фрэнк, возьми его с собой». Мужчина вытащил из шкафа тонкую книгу — она была заторможена и не успела разглядеть, что это за книга, — сунул в задний карман. «Признания основаны на корысти», — сказал он и вышел. Она услышала его шаги, он спускался по лестнице, ненадолго задержался на втором этаже. Несколько минут спустя хлопнула входная дверь.

Выбор был между ничегонеделанием и движением. Она быстро натянула на себя эффектную одежду — ярко-синюю и белую, — бегом спустилась по лестнице. Дети встретили ее в коридоре. Наоми стояла на перевернутой коробке. Спайк лежал на полу спиной вверх. Оба были серебряными. Серебряные лица, посеребренная одежда, шляпы из фольги. Натали не могла сказать, является ли это следствием некоего драматического

события, разновидностью игры или чем-то другим.

— Где Мария? — спросила она, но сама и ответила на вопрос: — Нерабочий день. Почему вы так вырядились?

— Карнавал!

— Опять? Кто сказал, что два дня?

— Я — робот. В Минвайл-гарденс — конкурс костюмов. Мария их сделала. Мы потратили всю фольгу.

— Мы оба роботы.

— Нет! Спайк — собака-робот. А я главный робот. Там начало в два часа. Вход стоит пять фунтов.

Если она и дальше будет получать такие ясные и полезные описания явления от своих детей, то, наверное, они протянут несколько следующих часов, несколько следующих лет.

— Который час? — Дети Натали хотели, чтобы она посмотрела время на своем телефоне. — Мы не можем здесь оставаться. День такой хороший. Нам нужно уходить.

У детей было по комнате — в доме хватало места, чтобы каждый спал в одиночестве, — но не следующие логике капитала дети хотели спать в одной спальне, в меньшей, на двухъярусной кро-

вати, среди горы одежды. Натали покопалась в этих залежах в поисках чего-нибудь пригодного.

— Я не хочу переодеваться, — сказала Наоми.

— И я не хочу! — сказал Спайк.

— У вас же смешной вид, — возразила Натали.

В глазах дочери Натали видела собственную знаменитую волю, встретившую сопротивление воли еще более неколебимой. Внизу, в прихожей, она посадила робота-собаку в коляску и поспорила с другим роботом о том, позволять или нет этому роботу брать с собой самокат. Она проиграла и этот спор. Она закрыла входную дверь и осмотрела дорогую гору кирпичей и цемента. Вскоре это наверняка будет поделено, все содержимое уложено в коробки и перераспределено, обитатели дома разъедутся и обоснуются по-новому. И наконец, новая пара оптимистических душ, собравшаяся «построить жизнь» для себя, пересечет этот порог. И, если не выходить за границы абстракций, в некотором смысле проецировать себя в будущее таким способом было не так уж трудно.

Через две минуты на дороге дочери Натали надоел самокат, и она попросилась на спинку. Натали сунула самокат в коляску и посадила дочку себе на закорки. Наоми вытянула голову

вперед; ее мягкая щека касалась лица матери, а непослушные волосы лезли матери в рот.

— Почему ты настаиваешь на самокате, хотя и знаешь, тебе не захочется на нем ехать?

Девочка заговорила, ее губы касались ушной раковины матери:

— Я не знаю, чего мне будет хотеться, пока мне не захочется.

Мать заглянула в проволочные корзины детей.

Наоми: зубная паста, резиновый мячик, набор стикеров, большие красные вилы, книга.

Спайк: резиновый мячик, резиновый мячик, светящаяся пластиковая уточка, губки для мытья посуды, пластмассовый меч.

Каждый предмет по пять фунтов, пять предметов. «Паундленд». Натали помнила, как то же самое делала она в «Вулвортсе», куда ее давным-давно приводила Марсия, но тогда каждая вещь стоила по фунту, и за свои деньги можно было получить гораздо больше, и каждая вещь должна была быть «полез– ной».

— Меня интересует процесс принятия решений.

— Я помогала Спайку выбирать. Но он выбрал это.

— Губки для мытья посуды тебе не нужны,

детка.

— НУЖНЫ.

Натали взяла вилы.

— Это на Хэллоуин.

— Ном, сейчас август.

— НУЖНЫ!

— Серьезно, — сказала Натали с серьезным выражением лица, — договорились.

У кассы продавалась «Килбурн таймс» за двадцать пять пенсов.

УБИЙСТВО НА АЛЬБЕРТ-РОУД.
СЕМЬЯ ИЩЕТ СВИДЕТЕЛЕЙ

На потрепанном диване сидел растафарианец, держа фотографию взрослого сына. Рядом сидела молодая красивая женщина, сжимая левую руку отца двумя своими. На обоих лицах было написано такое горе, что Натали обнаружила: долго смотреть на фотографию она не может. Она перевернула верхний экземпляр, сложила газету пополам.

— И газету, — сказала она.

Время у них было — убивай, сколько хочешь. Натали понятия не имела, что должно случиться с ними, когда время будет убито. Они отправились в зоомагазин. Натали отпустила на свободу

робота-собаку. Смотрела, как главный робот и робот-собака побежали вниз по пандусу, к свободе. Она развернула газету и попыталась читать на ходу, толкая перед собой коляску и поглядывая на двух красивых детей, которые бродили по похожему на пещеру магазину и разговаривали с ящерицами или спорили о различиях между хомяком и песчанкой. Ей хотелось позвонить Фрэнку; у него было более глубокое, чем у нее, понимание реальности, в особенности хронологии, но звонок Фрэнку означал необходимость объяснять то, чему у нее не было объяснения. Два дня назад. Шесть часов вечера. Альберт-роуд. Она все время возвращалась взглядом к этому абзацу, пыталась выжать из него немного больше смысла. Она не могла сказать, не пытается ли она влезть в чужую драму (Фрэнк часто говорил, что у нее есть такая привычка), или знает кое-что о том, что случилось в тот час на той дороге. Теперь она попыталась извлечь слово «Феликс» из фотографии в фотографии. Ямочки и веселое мальчишеское выражение. Свежая желтая с черным худи. Сделать это было легко. Он был местным, и она его узнала, правда, ничего более определенного сказать про него она не могла. Кроме того, что он выглядел точно как некий Феликс.

Она оторвалась от газеты, подняла голову. Окликнула. Ничего. Она пошла к рыбам, ящерицам, собакам и кошкам. Нигде. Она убедила себя в том, что она не истеричка. Она лишь чуть-чуть прибавила шаг по кругу, который только что совершила, окликая их по именам совершенно нормальным тоном. Ничего, нигде. Она оставила коляску и быстро подошла к прилавку. Она спросила двух человек, и они ответили с убийственным отсутствием всякого волнения. Она вернулась к рыбам и ящерицам, крикнула. Она понимала, что ее дети не похищены, не убиты, что они где-то не далее чем в пятидесяти футах от места, где она сейчас стоит, но перебор всех этих логических выводов никак не пресек того, что сейчас происходило внутри ее. Она смотрела через пропасть, которая отделяет людей, познавших невыносимую боль, от не познавших. Натали мгновенно прошиб холодный пот. К ней подошел человек в фартуке, чтобы успокоить ее. Она протиснулась мимо него и бросилась на улицу. И в эту пропасть она почти поместила Фрэнка, детей, мать, Ли. Всех, кто когда-либо ее любил.

Она шагнула влево и остановилась: инстинктивно выбранное направление по какой-то причине было отвергнуто. Пошла в другую сто-

рону, забежала в соседний магазин, потом вниз, по еще одному пандусу в другую пещеру, заполненную безголовыми манекенами в хиджабах и огромными свертками черного шелка, уложенными многочисленными квадратными кипами на длинных полках. Без всякого плана она пробежала вокруг стоек с тканями и шарфами, мимо расшитых платьев, потом снова на улицу и в зоомагазин, где сразу же их увидела — они сидели на полу в самом конце перед кроличьими клетками.

Она упала на колени и обняла детей обеими руками. Она целовала их лица, и они принимали от нее этот дар без всяких слов.

— Ты можешь съесть кролика? — спросила Наоми.

— Что?

— Ты когда-нибудь ела кролика?

— Нет… то есть люди едят, я — нет. Постой, телефон звонит. Вы не должны так исчезать. Вы меня перепугали до смерти.

— Почему ты не ешь кроликов?

— Детка, я не знаю, просто никогда не хотела. Дай-ка я отвечу. Слушаю.

— Ты ешь свиней, цыплят и овечек. И рыбу.

— Ты права — в этом, по правде говоря, мало

смысла. Слушаю. Кто говорит?

Мишель. Она сразу же услышала, что он очень расстроен. Она встала, отошла на несколько шагов от детей и подняла палец, показывая, что они должны оставаться на месте.

— Она лежит под солнцем, — сказал Мишель. — Не говорит. Я больше не знаю, что делать. Почему она меня ненавидит?

Натали попыталась его успокоить. Она взяла на себя роль Фрэнка: установить хронологию. Но ничего из этого не имело смысла. Что-то о лекарствах. Фотографии.

— Не понимаю, — с легким нетерпением сказала Натали Блейк.

— Вот тогда я у нее спрашиваю: что случилось? Правда, что случилось? Она говорит: «Посмотри коробочку в ящике стола». Вот я смотрю.

— И что? — спросила Натали, чувствуя, что на самом деле эта история из тех, что приходится выдавливать до последней капли избыточного драматизма. Ей хотелось вернуться к детям.

— Таблетки. Мы целый год пытались! Не знаю, все время она их принимала или нет. На них — твое имя. Это ты их ей дала, Натали? Зачем ты так со мной поступаешь? Что это за херня, старуха?

Теперь дети подошли к Натали с двух сторон,

ухватили ее за ноги, принялись тянуть, а Натали защищалась от обвинений в пособничестве. Обычно вся ее энергия направлялась на защиту — этому она была обучена, — но по мере того как она говорила, ее мысли перетекли на то, что воспринималось ею как целина, на которой она могла представить что-то вроде боли, которую испытывала подруга, а представив, воссоздать какое-то подобие ее боли в себе.

— Слушай, мне очень жаль.

— Почему она мне врет? Она не в себе. Она мне сказала, что начала молиться. Она не в себе. С того дня, как умерла Олив, она не в себе.

— В себе. Она все та же Ли.

— Почему она меня ненавидит?

— Ма… пошли, ма. Ну же! Пошли!

— Ли тебя любит. Всегда любила. Она просто не хочет ребенка.

Ясность. Яркая, ослепляющая, такая, которую невозможно созерцать дольше мгновения и которая вскоре превращается во что-то другое. И все же на мгновение она задержалась здесь.

— Пожалуйста, приходи.

Они втроем сидели на автобусной остановке перед «Паундлендом», ждали девяносто восьмого. Дама лет семидесяти с лишним с привлекающей

взгляд седой прядью в черных волосах рассказала, как ей с йоркширским терьером в ручной клади удалось избежать революции на самолете, зафрахтованном самим шейхом. Не с этим терьером. С тем, что был за два терьера до этого. Но в некотором смысле я стала хорошей мусульманкой, только когда приехала в Килбурн. Вот где на меня сошла настоящая святость. Я думала, собаки — *хараам*, сказала Натали. Не моя собака. Минди-Лу — настоящий божий дар. Пусть она полижет ваших детей. Это своего рода благодать божья.

Подошел автобус. Натали села, прижала раскалывающийся лоб к стеклу. «Петушиная таверна». «Макдоналдс». Старый «Вулвортс». Букмекерская контора. «Стейт эмпайр». Уилсден-лейн. Кладбище. Кто сказал, что это ее пожизненные координаты, которым она всегда будет верна? Как она может их обмануть? Свобода была абсолютной и повсеместной, постоянная смена мест. Нельзя найти ее в старых, знакомых местах. Как невозможно заставить других людей раздеться и отдать тебе их одежду. Ясность! И когда я поняла, что Минди-Лу фактически может говорить со мной через мой мозг, тогда у меня и наступил миг прояснения, как в книге или кино, и я поняла, что надо мной всегда будут трястись, меня всегда

будут любить все, с кем я встречусь, всегда, до самого конца. О'кей, сказала Натали, подняла Наоми и покатила коляску к выходу. Приятно было поболтать. Мы здесь выходим.

У двери Мишель взял Натали за руку и повел по коридору, через кухню и дальше по траве, словно они отправились в экспедицию и она без него не нашла бы дорогу. «Может, купить новую собаку. Я не знаю, чего она хочет». Он был совершенно разбит. Такой милый. Натали поднесла ладонь козырьком ко лбу, защищаясь от августовского солнца. Она увидела Ли — та лежала в гамаке в саду, под солнцем. Она пролежала там несколько часов, отказываясь говорить. Натали вызвали для срочной консультации. Она пыталась тихонько подойти с детьми. Но они цеплялись за нее, оба слишком разгоряченные и кричащие, мешали ей идти. Мишель предложил взять их на кухню. Они прилипли к матери. «Может, наполни это», — сказала Натали и передала Мишелю две пластиковые бутылочки. «Дети, идите. Идите с Мишелем». Она села на скамейку напротив гамака и позвала свою добрую подругу по имени. Ничего. Она спросила у Ли, что случилось. Ничего. Она сняла с себя сандалии и коснулась босыми ногами травы. С тем, что осталось от ясности,

она предложила подруге на выбор несколько афоризмов, аксиом и пословиц, об истинном содержании которых она могла только догадываться по их широкому распространению — так человек принимает на веру номинальную стоимость бумажных денег. Честность — лучшая политика. Любовь побеждает все. Выбирай, что нравится.

Она говорила, и Ли ее не останавливала, но Натали попусту тратила время. Она нарушала женский закон, который гласит, что одна женщина не должна показывать другой слабость, если такая же уступка не будет сделана другой стороной. Пока Натали не внесет платеж в виде новоиспеченной истории, предпочтительно глубоко личной, хотелось бы надеяться секретной, она ничего не получит, а кроме того, до этих пор ее добрая подруга Ли Ханвелл не будет слушать никаких советов.

— Ли! — воскликнула Натали Блейк. — Ли, я с тобой говорю. Ли!

Она услышала вопли Спайка; он бежал к ней и вскоре запрыгнул на нее, а она подняла его и попыталась выслушать и понять ту несправедливость, которую, как он считал, была совершена по отношению к нему. Ли очень медленно повер-

нула голову к Натали. Спайк лежал на коленях матери. Нос Ли сгорел и шелушился.

— Посмотрите на нее, — сказала Ли. — Мать с ребенком. Посмотрите на нее. Просто мадонна, блядь.

Ребенок. Дети. Не младенцы, не что-то беспомощное, нуждающееся в твоей помощи. Прекрасное, непостижимое, а не ее руки, или ноги, или какое-то иное продолжение. Натали так крепко прижала Спайка к себе, что он начал возражать. Это было знание, подобное возвышенному дару, и этот дар ей нечаянно дала Ли. Ей хотелось в обмен дать подруге что-то равноценное. И если бы чистосердечие представляло собой в этом мире что-то такое, что человек может взять и сохранить, если бы оно было предметом, может быть, Натали Блейк поняла бы, что идеальный подарок в этот момент — честный рассказ о ее трудностях и неопределенностях, ясно выраженный, без всяких масок, приукрашений или оправданий. Но инстинкт самозащиты, самосохранения у Натали Блейк был слишком силен.

— Я не буду извиняться за те выборы, что сделала, — сказала она.

— Господи, Нат, кто тебя об этом просит? Давай оставим это в прошлом. Я не хочу с тобой

спорить.

— Никто и не спорит. Я пытаюсь понять, что с тобой. Не могу поверить, что ты сидишь здесь, заигрываешь с раком кожи, потому что не хочешь иметь ребенка.

Ли повернулась в гамаке спиной к Натали.

— Я просто не понимаю, для чего у меня эта жизнь, — тихо сказала она.

— Что?

— Ты, я, все мы. Почему эта девочка, а не мы. Почему этот несчастный парень на Альберт-роуд. Это лишено для меня всякого смысла.

Натали нахмурилась и сложила руки на груди. Она ждала более трудного вопроса.

— Потому что мы больше работали, — сказала она и закинула голову назад на спинку скамьи, чтобы видеть широкое небо. — Мы были умнее и знали, что не хотим побираться у дверей других. Мы хотели выйти. Люди вроде Богла — они хотели, но не слишком сильно. Извини, если ты считаешь этот ответ некрасивым, Ли, но это правда. О таких вещах узнаешь в зале судебных заседаний: люди обычно получают то, что заслуживают. Знаешь, одно из преимуществ, которое появляется у тебя вместе с детьми, состоит в том, что у тебя нет времени сидеть в гамаке и

предаваться депрессии, оттого что ты не можешь найти ответы на абстрактные вопросы. С моей точки зрения, твоя жизнь сложилась. У тебя муж, которого ты любишь и который любит тебя, и он не перестанет тебя любить, если ты скажешь ему правду о том, что тебя мучает. У тебя есть работа, друзья, семья, место, куда… — сказала Натали и продолжила свой жизнерадостный список, но она поняла, что к тому времени автоматически стала говорить о собственном списке, а единственной мыслью, которая занимала ее, был Фрэнк и огромное желание поговорить с ним.

— Поговорим о чем-нибудь другом, — сказала Ли Ханвелл.

По газону пришли Мишель с Наоми, подносом с выпивкой, двумя кружками-непроливайками и бутылкой белого вина с бокалами.

— Она говорит? — спросил он.

— Она говорит, — сказала Ли.

Мишель налил вина взрослым.

— Пожалуйста, — сказала Ли, принимая бокал. — Я не хочу делать это при детях. Поговорим о чем-нибудь другом.

— Я, кажется, знаю, что случилось на Альберт-роуд, — сказала Натали Блейк.

Первым делом они отправили электронное

письмо. На «горячую линию» сайта полиции, анонимно. Но это показалось им охолаживающим действом, недостаточным, и, отправив письмо, они уставились на экран, чувствуя разочарование. Они решили позвонить в килбурнское полицейское отделение.

— Как минимум, — сказала Ли Ханвелл, которая словно зарядилась новой энергией, — у полиции могут возникнуть вопросы к Натану Боглу. Судя по тому, что ты сказала. В дополнение к тому, что нам уже известно. О его характере. Как минимум, он человек, к которому у полиции могут быть вопросы.

Определенно человек, к которому могут быть вопросы.

— Ты права, — сказала Натали Блейк, — так и нужно поступить.

И несколько минут спустя, когда они еще раз перебрали противоречивые составляющие истории, Ли вернула те же слова Натали.

Через стеклянную дверь они смотрели на детей, бегающих по газону. Ли нашла в Интернете номер телефона. Натали набрала. Говорила Кейша. Кроме того факта, что телефон она вытащила из своего кармана, весь процесс напомнил ей не что иное, как звонки двух подружек-школьниц

нравившимся им мальчикам. Всегда немного на взводе, две головы, прижимающиеся друг к дружке, с трубкой посередине.

— Я хочу сообщить вам кое-что, — сказала Кейша Блейк, маскируя свой голос своим голосом.

Благодарности

За создание времени: Марию Шопову, Шэрон Сингх, Ситу Узман, Свободу ©, Самоконтроль ©.

За создание автора: Ивонну Бейли-Смит.

За чтение этой книги: Саймона Проссера, Джорджию Гарретт, Энн Годофф, Сару Мангузо, Джемму Сейфф, Хилтон Алс, Тамару Барнетт-Херрин, Сару Вулли, Девору Баум, Сару Келлас, Дэрри Пинкни, Дэниела Келмана, Анелайз Чен, Джоша Аппиньянези.

За знание местности: Джима Форда, Лена Сноу.

За знание закона: Элисон Макдональд, Мэтью Райдера.

За вдохновение: «Черный дом» Колина Джонса, ставший моделью для «Гарви-Хауса».

За идеальную дружбу: Сару Келлас.

За все, что сказано выше, за гораздо большее, за все: Ника Лейрда. Спасибо.

* * *

«Северо-Запад» по праву можно считать наиболее экспериментальным романом Зэди Смит. Сама писательница признает, что вдохновлялась такими мастерами стиля и формы, как Вирджиния Вулф и Дженнифер Иган. В книге, где каждый герой имеет свой неповторимо яркий голос, невозможно не услышать то, о чем говорит Зэди Смит: как пронести себя сквозь тяготы и препятствия жизни? Как не потерять свою личность в процессе? Или же это от нее мы и пытаемся сбежать?

«Северо-Запад» – намеренное низложение. Литературный талант позволяет Смит раздвинуть привычные границы нарратива, чтобы отыскать правду, какой бы дерзкой и болезненной она ни была. Результатом стал этот роман, глубокий, пылкий и настоящий.

The New York Times